

12
1970

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т

ДАЛЕКО
ЗА МАГАДАНОМ...

Фото
В. Маргаритто

Литературно-художественный,
научно-популярный ежемесячный
журнал для детей и юношества.
Орган Союза писателей РСФСР,
Свердловской писательской
организации и Свердловского
обкома ВЛКСМ

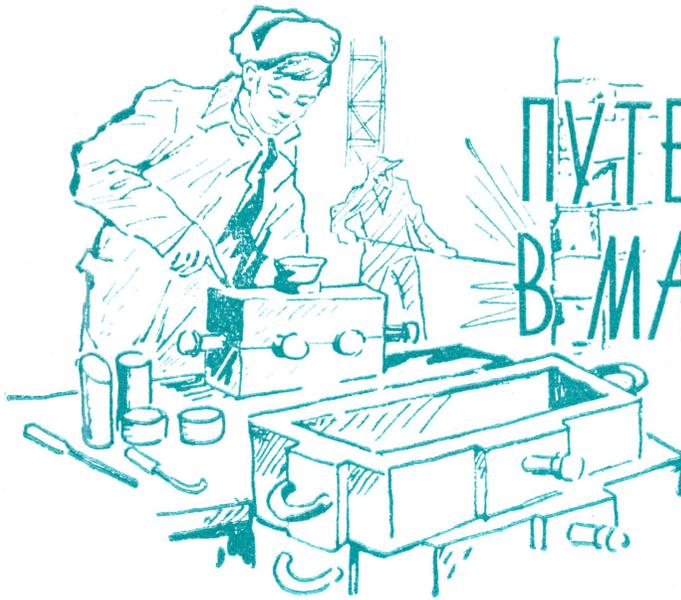
Год издания тринадцатый

В НОМЕРЕ

В. Курганов ПУТЕВКА В МАСТЕРСТВО. Воспоминания.	2
В. Альтов К ИСТОКАМ. На приз нашего журнала	7
А. Бурых ШКОЛЬНЫЕ ЛЕСНИЧИЕ	9
С. Гагарин ВЕТКА БЕРЕЗЫ. Рассказ	10
СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА.	16
Д. Лившиц СТИХИ	18
Л. Вакуловская ДАЛЕКО ЗА МАГАДАНОМ...	20
В. Крапивин ФЛАГ ОТХОДА. Рассказ	24
О. Савин ИЗ РОДА ЛЕРМОНТОВЫХ	30
Г. Лемещук, Т. Матвеева КОЛОМБОВ РОССКИХ ЮБИЛЕИ	33
В. Златкин ДОСЬЕ ДОКТОРА ДЖЕЙМСА. Повесть	37
Л. Клейн КТО ОН — ДОКТОР ДЖЕЙМС?	45
В. Жемчужников ПРИЕЗЖАЯ. Рассказ	48
В. Павлинин ДЕВЯТЬ МЕСЯЦЕВ СНА	52
А. Пашук МОЯ ФОТООХОТА	53
И. Полуянов РОСОМАХА. Рассказ	54
К. Богданович КНИЖНЫЕ РАРИТЕТЫ СИБИРИ	57
А. Кирпичников КАМНЕМЕТНАЯ АРТИЛЛЕРИЯ	61
В. Ботова АКШУАТСКИЙ ЛЕСОПАРК	62
В. Ветов НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ БОЧЕНКИНА И ХВОЦА. Юмористические рассказы	63
В. Житников «ЧЬИ ВЫ?»	77
ОБЛОЖКА В. ВОЛОВИЧА И С. КИПРИНА	

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫИМ

12
1970

ПУТЕВКА В МАСТЕРСТВО

ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШЕГО «ФАБЗАЙЦА»

Валериан КУРГАНОВ

Рисунки В. Яковлева

В 1923 году, с которого я начну свой рассказ, Березовый переулок — рабочая окраина Киевского машиностроительного завода «Большевик», где работал мой отец, — состоял из полутора десятков дворов с двумя-тремя одноэтажными домиками в каждом.

Ежедневно в пять часов вечера на заводе раздавался гудок, возвещающий об окончании рабочей смены.

Этот гудок служил одновременно и сигналом для всех домохозяев. Больше, чем обычно, суетились матери и жены — накрывали столы, хлопали занавесками печей, готовили воду для умывания, наводили в доме последний «лоск» перед приходом кормильцев.

Даже мы, ребята, как-то невольно подтягивались.

Такая ежедневная небольшая суматоха в конце дня была естественным выражением чувства уважения к рабочему человеку, занимающему прочное место в жизни, **состоящему при деле.**

Нам, ребятам, хотелось во всем подражать своим отцам и старшим братьям. Хотелось поскорее самим надеть спецовку и каждое утро вот так же уходить по гудку на завод, а вечером, тоже по гудку, с чувством выполненного долга являться домой, где тебя уже ждут.

Вот почему однажды, забрав в школу документы, я отправился на биржу труда. Я думал, что заводские ворота тут же распахнутся передо мною.

Я рассуждал так: если мой отец, совсем не умея читать и писать, стал настоящим мастером своего дела, то мне с моими шестью классами трудовой школы овладеть профессией ровным

счетом ничего не стоит. Однако я был глубоко разочарован и уязвлен, когда, явившись на биржу труда, увидел огромную толпу людей, жаждущих получить хотя бы временную работу. О постоянной и не помышляли.

Взяли и меня на учет. При этом дали понять, что рассчитывать на работу можно лишь через год, а то и через два.

Вышло так, что школу я оставил зря. Можно было спокойно ее закончить, пока движется очередь на бирже. Но о возвращении в школу не могло быть и речи: ведь я уже объявил одноклассникам, что учиться больше не намерен, так как поступаю на завод, где работает мой отец.

В течение почти двух лет я ходил в установленные сроки на биржу труда для очередных пометок в учетном листе. А чтобы не прослыть дармоедом и бездельником, брался за любую случайную работу: летом ходил по дворам, нанимался пилить и колоть дрова, носил воду из колодца. Зимой заливал каток в Пушкинском парке.

В лучшем случае удавалось заработать копеек пятьдесят за день.

Но вот наконец сбылась моя заветная мечта: в памятное утро 25 июня 1925 года мне выписали направление на машиностроительный завод «Большевик».

Босиком, припадая на забинтованную ногу, пятку которой я недавно проткнул гвоздем в одной из уличных баталей, пересекал я весь город, направляясь с одной из его окраин на другую.

Путь был немалый — более восьми километров, нога сильно болела, и я очень торопился, но роскошь проехать на трамвае я позволить себе

не мог: ведь билет в один конец стоил целых 10 копеек.

Оформление на работу много времени не заняло.

Я предъявил работникам отдела кадров лишь справку биржи труда и метрику, и меня тут же зачислили учеником в литейный цех — временно, до начала занятий в заводской школе фабрично-заводского ученичества.

И вот уже я в конторе литейного цеха, стою перед табельщиком. В то время организация управления производством была весьма простая. Возглавлял цех старший мастер. Было еще два мастера: один в стержневом отделении, а другой — на мартеновской печи. Табельщик осуществлял функции нарядчика, бухгалтера и кассира.

— Группа учеников-литейщиков еще не укомплектована, — объяснил он мне. — Ничего, пару месяцев поработаешь в стержневом отделении.

Беседа с мастером стержневого отделения дядей Васей была еще более лаконичной. Оглядев меня довольно скептически с ног до головы, дядя Вася коротко бросил:

— На работу выходи завтра с утра. Да на ноги чего-нибудь надень, а то скоро и вторую ногу придется перевязывать.

Затем он громко позвал:

— Данилов!

На зов явился приземистый малый лет тридцати. Бригадир.

— Вот, возьми его, — дядя Вася кивнул в мою сторону и уже на ходу бросил: — Займись.

На другой день Данилов, распределив работу, подвел меня к верстаку. Взял небольшой, состоявший из двух половинок деревянный ящик. Крепив его половинки струбциной, насыпал в отверстие землю и стал ее уплотнять металлическим стержнем. Потом загладил поверхность гладилкой, смочил водой, раза два легонько пристукинул по ящику деревянным молотком, снял струбцину и раскрыв ящик.

Я увидел земляной цилиндр диаметром в два и высотой в пять сантиметров. Данилов поставил его на гладкую металлическую плиту, слегка присыпанную сухой землей, и снова насыпал в ящик землю. Изготовил второй цилиндр и поставил его рядом с первым.

Я был разочарован и обескуражен. Я, конечно, понимал, что мое обучение на заводе не начнется с самостоятельного изготовления паровой машины. Но чтобы такие вот детские игрушки... Экая невидаль!

Я еще не знал, что эти земляные цилиндрики после сушки встанут в формы, и на их месте при отливке во фланцевых соединениях образуются готовые отверстия. Не нужно сверлить эти отверстия на станке.

Между тем Данилов передал мне ящик и инструменты и велел самому изготовить в его присутствии несколько стержней.

Не так скоро, как у Данилова, но все же поаязились на плите и мои цилиндрики.

Удовлетворенный результатами, бригадир поощрительно хлопнул меня по плечу:

— Ну вот, Валерьян, в том же духе и продолжай! Как заполнишь плиту шишками, отнеси ее в сушилку и начинай заполнять новую.

«Ладно, — с досадой подумал я, — шишки так шишки. А то можно и пирожков налепить. Это мы умеем».

Постепенно работа меня увлекла, и я решил

удивить бригадира: изготовил за свою ученическую шестичасовую смену с полтысячи этих самых цилиндриков.

На другое утро дядя Вася сам принес к моему верстаку одну из плит, на которой стояли изготовленные мною и уже высушенные цилиндрики. Даже не взглянув на меня, он громким голосом позвал бригадира. Как только Данилов подошел, дядя Вася схватил несколько стержней и под носом у бригадира раздавил в руках.

— Ты чему его учил? Тебе доверили сделать из него человека, а не портача! Полнубуйся!

Данилов взял с плиты стержни, изготовленные им самим, и протянул мастеру:

— Учил я его делать вот такие шишки. Попробуйте, раздавите.

Разбушевавшийся дядя Вася схватил плиту со всей моей «продукцией» и швырнул в угол. По-прежнему как бы не замечая меня, уже на ходу бросил Данилову:

— Ты обязан был разъяснить: набивать шишки надо руками, а не тем местом, которым ты думал, когда показывал ему работу.

Я был готов провалиться сквозь землю. Все двадцать стерженчиков были свидетелями происшедшей сцены.

Лучше бы меня самого мастер обругал последними словами, пусть бы даже, на худой конец, дал затрещину. Но зачем же он бригадира-то?.. Значит, я для него — нуль, и он пренебрег мною, как какой-то козявкой. Тогда я еще не понимал, что дядя Вася, как опытный воспитатель, сыграл на самых чувствительных моих струнах.

Я был уничтожен и стоял с отрешенным видом в ожидании окончательного приговора. Мысленно я уже прощался с надеждой стать рабочим человеком.

Данилов понял мое состояние. Неожиданно улыбнувшись, он обратился ко мне с такими словами:

— Да, браток, это тебе не пирожки во дворе из песка лепить. Да и я хорош — не присмотрел вовремя. Значит, тоже виноват. Так что мастер прав. А раз так — давай будем исправляться.

Мне просто здорово повезло, что я попал к этому человеку. Позднее мы с ним даже стали друзьями — это когда в новом чугулитейном цехе, уже в 1931 году, я возглавлял большую бригаду формовщиков, а он со своими подручными делал для нас стержни.

Через несколько дней мне выдали спецодежду. Надев ботинки военного образца, облачившись в брезентовые куртку и штаны, я отправился после окончания смены домой.

Вот и родной Березовый переулок... Мое появление произвело настоящий фурор.

Вначале все, кто в этот момент был на улице, молча, с открытыми ртами застыли на своих местах. Затем Жорка Сахоцкий, заложив пальцы в рот, пронзительно засвистел — это был сигнал общего сбора.

Не прошло и минуты, как я был окружен плотным кольцом сбежавшихся со всех сторон натпинкертонов, шерлокхолмсов. Оцепенение первых минут прошло, посыпались вопросы:

— Это все настоящее?

— Тебе это дали за так?

— А они гнутся?

Последнее относилось к моим брезентовым штанам.

Чтобы подкрепить действием свой ответ, я тут же снял штаны и поставил их на дорогу. Штаны стояли прочно, без вмешательства потусторонних сил.

В переулке я стал табу. Простому смертному от шести до пятнадцати лет до меня нельзя было пальцем дотронуться. Звали меня теперь не Валькой, а Валерьяном, и авторитет мой был непререкаем при обсуждении любых вопросов.

Незаметно прошло лето, наступило первое сентября, первый день занятий в группе «фабзайцев»-литейщиков. Производственное обучение было организовано прямо в цехе, на специально выделенном и оборудованном для этого участке.

Нашим инструктором был Михаил Яковлевич Климентьев, кадровый рабочий высокой квалификации. Небольшого роста, с монгольскими чертами лица, уравновешенный и неторопливый, всегда подтянутый и гладко выбритый — таким я увидел его впервые и таким он запомнился мне на всю жизнь.

Был он немногословен, предпочитал меньше говорить, а больше делать. И нас к этому приучал.

Перед заливкой форм Климентьев выборочно заставлял нас открывать готовые формы и внимательно их осматривал. Если обнаруживал небрежность, времени на распекание и пояснения не тратил. Молча ударом ноги разбивал форму, а бракодела в течение определенного времени заставлял ежедневно предьявлять для проверки всю работу.

Однажды Климентьев подошел ко мне:

— Показывай,— и пальцем ткнул в одну из форм.

Раскрыв свое изделие, я оторопело застыл: вся нижняя его часть была разрушена!

Климентьев некоторое время смотрел то на форму, то на меня и что-то про себя прикидывал. Я тоже старался понять причину брака. Видимо, накрывая форму, я зазевался и направляющим штырем верхней половины опоки разрушил одну из стенок. Отливка явно пошла бы в брак. Я чувствовал на себе укоризненный взгляд инструктора. Он ждал моих объяснений.

Обычно в таких случаях виновники молчали. Да и что говорить, если ты явно виноват! Но меня дернула нелегкая за язык: я начал оправдываться, притом довольно бодро:

— Дядя Миша, ну бывает же!.. Я ведь это случайно. Ошибся... На ошибках ведь и учимся, дядя Миша.

Климентьев нахмурился. Лицо его побаргowało.

— Верно,— сказал он,— ошибки бывают у каждого. Это я понимаю. Да ведь тут-то не ошибка,— он брезгливо пнул ногой мою форму.

Помолчав, спросил:

— Сколько тебе государство платит в месяц? Не понимая еще, к чему он клонит, я ответил:

— Двенадцать... с полтиной.

— Ну вот. А сколько стоит отливка, которая из-за твоей халатности чуть было не пошла в брак?

Этого я не знал. Просто никогда об этом не думал.

Климентьев, нарушив затянувшееся молчание, сам ответил на вопрос:

— Она в несколько раз дороже твоего месячного заработка. Так что подумай: как бы ты

учился на ошибках при Гретере и Криванеке¹. Они без разговоров удержали бы с тебя полную стоимость отливки. Сколько месяцев тебе пришлось бы работать даром?

Такая постановка вопроса ошеломила не только меня, но и моих товарищей, которые молча толпились вокруг и слышали весь разговор.

Срок обучения в школе был трехгодичный, и по общеобразовательным дисциплинам мы должны были усвоить программу тогдашней семилетней трудовой школы.

Но так как большинство учащихся при поступлении в школу ФЗУ уже имели за плечами шесть-семь классов, нам дополнительно ввели еще ряд специальных дисциплин, в том числе — технологию литейного производства.

Наш инструктор не только обучал нас профессии.

Он настойчиво и требовательно прививал нам чувство уважительного отношения к труду рабочих смежных профессий.

Выгруженные отливки поступали в обрубное отделение. Там их вручную очищали от приставшей земли, заливо, зачищали места установки литников и выпоров. Одним словом, отливкам придавался товарный вид, а уж затем их отправляли в механический цех для обработки на станках.

Чтобы земля во время заливки не прикипела к металлу, модель перед набивкой опоки наполнительной землей обкладывалась слоем так называемой облицовочной земли, более огнестойкой. Каждый литейщик обязан был сам приготовить облицовочную землю для своих форм. Иной раз бывало так. Приготовил литейщик, как обычно, с утра некоторый запас облицовочной земли, но как следует не рассчитал потребность в ней. Смена идет к концу, а земли уже мало. Если начать готовить новую порцию, не хватит времени на изготовление самой формы. И идет рабочий на компромисс со своей совестью: обкладывает модель недостаточно толстым слоем облицовочной земли. А в результате при заливке этот слой не выдерживает жара раскаленного жидкого металла, начинает плавиться и прикипает к металлу. Значит, обрубщику, чтобы снять пригар и придать отливке товарный вид, вместо нескольких минут теперь потребуются часы.

Нормировщиков и нарядов на каждую деталь в те годы в цехах не существовало. Система оплаты для всех профессий в цехе была одна: и литейщик и обрубщик получали за пуды отлитых или обработанных в течение месяца деталей.

Так что небрежность формовщика наносила двойной ущерб — резко снижалась выработка и заработная плата обрубщика. Как же в таких случаях поступал Климентьев?

Помню, однажды незадолго до окончания смены ко мне обратился Хлебко:

— Валерьян, у тебя нет лишней землицы, а то, понимаешь, у меня мало осталось.

У меня формовочной земли уже не оставалось, и я посоветовал поспрашивать у других ребят — если у кого есть запас, то непременно поделятся, все равно ведь к утру пересохнет.

Хлебко уныло ответил:

¹ Бывшие владельцы завода.

— Всех обошел — дочиста, черти, подмели, — и вернулся в свой угол.

На следующий день, примерно через час после начала смены, из обрубного отделения, куда он наведывался каждый день, вернулся Климентьев и, по своему обыкновению, молча взяв за руку Хлебко, повел его к обрубщикам. Вернулся оттуда уже один, без Хлебко.

Как вскоре донесла наша разведка, к корпусу подшипника, который Хлебко формовал накануне перед концом смены, сильно пригорела земля. Климентьев, подведя Хлебко к этой отливке, вручил парню молоток, зубило и металлическую щетку и заставил самого обрубать и зачищать деталь.

Наши ребята поочередно бегали в обрубное отделение поглядеть на товарища, испугавшего в поте лица свой грех. А когда незадолго до обещанного перерыва он вернулся уставший, потный, чумазый, то был встречен довольно продолжительным и пронзительным свистом.

Климентьев обязал нас систематически посещать механический цех, где обрабатывались отлитые по нашим формам детали. И те из деталей, которые браковались, мы должны были сами приносить инструктору для анализа причин брака.

...Однажды я получил модели и задание заформовать и отлить несколько десятков рамок для крепления ножей к дисковой свеклорезке. Отливки получились хорошие, чистые, и после несложной обработки в обрубном отделении они были отправлены в механический цех.

Представьте себе мое огорчение, когда некоторое время спустя в куче брака в механическом цехе я обнаружил несколько своих рамок: под тонкой поверхностной коркой металла оказались раковины!

Весьма удрученный, притащил я одну деталь нашему инструктору.

Собрав, как обычно в таких случаях, всех нас вокруг детали, Климентьев обратился ко мне с вопросом:

— Можешь сам объяснить, что произошло?

Я недоуменно пожал плечами.

Тогда он обратился уже ко всем:

— Вспомните. Когда я показывал вам, как надо производить набивку форм, то предупреждал: начиная уплотнять первые слои формовочной земли, следите, чтобы трамбовка не ударила по модели. Курганов это правило нарушил.

— Дядя Миша, — взмолился я, — я понял так: ударять трамбовкой по модели нельзя, чтобы саму модель не испортить... Ну, правда, раза два-три рука у меня срывалась, да при чем же здесь раковины в отливках?

— При том, — сказал Климентьев. — Смотрите все сюда...

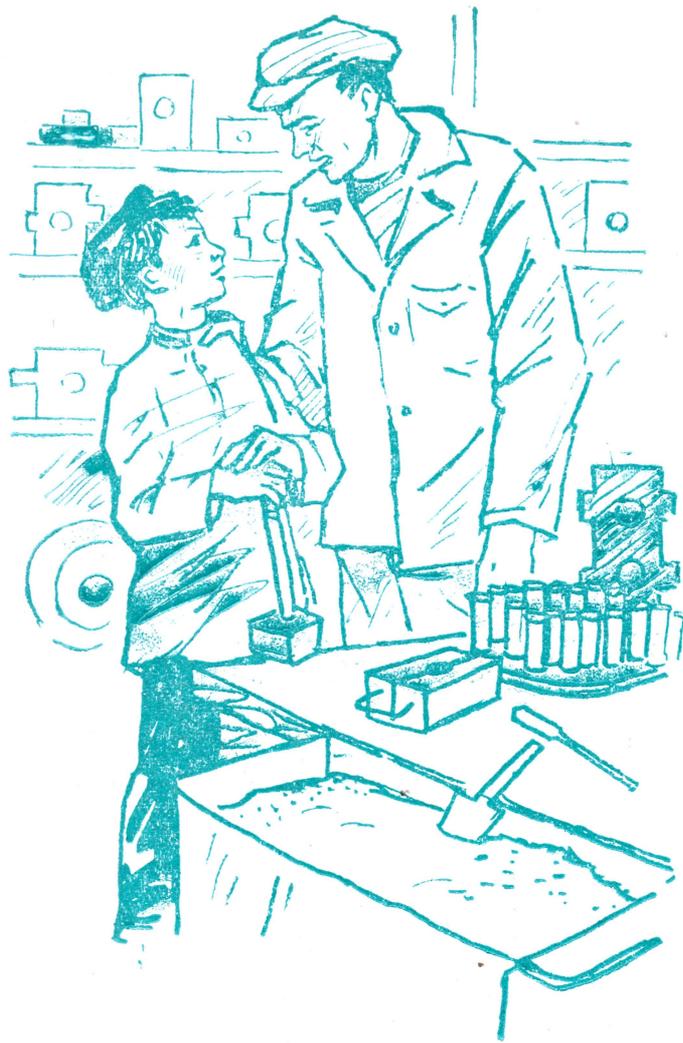
Оказывается, во время заливки формы расплавленным металлом в ней образуется много газов, одна часть которых уходит через выпора, а другая выводится сквозь мелкие

поры между песчинками земли в самой форме. Так вот, когда форма уже наполнилась и металл достиг верхней части формы в том ее месте, где я ударил по модели трамбовкой, песчинки земли так плотно сбились, что закрыли выход газам. Металл в этом месте вскипел, газы ушли внутрь отливки. Наружный слой металла, коснувшись стенок формы, сразу затвердел, а газы остались внутри. Вот так и появились раковины.

...Летом 1931 года, когда я уже возглавлял в новом чугунолитейном цехе одну из бригад, мне поручили заформовать и отлить цилиндр паровой машины — одну из сложнейших деталей нашего производства. Все операции по изготовлению формы, включая вспомогательные работы, я должен был выполнять самостоятельно. Это была проба на седьмой разряд.

Изготовление самой формы было делом нетрудным: внешние ее очертания довольно просты и хорошо поддаются отделке.

Покрыв поверхность готовой формы густым слоем графитовых чернил, чтобы земля не пригорала во время заливки, я отправил ее в сушильную камеру. Там в течение суток она должна была освободиться от имеющейся в литейной земле влаги и приобрести прочность. А после сушки мне предстояло решить самую трудную часть задачи — подготовить форму к заливке. Дело в том, что модель и стержневые ящики изготавливались из сосновых досок. Поэтому модельщик не мог с необходимой точностью добиться совпадения соответствующих знаков на модели и на стержневых ящиках. Размеры стержней зависели еще и от того, насколько плотно стерженщик сбивал и крепил ящики при изготовлении стержней. Плотность набивки, влажность земли, температура в сушильной камере и скорость сушки стержней также влияли на их геометрию. В результате стержни получались несколько больших размеров, чем требовалось. Я должен был вручную напильником и наждачной бумагой снять лишнее. Затем нужно было установить стержни так, чтобы после механической обработки цилин-

дра все отверстия для подачи и выхода пара оказались точно на своих местах.

Первым делом я поставил на место главный стержень, образующий полость цилиндра, по которой будет двигаться поршень. Разметив на этом центральном стержне места стыков его со стержнями золотниковой коробки будущего цилиндра, я подгонял и устанавливал остальные стержни.

Это была напряженная, кропотливая, без преувеличения, ювелирной точности работа. Ошибись хоть немного — и весь цилиндр пойдет в брак.

На пятый день работы я приступил к окончательной сборке и подготовке формы к заливке. Это была тоже ответственная операция. Дело в том, что сборка производилась при горизонтальном положении формы, а заливка — при вертикальном, и при кантовке формы в вертикальное положение, а затем при заливке стержни под напором расплавленного металла легко могли сдвинуться. Поэтому их нужно было надежно закрепить на своих местах.

Заливка формы не входила в мою обязанность, но я, тем не менее, остался во вторую смену, чтобы присутствовать при ней. Изменить или что-нибудь поправить уже не мог ни я, ни кто-либо другой. Оставалось только набраться терпения и ждать еще два дня, пока отливка остынет.

И вот в обрубном отделении она лежит уже очищенная, с гладкой поверхностью светло-синего, местами голубого оттенка. Но это еще не все: ведь неизвестно, как поведет она себя при механической обработке. Стоит на ней появиться раковине величиной хотя бы с булавочную головку, и весь мой труд пойдет прахом.

Каждый день, в начале и в конце смены, я ходил в механический цех. Томительно тянулось время. Каза-

лось, резец расточного станка движется бесконечно медленно...

И вот я стою на участке сборки паровой машины и не могу глаз оторвать от творения своих рук. Внутренняя поверхность, по которой будет двигаться поршень, отполирована и сверкает так, что в нее можно смотреться как в зеркало. Все каналы охлаждения корпуса цилиндра целы, так же как и каналы золотниковой коробки для подачи и выхода отработанного пара.

Не скрою: я гордился своей работой и долго не мог уйти со сборочного участка.

Но, гордясь собой, своим трудом, я отдавал должное тем, кто помог мне овладеть литейным мастерством. И, в первую очередь, я был признателен и благодарен моему первому учителю, Михаилу Яковлевичу Климентьеву.

Его уже давно нет в живых, но светлая память о нем, рабочем-большевике, живет в моей душе. Ведь это он дал мне путевку в мастерство.

пил директор совхоза Петр Федорович Клименко. Он дал ребятам задание — написать историю родного совхоза.

Следопыты разыскивали ветеранов, завязали переписку с архивами, собирали документы, фотографии, старые газеты. В те дни никто не знал еще точно, когда же основано хозяйство. Одни говорили, что вскоре после революции, другие — в 1925 году, третьи — в годы коллективизации.

И вот первые находки. Потускневшая от давности «Ведомость на выдачу жалованья» — самый старый совхозный документ. Он свидетельствовал, что в марте 1919 года, когда родился совхоз, коллектив его состоял из... 4 человек: управляющего Николая Овсянникова, рабочих Андрея Федосова и Тимофея Лушников и кухарки Аксины Федосовой.

Любопытен и другой документ — «Счет живого инвентаря». Тут скрупулезно записано немудрящее совхозное достояние: три лошади — Эхо, Лентяй, Кривой и жеребенок, которому даже имени еще не успели придумать. Далее перечислены пять коров, несколько десятков овец... К этому надо добавить, что в первые годы совхоз смог осилить лишь 220 гектаров пашни.

Так постепенно перед ребятами раскрывалась история родного хозяйства.

...На берегах степной речушки Точок были до Октября владения помещика Неклютина. У самого берега стояли три дома — барский, управляющего, приказчиков и людская — приземистая казарма, в которой и в тесноте, и в обиде жили батраки.

После революции хозяйство имело неприглядный вид. Многие сами господа пустили по ветру, предчувствуя скорый конец, довершили разорение белые банды.

Весной 1919 года бывшие батраки создали свой совхоз, и к нему потянулись люди. В праздничный день 1 Мая попросился в хозяйство Емельян Субботин, потом пришли братья Федосовы, Егор и Григорий, и другие батраки.

Отыскался след одного из братьев — Егора Сергеевича Федосова.

— Недолго пришлось мне тогда поработать, — рассказал он. — Колчак шел... Взял я винтовку и отправился на фронт. Советскую власть оборонять...

В школьном музее хранится заржавленный кулацкий обреш. Его передали ребятам рабочие совхоза и рассказали,

как однажды ворвалась в поселок банда, погиб тогда один из первых совхозных коммунистов Федор Пучков.

Когда отгремела гражданская, вернулся в совхоз Егор Федосов вместе с другими красноармейцами. День и ночь работали, чтобы выбиться из нужды. Но вот появились первые тракторы. Всем миром вышли за околицу встречать невиданные машины.

Следопытам удалось найти документы из жизни комсомольской ячейки тех лет. Вот потертая на сгибах, пожелтевшая бумага, выгоревшие чернила. Корявый неуверенный почерк, почти полное отсутствие знаков препинания. Видно, нелегко было писать комсомольцам, не успевшим еще как следует освоить правила грамматики. Но зато они отлично разбирались в вопросах классово-борьбы. В резолюции состоявшегося весной 1921 года комсомольского собрания по вопросу о новой экономической политике говорится:

«**Слушали:** доклад секретаря ячейки РКСМ о нэпе.

Постановили: в виду того, что нэп разрешен лично товарищем Лениным для поддержания и временного передыха советской власти с нэпом согласиться.

В постановлении о нэпе не сказано, чтоб тайно завозить товары купчишкам и торговать по спекулятивным ценам тайно кому они хотят и поэтому соль привезенную лавошником мироедом 5 пудов отобрать и продать открыто по сходной цене беднякам и батракам семьям погибших за революцию, а не мародерской и деньги полученные от продажи отдать лавошнику мародеру».

Годом позже ячейка села Дмитриевка, где находится четвертое отделение совхоза имени Карла Маркса, обсуждала тоже важный для того времени вопрос.

«**Слушали:** о распределении карасина. **Постановили:** в виду того, что старики говорят, что нонче месяц ведренный ясно подолго будет светить от распределения карасина воздержаться до сумрачной луны...»

...В тридцатые годы начальником политотдела совхоза был Дмитрий Иванович Кабанов. Долго искали его следопыты, пока не получили письмо из Куйбышева. Вскоре он и сам приехал в совхоз.

Тридцать лет не был он в своем совхозе, не узнал его. Ведь от старого хозяйства осталась только одна глинобитная хибара. И теперь — это целый современ-

ный городок. Здесь школа, Дом культуры, комбинат бытового обслуживания, столовая, добротные производственные помещения и жилые дома. В квартирах электричество, радио, газ, телевизоры.

С 220 гектаров посевные площади выросли до 32 тысяч гектаров. На фермах совхоза имени Карла Маркса 2200 голов крупного рогатого скота, более 20 тысяч тонкорунных овец. Ежегодно совхоз получает до 700 тысяч рублей прибыли.

Недавно в музее появился новый большой раздел, посвященный Великой Отечественной войне.

...В сорок первом более пятисот марковцев ушли защищать свою страну. Большинство из них не вернулись домой. Много недель ходили ребята из дома в дом, расспрашивали, записывали и установили имена всех воевавших односельчан. Когда составили список земляков, отдавших жизнь за Родину, в нем оказалось 326 фамилий.

В музее портреты, награды, письма фронтовиков, их воспоминания; документы, рассказывающие о трудовом подвиге матерей, жен и детей; американский орден Героя Советского Союза Николая Мартынова; номер газеты «Сталинградец» с шапкой «Андрею Судоргину — слава!» — еще об одном земляке, тоже Герое Советского Союза; солдатский котелок, хлебные карточки и множество других экспонатов.

Следопыты решили поставить памятник павшим героям. Они собирали металлом, макулатуру, копили деньги.

Директор совхоза Петр Федорович распорядился выделить ребятам необходимые материалы и опытных строителей.

Сейчас в центре поселка стоит обелиск, в нише которого замурованы списки тех 326 земляков, которые не вернулись домой с войны. Вокруг памятника в молодом парке шелестят на ветру 326 деревьев.

Пришел день, когда ребята вручили директору Петру Федоровичу Клименко, секретарю парткома Николаю Ивановичу Куликову и председателю рабочкома Дмитрию Игнатовичу Маркову объемистый, аккуратно переплетенный том — историю совхоза с марта 1919 года по март 1969 года, за пятьдесят лет...

В. АЛЬТОВ

ШКОЛЬНЫЕ ЛЕСНИЧЬЕ

В 1965 году в Косолманской восьмилетней школе Верхотурского района Свердловской области было организовано школьное лесничество. За ним закрепили 360 га. На этой площади растут самые разнообразные породы деревьев: кедр, сосна, лиственница, береза, осина.

За эти годы проделана немалая работа. Особо потрудились ребята в прошлом году. Они очистили лес от валежника, переселили на свой участок муравейники, построили десятки птичьих домиков, собирали семена растений для подкормки птиц в зимнюю стужу. На территории школьного лесничества находится небольшое болото. Оно удобно для разведения водоплавающей птицы. Следопыты следили, чтобы здесь не появлялись браконьеры.

Ребята помогли Косолманскому лесничеству восстанавливать леса. Они высадили 155,5 га различных лесных культур и 37 га кедра.

Впервые в этом году школьные лесничие сделали прививку кедра на сосну. Правда, опыт удался лишь частично, так как не благоприятствовала погода.

Увлечлись ребята еще одним делом. Во время обхода своего участка они собирают сучки, корневища, пеньки, а в школе изготавливают из них поделки.

За работу, которую ведут следопыты вот уже пять лет, они неоднократно награждались дипломами, грамотами, денежными премиями, путевками в Артек, памятными подарками и путевками на ВДНХ. Двадцать лесничих имеют свидетельства участников ВДНХ, а двое ребят награждены медалями Всесоюзной выставки.

А. А. БУРЫХ, преподаватель

ВЕТКА БЕРЕЗЫ

Рассказ

Станислав ГАГАРИН

Алексей Степанович Громов добился наконец командировки в Мурманск и предложил дочери отправиться вдвоем.

Но Ленка отказалась.

— Не могу, — сказала она. — Спасибо, конечно, но мы с ребятами идем в поход... Может, папа, в другой раз как-нибудь...

И Громов не стал уговаривать, не стал рассказывать о том, что давно собирался побывать в Мурманске и именно с дочкой. Хотел, чтобы Ленка представила его восемнадцатилетним — всего на три года старше себя, — длинным и нескладным парнем, в тесноватом комбинезоне. Увидела таким, каким он был в сорок тре-

тьем, когда впервые поднял свой «ИЛ» над Варангер-фиордом...

Не стал уговаривать, потому что ему казалось — Лена сама должна была понять его. А если не понимает, то, значит, еще мала.

Весна в этом году выдалась неровной. Оттепели сменялись морозами, стояли туманы, закручивала мокрая пурга, и вылететь Громову из Москвы удалось лишь на третий день. Долгое ожидание измучило Алексея Степановича. В научно-исследовательском институте, где Громов работал руководителем группы, узнав, что Мурманск «не принимает», вполне могли отменить не такую уж необходимую для их фирмы командировку.

Сплошная облачность тянулась по всему маршруту, и только незадолго до посадки сквозь серо-белые хлопья проглянули сопки.

Два часа полета помогли Громову сосредоточиться. Алексей Степанович забыл о недавней нервозности, о бесконечных звонках диспетчеру аэропорта, о разговоре с дочерью.

Теперь он жил предстоящей встречей с прошлым, пытался подвести итог всему, что сделал, будто у трапа будет ждать его командир полка, и Алексей Степанович вытянется перед ним, приложит руку к сбитому на затылок шлемофону и доложит о полете, длившемся четверть века. Но разве скажешь о прожитом в двух словах, да и никто не ждет в порту. Просто игра воображения, отзвук молодости. Приятный отзвук.

Так он и сошел по трапу, незаметно улыбаясь, не торопясь. С попутчиками взял такси и поехал в Мурманск, по берегу залива, сначала в самый южный угол его, потом по восточному краю.

Место в гостинице было заказано, и Громов попросил таксиста остановить машину, едва увидел знакомые кварталы центра.

Центр почти не изменился, здания были прежними, только не было больше барачков, как прежде. Город разбежался в стороны, и Алексей Степанович увидел, как громоздились на сопках зеленые, розовые и голубые дома, и та, единственная «настоящая» в годы войны улица Мурманска стала наряднее, веселее, и полярное солнце, разогнавшее к полудню облака, золотило каменные кружева.

Громов добрался до гостиницы «Арктика», заказ его быстро нашли, но вежли-

во извинились, что не могут дать отдельный номер. Праздник Севера, спортсмены, мол, да иностранцы. Громов не спорил и через двадцать минут стоял в пустой комнате на шестерых и ждал, когда горничная сменит белье на его койке.

«Вот и приехал,— подумал Громов, когда остался один и присел к столу, не раздеваясь,— надо идти...»

Он не знал еще, куда пойдет, что будет делать. Конечно, у него есть задание из института, но это само собой... Что-то же тянуло его сюда, неудержимо тянуло. Еще в позапрошлом году он встретился с Андреем Басовым. Алексей Степанович знал, что Андрей в Москве, но свидеться им не доводилось, все дела, суета сует. Столкнулись случайно, в метро, потом не расставались весь вечер, вспоминали ребят, что лежат в мерзлой земле или на дне Варангер-фиорда.

— Ты знаешь, всем им в Сафонове памятники есть,— сказал Андрей, когда прощались,— каждому...

Тогда и кольнула Алексея Степановича мысль о том, что столько лет прошло, а он на могилу друга не съездил... А может, не пришло в голову потому, что зримой могилы нет у Вани, может, потому... А теперь Андрей про памятник сказал. «Поеду,— решил Алексей Степанович,— отпуск возьму и поеду...» Однако подошел отпуск, и Ленке купили пианино. Отложенных денег не хватило, надо было добавить из отпускных, и о поездке пришлось забыть. Потом жене дали путевку в Ессентуки, и Громов поехал вместе с нею — ему самому необходимо было полечиться. Но, слава богу, Громов приехал все-таки повидаться с другом, хоть и пришлось совместить это с командировкой.

Он поднялся и вышел. Закрыв номер, отдал ключ и стал спускаться. Навстречу, весело галдя, шли хоккеисты в желтой форме, с большими буквами «СУОМИ» на спине.

«Финны,— подумал Громов,— гости...»

Он проводил их взглядом, рослых белообрывых парней, и, с сочувствием посмотрев на тщетно ожидающих места в гостинице, толкнул тяжелую дверь.

Миновав почтамт, Алексей Степанович повернул за угол и через сотню-вторую шагов поравнялся с кафе, которое называлось «Юность». Он решил, что не худо бы поесть и за столом собраться с мыс-

лями. Он уже стоял в фойе, готовясь снять пальто, когда вдруг услышал:

— Леша?! Какими судьбами?

Громов повернулся на голос.

Это был Скуратов, московский журналист, бывший штурман дальнего плавания, человек, много повидавший в жизни. Он был моложе Громова. Воевать ему не пришлось, и, может быть, поэтому он с особым вниманием относился к фронтовикам. Громова Скуратов знал давно.

Он потащил едва успевшего раздеться Алексея Степановича к своему столу, там сидели уже трое, один был местным газетчиком, а два других в морской форме — товарищи Скуратова по мореходке.

Громова заставили выпить, заказали ему бифштекс.

Скуратов принялся расспрашивать Алексея Степановича, как он здесь и зачем. Громов сказал, что есть дела по службе, и добавил:

— Хочу посмотреть, как все стало. Ведь воевал в этих краях...

Скуратов пояснил товарищам, что Громов — морской летчик, штурмовик,— он знал об этом,— и вдруг замолчал, внимательно глянул на Алексея Степановича, словно осенила его неожиданная мысль.

— Если не возражаешь,— сказал он,— я помогу. За мною тут машина закреплена, можем все объездить...

Алексей Степанович кивнул, подумал, что ему и вправду будет легче со Скуратовым — находчивым, разбитным, умеющим с полуслова завязывать знакомства. Самому Громову трудно было бы объяснить, кто он и чего хочет, а Скуратов, конечно, поможет.

...Машина поднялась на перевал, и далеко внизу Громов увидел сиреневую воду гавани.

— Вот и Ваенга,— сказал водитель.— По-новому называется Североморск...

На большой скорости он повел серую «Волгу» вниз, и Громову почудилось на миг, что это он сам заходит на второй круг. Но ощущение было мимолетным, наверно, потому, что за штурвалом машины другой человек...

— Давай в газету завернем,— сказал Скуратов.— Расспросим, как и что, глядишь, найдем твоих однополчан...

Громову как-то и не думалось даже, что кто-нибудь из его однополчан еще служит, и предложение Скуратова его взволновало.

...Самолет Громова загорелся над Тювагубой. Он попытался сбить пламя, но ничего не вышло. Громов подтянул повыше, приказал стрелку прыгать, потом помедлил, отвел машину так, чтоб не шарахнулась куда попало, и только тогда прыгнул сам.

Раскрыв парашют, он увидел, как Иван Земсков ходит над ним кругами, прикрывает на всякий случай. Громов следил за другом и рукой ему махнул, уходи, мол, не жги горячее, и только потом понял, что Иван беспокоился не зря: Громов опустился в море.

В такой холодной воде человек может выдержать минут двадцать, ну, полчаса от силы. А его спасли моряки-торпедники через час с лишним. Едва Громов оказался на палубе, поднесли ему кружку со спиртом. Алексей Степанович не мог и рукой шевельнуть, заоченел. Спирт ему влили чужие руки...

Возвращение Громова в полк Иван Земсков предложил отметить. Летчики собрались в их блиндаже, заставили снаряженный ящик, служивший столом, банками с тушенкой, нашлась и выпивка.

Земсков и Громов вместе учились, вместе и прибыли в Заполярье. В школе они были в разных группах, здоровались, и только. А по дороге в часть подружился и поселились вместе, и летали тоже вместе. Громов был у Земского ведомым. Да и на земле Иван вел Алексея за собой. Может, от отца-учителя унаследовал он свойство опекать ближнего, а может, и потому, что был двумя годами старше. Тогда это много значило...

Первую, как водится, выпили за победу, потом за ребят, которым уже не доведется ее увидеть.

Симкин сокрушался:

— Сейчас бы шампанского, цветов, девушек, музыки! Чтоб люстры горели и пол был паркетный...

— Ишь ты, чего ему надо,— проворчал Валя Архипов,— а у нас в деревне и слов таких не знают. Паркет, люстры... А сарай с земляным полом не хочешь? У нас в Лопухах клуб в таком сарае... Вы, городские, с жиру беситесь...

— А ты что, сельский, что ли?! — вспылал Симкин.— Ты — летчик, значит, теперь — интеллигент. Понял?

— Ладно, ладно, парни,— остановил их Сергей Корольков.— Ни к чему этот спор...

12

— Вот фрицев разобьем, тогда и на

нашей улице будет праздник,— сказал Андрей Басов.

— Нет.

Иван Земсков отставил свою кружку, она скользнула к краю снарядного ящика и едва не упала. Упала бы, если б Громов не подхватил ее.

— Нет,— повторил Иван.— Я не согласен с тобой, Андрей. Разбить фашистов — это еще не все, настоящего праздника от этого не будет. Мы воюем не только ради того, чтоб покончить с Гитлером, хотя это и самая зримая наша цель. Но мне мало этого, понимаешь... В этой битве мы сражаемся и за то, чтоб свой собственный мир сделать другим, более возвышенным, чистым и благородным. Нужно победить в себе то, что может помешать нам строить новую жизнь после военной победы!..

— Загибаешь ты, Ванюха,— сказал Андрей.— А я так считаю: победил — гуляй напропалую, заслужили, значит. А новая жизнь после победы и так наступит...

— Может быть, Андрюша, может быть,— ответил Земсков.— Давайте споем, ребята...

...Полк морской авиации получил приказ разбомбить немецкий караван, когда часть транспортов под усиленным конвоем уже втянулась в Варангер-фиорд. Остальные корабли были неподалеку от фиорда, уже в зоне заградительного огня вражеских береговых батарей.

Это усложняло действия штурмовиков. В первый же заход был подбит самолет Симкина, и он потянул в сторону Рыбачьего, чтоб выброситься там на парашюте.

Громов работал в паре с Земсковым. Уже горели два транспорта и танкер, когда Алексей Степанович увидел в узком заливе, совсем не приметном с воздуха, притаившийся большой транспорт.

— Ваня! — крикнул он.— Посмотри вправо! Видишь?

— Вижу, Леша... Иди за мной, только приостань...

Земсков отвалил вправо и вышел на боевой курс. Теперь было видно, что к транспорту жмутся три катера из конвоя.

— Держись в стороне! — крикнул Земсков.— Следи за воздухом! Попробую один...

«ИЛ-2» слегка наклонил корпус и ринулся на неподвижный транспорт. Навстречу ему потянулись трассы пулеметных очередей, словно клочья ваты, возникли на его пути разрывы зенитных

снарядов. Транспорт дал ход и двинулся вперед, потом положил руль вправо и стал поперек залива.

«Две машины,— подумал Громов,— лихо развернулся...»

Штурмовик пронесся над пароходом, и его бомбы упали там, где только что был нос транспорта...

Земсков возвратился и снова зашел на боевой курс.

«А ведь он пустой,— подумал вдруг Громов,— куда он лезет без боекомплекта...»

— Ваня! — крикнул он.— Прикрывай, теперь я...

— Уйди,— донесся далекий голос Земскова,— уйди, Лешка... Колю убили, стрелка... Покажу им! Сволочи...

— Ты ранен, Ваня! Выходи, выходи из боя!

Земсков не ответил. Он снова ринулся на транспорт, и снова навстречу смерти. В шлемофоне Громова послышались хриплые звуки, неясные слова. Громов снова позвал Земскова, но тот не откликнулся. Из левой плоскости его «ИЛа» вырвался и потянулся шлейфом коричневый дым, машина мчалась на маневрирующий транспорт. Громов выходил на боевой курс и готовился пойти вслед за другом, ждал, что вот-вот отвернет Земсков в сторону, рухнет в воду, но штурмовик, словно замороженный, летел и летел, дым стлался за ним, и вдруг в хрипевшем шлемофоне Громова зазвенел голос Ивана:

— Мы — русские!.. Мы...

«ИЛ-2» подвернул к ускользавшему транспорту и всей своей массой ударил в среднюю надстройку.

...Молоденький лейтенант, не торопясь, поднялся за стеклянной перегородкой и открыл окошко.

— По какому вопросу, гражданин?

— Видите ли,— начал Громов,— нам сказали... Подполковник Симкин... Я служил...

Скуратов выступил вперед.

— В редакции газеты нам сказали, что в вашей части служит подполковник Симкин. Он однополчанин этого товарища. В годы войны они вместе воевали здесь. Попрошу связаться с подполковником и спросить, не может ли он встретиться с нами.

Дежурный узнал у Громова его фамилию и повернулся к телефону. Часовой у входа с любопытством смотрел на двух

штатских. Скуратов шагнул к перегородке.

— Товарищ подполковник,— услышали они,— говорит дежурный по части лейтенант Богданов! Вас тут спрашивают... Фамилия? Громов — его фамилия... Да, запасник какой-то... Слушаюсь! Так точно...

Скуратов нахмурился.

— Подполковник Симкин сейчас занят,— сказал лейтенант.— А всеми вопросами истории части ведает майор Блинов. Товарищ подполковник советует обратиться к нему...

Алексей Степанович медленно повернулся и, сгорбившись, пошел к двери.

— Куда же вы, гражданин! — крикнул дежурный.— Я вас Блинову сейчас...

— Эх ты, Блинов,— тихо сказал Скуратов оторопевшему лейтенанту и бросился за Громовым.

«Волга» стояла у подъезда, но Алексей Степанович повернул налево, и Скуратов подумал, что пусть побудет один, лучше подождать его в машине.

А Громов миновал здание штаба и шел по разметенной от снега аллее, шел, не поднимая глаз, а когда поднял их, то увидел, что на него смотрит замкомэска Валентин Архипов.

— Здравствуй, Валя,— прошептал Громов,— далеко ты от своих Лопухов забрался... Клуб-то, поди, построили там, только сплясать тебе уже не придется...

— Мне всегда не везло,— проворчал Валентин.— Но черт с ними, с танцами, зато я с ребятами вместе... Узнаешь их?

— Здравствуй, Леха! Здорово, Громов! — заговорили парни, и он увидел Серегу Королькова, Петра Бирюкова и Куприкова Колю. Они так и стояли вместе в Аллее Героев, ребята из того боя.

...Он потерял четвертого стрелка, в тот налет на Киркенесский порт. Громов вышел из атаки, метнулся над Варангер-фиордом, осматриваясь и выглядывая товарищей. Он увидел, что вторая эскадрилья заходит снова на Киркенес, и тут на него напали два «мессера». Громов еле оторвался от них у самой воды. Он умел, когда чувствовал себя слабее, прижиматься к земле или воде: не всякий летчик рискнет за тобою гнаться. Громов прошел над водой, но пулеметная очередь все-таки настигла машину, уложив стрелка наповал. Так он и довел его, уже остывшим...

Однажды они отбомбились, потеряли две машины — замкомэска Вали Архипова и новенького летчика, лейтенанта с Балтики, его фамилию Алексей Степанович забыл... Обе эскадрильи возвращались на базу, и Громов шел предпоследним. И вдруг безо всякой причины отвалил идущий слева Коля Куприков. «ИЛ-2» вильнул вниз, и целая на вид машина нырнула в залив.

Командир эскадрильи успел крикнуть: «Куда ты, Коля?!» — и тут выпал из строя головной самолет Бирюкова. Залив уже был позади, и Петр врезался в сопку. Его стрелок успел вывалиться за борт, но парашют не раскрылся, и стрелка нашли утром другого дня.

И у самого аэродрома пошел вниз третий «ИЛ», Сереги Королькова. Это было страшно — видеть, как в спокойном небе, в небе без зенитных разрывов и снующих истребителей врага, вдруг один за другим падают самолеты друзей.

Полковник-врач, принимавший участие в расследовании этого чрезвычайного происшествия, объяснил через несколько дней личному составу полка, что летчики, будучи смертельно ранеными, смогли еще некоторое время вести свои машины, но до аэродрома не дотянули.

— Я рад, что вы здесь, ребята,— сказал Громов и вдруг понял, как двусмысленно звучат его слова.— Нет, не то, что вы... А вот вместе...

— Ладно, Громов,— перебил его Валя Архипов,— мы понимаем тебя... Теперь мы многое понимаем. Ты о себе лучше скажи.

— О себе... Живу, ребята, работаю, дочка есть. Вот и все. Звезд не хватаю...

— Не хватаешь, значит? А ведь когда-то хватали... Помнишь, что Ваня Земсков говорил?

— Помню,— ответил Громов и хотел Архипова спросить, но тот сказал, перебив:

— Дальше пройди, он с того краю. Ждет тебя, Громов...

И Алексей Степанович двинулся сквозь строй боевых друзей, они смотрели ему вслед, и Громов, замедляя шаги, остановился перед Земсковым.

— Это я, Иван,— прошептал Громов, едва шевеля губами,— прости, что так долго шел к тебе...

— Пустое, Алеша, не терзай себя. Ты ведь жил, а жить иногда труднее, чем красиво умереть. И не слушай ты Вальку Архипова. Он всегда был ворчуном...

— Как тебе здесь, Иван?

— По-всякому бывает, Алексей. К нам приходят разные люди. С одними — хорошо, других я не пускал бы сюда. А раз они есть, такие, значит, не все еще гладко у вас... Так ведь, Алексей?

— Сразу не объяснишь, Иван...

— Понимаю... Тогда нам все казалось простым. Разобьем Гитлера, и наступит рай... Значит, вам и сейчас приходится трудно. Но вы не сдавайтесь! Слышишь, Громов, не сдавайтесь! Мы все, которых нет с вами, будем следить за вашей жизнью отсюда. Помните об этом... А теперь иди, Алексей, твое место среди живых.

— Прощай, Ваня,— сказал Громов и побрел по Аллее Героев к машине, где ждал его Скуратов.

...Вечером Громов и Скуратов сидели в ресторане «Дары моря».

Играл оркестр. Ресторан был полон.

Рыбаки с нашивками на плечах, немного ребят в гражданской одежде, морские и армейские офицеры и несколько женщин.

— Сколько раз тебя сбивали, Алексей? — спросил Скуратов.

— Шесть, — сказал Громов. — Мне везло...

— А этот твой Симкин?..

— Брось, — сказал Громов, — ну, чего ты... Он просто не понял, что это я, фамилию забыл. И его сбивали, Симкина...

— Все равно, — ответил Скуратов, — не могу этого понять...

— Посмотри вокруг, — заговорил Алексей Степанович, — кругом столько офицеров, и ни у кого почти, даже у майоров, нет боевых наград, одни юбилейные медали. Молодеет армия...

Он хотел добавить еще, что и они бы, Громовы, могли пригодиться, а впрочем, с запаса его и не сняли, но вдруг вспомнил слова «запасник какой-то»...

— Завтра уеду, — сказал Алексей Степанович.

Утром они позавтракали в буфете, сели в «Волгу» и поехали из города. Промелькнули внизу причалы рыбацкого порта, заставленные кораблями, осталась позади судоверфь, потом Кола-город и мост через Колу-реку. Пошел малообжитый левый берег залива, еще немного, и машина повернула в сторону, в сопки.

Алексей Степанович сидел со Скуратовым на заднем сиденье, пытался осмыслить все, что видел в Мурманске и Североморске. Вспомнил про Москву, про институт, где ждали отчета по командировке — он успел кое-что сделать. Вспомнил Ленку.

— Дочке ничего не купил, — сказал он, повернувшись к Скуратову. — Подарок какой...

Скуратов промолчал. Он смотрел в сторону, на щедро разбросанные сопки, покрытые чернеющими среди снега валунами и карликовой березкой.

— Останови машину, Валентин, — сказал он.

Шофер сбросил газ и мягко притормозил у обочины.

— Выходи, Алексей.

Громов вышел, недоумевая.

— Ты хотел подарок для дочки? Будет ей подарок. Вон, в ста метрах березки растут. Сорви ей ветку и привези в Москву. Ветку березы с сопки, над которыми летал отец... Годится?

Громов не ответил. Он шагнул с дороги и провалился по пояс в снег. С трудом вытаскивая ноги, он двинулся к торчащим из-под снега березкам.

Наконец он дошел до деревца с тонкими прутиками. Тяжело дыша, протянул руку, чтоб отломить ветку.

Березка не поддавалась. Понадобилось усилие, чтобы справиться с нею, и Громов вспомнил, как вот такими же крепкими были березы на склонах сопки, когда он карабкался по этим склонам, цепляясь за ветви, чтоб не скатиться. И ветви держали его.

Громова сбили за сто двадцать километров от базы. Стрелок погиб. Алексей двинулся через горы с плиткой шоколада в кармане и пистолетом «ТТ»... Ветви держали его...

Рейс начался вовремя. Алексей Степанович сидел в кресле, закрыв глаза. Он думал о том, что поступил малодушно, не попытавшись уговорить дочку поехать с собой. Кто же, собственно говоря, должен вести детей по Аллее Героев, если не отцы, не друзья тех, кто стоит на этих Аллеях?..

Через два часа самолет качнулся и пошел вниз. Не так круто, как ходили когда-то они, но Громову показалось, словно он снова в кабине штурмовика.

Алексей Степанович сжал рукой подлокотник кресла и в который раз услышал голос Ивана Земскова:

— Мы — русские!..

Ветка кольской березы, привезенная Громовым в Москву, выбросила листочки на третий день.

Рисунки Е. Стерлиговой

КОМСОМОЛЬСКИЙ ЗНАЧОК

В канун 50-летия комсомола в Ижевске был открыт памятник. На высоком постаменте люди увидели пушку. На стеле надпись: «174 противотанковому артдивизиону им. Комсомола Удмуртии».

Материалы об этом дивизионе собирали следопыты 14-й ижевской школы. Они гордились новым памятником — ведь в него вложена и частица их труда. Одно смущало ребят: не было на памятнике того комсомольского значка, с которым уходили орудия из заводского цеха на фронт.

Было это осенью 1942 года. Комсомольцы Воткинска, Ижевска, Сарапула, Глазова сформировали из добровольцев свой дивизион. Поддержали их молодые рабочие Киевского завода «Арсенал», эвакуированные в Удмуртию. Когда все боевое оснащение было готово, к пушкам были прикреплены

специально изготовленные комсомольские значки.

Следопыты 14-й школы в 1967 году прошли по местам боев артдивизиона. А два года спустя отправились в город Броды. Здесь, на Львовщине, проходила операция, оставшаяся в истории под названием «Бродский котел». Фашисты тут потеряли свыше 38 тысяч солдат и офицеров.

Ребята мечтали встретиться в Бродах с бывшим командиром батареи, а позднее — заместителем командира дивизиона Виктором Петровичем Боудом. Встреча эта состоялась, и Виктор Петрович повел ижевских следопытов по местам боев.

— Вот здесь стоял наш блиндаж... Здесь батарея... А тут позиция минометной роты...

На полях и в оврагах еще остались следы войны. Ребята увидели обрывки колючей проволоки, гильзы, осколки снарядов, бомб.

— А вы ничего не слышали о значке? — спросили они у Виктора Петровича.

— Значок?

И Виктор Петрович вспомнил, что видел его у учителя 2-й школы в Червоноармейске. Это недалеко от Бродов.

Историк Анатолий Алексеевич Копцюх был действительно обладателем редкого значка. В селе Немировка он вместе со школьниками помогал убирать урожай. Тогда-то они и нашли значок — отлитое из бронзы металлическое знамя, в центре которого три буквы: «КИМ» (Коммунистический Интернационал Молодежи).

Местные ребята терялись в догадках: что это за значок? Кто его изготовил? И теперь следопыты Ижевска ответили на эти вопросы.

Дорог, очень дорог учителю значок, но и уральцев не хотелось обижать. И тогда решили сделать в Ижевске металлические копии, а оригинал вернуть на Украину.

Три гравера Ижевского механического завода взялись выполнить почетный заказ — Валентин Михайлович Белобородов, Александр Сергеевич Солонинов и недавний выпускник школы ружейного мастерства Валентин Романов. Они вручную изготовили несколько копий значка. Одна осталась в школе № 14, вторая отправлена в музей на Украине, третья теперь хранится в Совете ветеранов дивизиона. А четвертая...

В день рождения дивизиона, когда собрались у памятника ветераны и их друзья-следопыты, Иван Михайлович Телятников, бывший командир орудия, а теперь председатель Совета ветеранов, дал команду:

— Прикрепить комсомольский значок к нашей пушке!

И участники экспедиции Сергей Саблин и Игорь Поварницын навечно прикрепили к шитку бронзовый значок.

СЕЛА-ТЕЗКИ

В селе Покровском Артемовского района в годы Великой Отечественной войны ребята организовали пионерский отряд. Рискуя жизнью, юные подпольщики распространяли сводки Совинформбюро, помогали жителям села скрываться от угона в фашистскую Германию. Как ни пытались гитлеровцы выследить смельчаков, это им не удалось.

Когда Советская Армия освободила Покровское от фашистов, члены подпольного пионерского отряда ушли вместе с бойцами. Многие погибли в боях за Родину, и среди них — Вася Носаков. В день двадцатипятилетия освобождения села покровчане открыли Васе Носакову памятник, начертая на нем имена и его боевых товарищей.

Село Покровское расположено в Донбассе, в Артемовском районе, а в Артемовском районе Свердловской области находится его тезка. Но на этом удивительные совпадения не кончаются. Оба села в двенадцати километрах от районных центров, главные улицы сел протянулись на семь километров; и в том и в другом по три тысячи жителей.

Члены колхоза имени Шевченко украинского села организовали свой музей, экспонаты которого рассказывают о жизни более тридцати национальностей Советского Союза.

В Покровском живет много любителей искусства. И потому здесь часто обсуждаются работы литераторов и артистов. Почетными колхозниками избраны русский Михаил Шолохов, грузин Георгий Леонидзе, азербайджанец Сулейман Рустам, таджик Мирзо Турсун-Заде, узбек Гафур Гулям, мордвин Никул Эркай, дагестанец Расул Гамзатов. С дарственными надписями прислали свои произведения Константин Симонов, Александра Пахмутова, Лев Ошанин. Поступают в музей экспонаты от рабочих и колхозников, инженеров и ученых, воинов Советской Армии, партийных и государственных деятелей.

В гости к украинским покровчанам приезжали дважды Герой Советского Союза А. Молодчий, тамбовец И. Одарченко. Это с него, Ивана Одарченко, скульптор Евгений Вучетич ваял фигуру воина для монумента в Берлине. Лауреат Ленинской премии академик Василий Ремесло по-

дарил колхозу новый, выведенный им самим высокоурожайный сорт пшеницы.

«Вы сделали большое дело, — писал покровским колхозникам К. Е. Ворошилов, — пусть Ваш музей процветает, а подлинно братские связи с представителями других республик все более крепнут и вдохновляют вас на новые трудовые подвиги во славу Родины».

Богата событиями и история уральского села Покровского. На центральной площади имени Красных партизан покровчане открыли два памятника. Первый — двадцати землякам, павшим в боях за Урал в рядах прославленного полка «Красные орлы», второй — четверемстам односельчанам, отдавшим жизнь в боях за Родину в годы Великой Отечественной войны.

Покровчане установили звание Почетного гражданина села. Первым удостоен этого звания полный кавалер орденов Славы механизатор Кирилл Григорьевич Корепанов.

В селе открыт народный краеведческий музей. Он рассказывает об истории села Покровского, которому скоро исполнится триста пятьдесят лет.

Недавно покровчане уральского и украинского сел обменялись первыми письмами, которые положили начало большой и доброй дружбе.

А. БРЫЛИН

Д а в и д Л и в ш и ц

□ □ □

Бывает
У каждого
В жизни пора.
Она наступает обычно весной,
Она возникает однажды с утра
И сразу тебя
выбивает
из строя!..

Сам не знаешь — хочешь чего,
Но чувствуешь ясно — чего-то хочешь!
Оглядываешь мешок вещевой
И ходишь вокруг,
И ходишь,
И ходишь...

Не можешь спокойно
Ни спать, ни есть,
Ну нету с собой никакого сладу!
Чувствуешь, все как будто бы есть
И вроде еще чего-то бы надо!

Чего ж еще надо!
Какого рожна!
Какая еще тебе радость нужна!
— Нужна!

Но не пристань
Квартиры-берлоги,
Товарищи люди! — нужны мне дороги.

Мне не отмолчаться;
Мне не отсидеться!
Весною
Я должен куда-нибудь деться!
Тропинкою взвиться,
В ручье раствориться,
Весенним потоком на землю
Пролиться.

Нужна мне дорога,
Чтоб ветром промчаться,
Чтоб дерзкой ракетой в космос
Стучаться,

Чтоб в сердце опять поселилась
Тревожность,
Чтоб стала возможностью
Невозможность.

Ребята!
Для тех, кто к дорогам
Причастен,
Нигде,
Никогда
Не кончается
Счастье.
У счастья такого
Есть только начала. —
Как путь бесконечный,
Как рейс без причала!

□ □ □

Две комнаты. Три книжных полки.
Погибший — в рамке над столом.
Тахта, и над тахтой — двустволка, —
Вот, в сущности, и весь мой дом.
Малометражная квартира!
А вслушайтесь вы в каждый звук:
В нем — двадцать восемь метров мира,
В нем — дом, в котором я живу!
Но я бы стал душою нищим,
Когда бы счел, что весь мой дом —
Между паркетным этим днищем
И этой крышкой-потолком!

Вот здесь, за тюлевым окошком,
Бесшумный переулок спит...
И подметенная дорожка,
И серый над прудом гранит,
И все — и это общежитье,
В котором — день едва настал —
Студенты обсудить события
Спешат, шумя на весь квартал;
И стадион в ограде школьной,
Куда с морозного утра
Гонять по полю мяч футбольный
Мчит деловая детвора;
И дальше, за кварталом звонким,
Бегущее в Сибирь шоссе,
А там — березки да сосенки,
Да трактора на полосе,
И реактивный над страной,
Вспахавший клином синеву,
И вся страна с ее судьбою,
С ее победой и бедою,
Все это — до листка родное,
Все это — дом, где я живу!

□ □ □

Если б мне сказал волшебник:
Назови одно желанье
И оно свершится, —

что бы,

Что бы я

сказал в ответ!

Я сказал бы: дай в награду
За любое испытанье
Пережить мне снова вечер
В восемнадцать бывших лет! —
Я прошел бы на закате
Старым Визовским бульваром,
Беспокойный, бескорыстный,
Беззаветно-молодой.
Я бы вновь влюблялся в ветер,
В звон трамвайный, в сталеваров,
В пар белесый, в шелест весел
Над бестрепетной водой...
Вы, наверное, поймете, —
Это — как весна по жилам,
Как мелодия, в которой
Все откроется без слов.
Все — как тайное признание,
Где — про что б ни говорили.
И про что бы ни молчали —
Все выходит — про любовь!

□ □ □

Не в тихих квартирах,
Не в сумраке лестниц
Рождается, братцы,
Хорошая песня!
Хорошая песня
Рождается в схватке,
А атаке, в походе,
В туристской палатке...

Уральские реки,
Таежные края,
Отважные сосны
У кражей на страже,
Ночное тревожье,
Зверинные тропы, —
А ну-ка, к подножьям
Пробиться попробуй!
И пробуют люди!
И, дерзкие в схватке,
У черта в зубах
Разбивают палатки,
И с этих палаток,
Как с микроплацдармов,
Срываются в бой
По следам командармов.
Где пали года
На пути интервентов —
Встают города
Продолженьем легенды.
С асфальтом, с детишками,
С первой обновкой,
С листвой, и с шипучей
В тени газировкой...
А люди, отстроив,
А люди, отгрохав,
Плывут и уходят
По новым дорогам.
У них за спиной —
Электричества море,
У них впереди —
Нерожденные зори.
И ветры
Им песни поют
И бураны
На струнах
натянутых
меридианов!

□ □ □
□ □ □

ДАЛЕКО ЗА МАГАДАНОМ...

Лидия ВАКУЛОВСКАЯ

Знаете, что такое колымская трасса? Есть прекрасная песня, а в ней слова:

Трасса, колымская трасса —
Магадана душа...

Как жаль, что эту песню не знают на материке, а если и поют, то только приезжающие в отпуск колымчане. Здесь же, на Колыме, она слышна повсюду: у ночных костров на полигонах, в палатках геологов, у старателей-золотодобытчиков, у гидроизыскателей и еще бог весть где.

Эту трассу, что начинается с центральной улицы Магадана и кончается в якутском городке Усть-Нере, трассу, протяженностью в 1042 километра, я проехала не раз «на перекладных»: на «кразах», «мазах», «газиках», «зилах», «татрах» и даже на плохо приспособленных к ней южных «колхидах». Я видела ее в разную пору года: летом, осенью, зимой, и всякий раз изумлялась

красоте, простирающейся за окнами кабины.

Летом пляшет и кружится перед глазами густая, сочная зелень игольчатых лиственниц и мохнатого стланика, унизанного дозревающими шишками. Осенью все тает в прозрачном желтом воске, а зимой белым мрамором полыхают снега, и белые, как изваяния, лиственницы скорбно протягивают к машинам отяжеленные

снегом лапы. Аркагалипский перевал, Дедушкина Лысина, Тещин Язык, Дунькин Пуп — каких только названий не встретишь на трассе!

О каждом приметном месте, о каждом повороте мне рассказывал шофер магаданской автобазы Павел Головченко, с которым я проехала пятьсот километров в кабине его «зила». А уж он-то знает трассу как свои пять пальцев — шестнадцать лет водит по ней машины.

— Почему Бурхалинский перевал? — переспрашивал он и отвечал: — А вот говорят, что когда-то давно, когда не было здесь дороги, шел по этому ущелью старик якут. Было очень скользко, так что он все время падал. Падал и приговаривал: «Бурхала, бурхала», то бишь скользкий камень. Так и стали это место Бурхалой звать. Зимой тут и впрямь скользота, да еще завороты-повороты сплошные — держи баранку что есть мочи...

Но разве только вдоль трассы такое великолепие пейзажей? А сама река Колыма, давшая название всему золотому краю? На географической карте — это просто темная жилка. О чем может рассказать эта жилка? Разве о том, откуда начинается да куда впадает река. А если плыть по ней, если просто постоять на ее берегу, вдохнуть ее живительный воздух? Этого ощущения уже не забыть.

Мы плыли по Колыме на катере от поселка Дебина до Синегорья, где вскоре поднимется Колымская ГЭС. Перекаты, пороги. Берег то вздыбится высокой сопкой, то выстелется гладкой низинкой, то пятнистой скалой нависнет над водой. А сама вода то и дело меняет цвет — от

нежно-голубого до серо-темного, а то и просто черного. И со всех сторон в реку вливаются родники — Заросший, Спокойный, Феникс, Скалистый...

Это все геологи напридумывали такие названия — озера Джека Лондона и Пляшущего Хариуса, ущелье Дьявола, ручьи Сонный, Ленивый, Звонкий, Дядя Ваня...

Без геологов немислимо представить Колыму. Такое впечатление, что вся она населена этими беспокойными, непоседливыми людьми. В какую бы глубинку ни забрался — вездеходом ли, вертолетом, на лодке — везде повстречаешь геологов. Одни ищут золото, другие уголь, третьи изучают долины древних рек. В тайге, на сопках, на берегах рек — повсюду обнаружишь их присутствие: то замаячит на взгорке купол палатки, то вскинется вышка с белым флажком на макушке, то выглянет из-за скалы избушка на курьих ножках, а подле нее, на воздухе, — стол, сколоченный на скорую руку. Или прямо из бургорка торчит дымящаяся труба — пекутся в земляной печи лепешки. Или чернеют на береговой гальке головешки затухших костров.

Как-то я попала на буровую вышку к геологам, занятым поиском угля. Здесь впервые в северных условиях применяли скоростной метод бурения. Новый многооборотный станок способен был ввинчивать трубы на глубину трехсот метров и поднимать «на-гора» залегающие в вечной мерзлоте породы. Вопреки всяким опасениям, станок вел себя хорошо. Место там было глухое — заросли старых лиственниц с толстой трухлявой корой, черные повалы отживших свой век деревьев, бугры седого мха. День и ночь грохотал буровой станок, но как ни странно, олени и лоси не боялись шума, смело подходили к вышке и, обнаружив в мешках соль, нужную для бурения, охотно поедали ее.

Все, кто здесь работал, были молоды, и самой старшей — технику-геологу Ане Шаверновой — было двадцать восемь. В тот день Аня привела на вышку своего семилетнего сына Толика. Мальчик был чрезвычайно самостоятельный: тихо просидел в кузове грузовика, пока ехали по трассе, преспокойно отшагал семь километров по кочкастой, болотистой тайге, а попав на вышку, тоже никому не надоедал — все ходил в отдалении за деревьями и что-то высматривал в зарослях. Наконец, я спросила, что такое он так настойчиво ищет, и он серьезно объяснил мне, что хочет поймать куропатку и поселить у себя дома. Потому что зимой у него жили и белка, и зайчиха, и куропатка. Но летом мама всех выпустила на волю.

И вдруг от этого маленького колымчанина я узнала такое, о чем прежде не имела понятия. Например, о том, что зайчиха может есть и бульку, и борщ, и кашу. Она может всю зиму просидеть в комнате, боясь выйти за порог и лишиться общества людей. А белка, скажем, способна в один прием слопать весь красный перец, присланный с Украины бабушкой, и прекрасно себя чувствовать. Что до куропатки, то она, оказывается, мирно уживается и с белкой, и с зайчихой.

Мама пообещала ему и зайчиху, и белку, но чуть попозже, когда зверькам станет холодно в тайге.

Интересна, между прочим, судьба Ани Шаверновой. В восемнадцать лет она закончила торговый техникум, жила и работала в Харькове,

а в девятнадцать лет взяла и «переучилась на геолога». И вот уже восемь лет бродит с партиями по Колыме. Она участвовала и в поисках золота, и в поисках угля. Что касается угля, то Аня считает, что район, где они бурят, перспективен для открытой разработки. А это дешево и выгодно — брать уголь прямо с поверхности.

— Нравится мне Колыма, — говорила она, когда мы сидели в сумерках у костра, ожидая, пока на огне разогреются банки с тушенкой. И махнула рукой в сторону невидимых за деревьями отрогов хребта Черского. — Где еще найдешь такие места? Здесь каждая сопка и ручей таят в себе легенду.

Вот так и приходит, подчас тихо, почти необъяснимо, а подчас напористо врываясь в душу, любовь к Колыме — удивительно своеобразному, неповторимому краю, и любовь к ее людям — таким же своеобразным и неповторимым, как сама Колыма.

Вряд ли найдется колымчанин, который не знал бы Николая Георгиевича Гутыдзе. Вернее сказать, лично знаком с ним не всякий, но о том, что в поселке энергетиков Мянундже, на 730-м километре колымской трассы, чуть вправо от нее, живет агроном-селекционер Гутыдзе, что он занимается разными опытами и выращивает в своих теплицах всякие диковинки, — об этом слышан едва ли не каждый.

Однажды с группой работников магаданского телевидения я попала в Мянунджу, и мы пошли поглядеть владения Гутыдзе. Переступили порог первого домика под стеклом и ахнули. На дворе трещал мороз, стыли в снегах сопки, а здесь среди буйной листвы свисали крупные гроздья винограда: синие, восковые, бледно-салатовые.

— Вот так он и растет? — восхищенно выдохнул молоденький осветитель телестудии Витя Коньков. Он родился на Колыме и впервые в свои семнадцать лет видел «живую» виноградную лозу.

Это и в самом деле настоящее чудо — колымский виноград. Виноград на земле, о которой говорили, что она и курицу не прокормит. Первые огурцы, выращенные в закрытом грунте, казались ценнее колымского золота. А теперь только в совхозе «Энергетик» их собрали 140 тонн. Парниковых, конечно, как и несколько десятков тонн помидоров. И еще — 200 килограммов винограда. Виноград получили детские садики и больницы. И он отличается от привозного хотя бы тем, что идет к столу прямо с куста, не портится от долгих перевозок по воздуху и по морю. 200 килограммов — это очень мало, но это только начало. Прошло всего три года, как из Тимирязевской академии в адрес совхоза поступила посылочка с черенками виноградной лозы. Нынче черенки вымахали под потолок и густо облепились гроздьями.

Николай Георгиевич Гутыдзе — мечтатель в самом лучшем смысле слова. Когда-то, лет тридцать назад, он мечтал вырастить на Колыме капусту, потом — огурцы, потом — помидоры. Добрался до винограда, теперь замахивается на клубнику.

Я и сейчас вижу его сухощавую, подвижную фигуру, с острыми, как у мальчишки, чуть вздернутыми плечами. Лицо изрезано морщинками, за стеклами очков поблескивают темные, быстрые глаза. Говорит от тоже быстро, почти скороговоркой, и ходит быстро, и ни минуты не посидит спокойно: присядет — подхватится, походит

короткими шажками, присядет — снова вскочит.

Друзья из Грузии, такие же, как и он, агрономы, пишут ему: не может быть, чтоб на Колыме виноград плодоносил, да еще в мае первый сбор был, если у нас он в июле созревает. На каких же, интересно, землях он у тебя растет? А Николай Георгиевич отвечает им: вместо того, чтобы сомневаться, приезжайте и посмотрите. Безусловно, земля — проблема, но разрешимая: привозим из речных пойм, в заболоченных долинах ищем. И зовет: приезжайте, все увидите!

Писем приходит много, Николай Георгиевич со многими переписывается — с учеными Москвы, Одессы, Грузии, Владивостока. Казалось бы, чего проще — вырастить огурец, так нет же, начинаются всякие «как»: как вести опыление, какой создать микроклимат, какая подкормка лучше, как повысить урожайность? Четыре года назад с одного квадратного метра земли снимали 20 килограммов огурцов, и это считалось достижением. Сейчас 40 килограммов — обычное явление, но этим сорока килограммам предшествовали десятки экспериментов, всевозможные опыты — все то, что называется селекционной работой в условиях Севера. Вот этими экспериментами и интересуются его адресаты, об этом он им пишет.

Николай Георгиевич срывает запутавшийся в желтеющей ботве густо-зеленый огурец, разрезает перочинным ножиком, дает попробовать. После винограда — это не лакомство, и все же вкусный — сочный и немножко сахаристый.

— Это партенокарпий, сорт, не требующий опыления, — говорит он и сам аппетитно хрустит огурцом.

Вдруг он начинает смеяться, машет рукой и рассказывает забавную историю, связанную с его опытами по опылению.

Тогда сорт партенокарпий не был еще выве-

ден, огурцы опыляли вручную. Много цветков не давало завязи. Решили прибегнуть к помощи пчел. Завезли с материка десять пчелиных ульев, что влетело в копеечку, за лето пчелы съели два мешка сахара — еще «копеечка»... «Зачем такие расходы, когда в ближайших рощах своих ос полно?» — рассудил Николай Георгиевич и с присущей ему энергией взялся за дело. Ловил он ос сачком и наловил предостаточно. Да вот беда — хоботки у ос коротковатые. Коротковатые? Ничего! Повесим к ним на тоненьких ниточках микроскопические гирьки и удлиним. И вот уже летает по теплице осиное войско, подвергнутое испытанию на «удлинение хоботков». День летает, другой, третий...

— Не удался опыт, не удлиннились хоботки, — смеется Гутыдзе, — пришлось выпустить ос на волю, но времени, времени сколько убил!..

Сейчас в совхозе упряжано под стекло в теплицах и парниках полтора гектара земли, а вскоре будет три. Николай Георгиевич мечтает о том часе, когда его хозяйство превратится в большой тепличный комбинат. Проект такого комбината почти готов, хотя разрабатывался он чрезмерно долго.

— Почему долго? — переспрашивает он. Глаза его за стеклами очков смешливо щурятся, и он скороговоркой говорит: — Пожалуйста, отвечу. Бывает ли так, чтоб заказчик не сорвался с проектировщиками? В редчайших случаях. Проектировщики — народ хитрый, хотя подороже взять, но и заказчик не промах — не желает лишнего платить. Когда сделали первый вариант проекта, я за голову схватился: батюшки, строительство каждой теплицы полмиллиона стоит! Эдак все наше хозяйство в трубу вылетит. Я поехал к ним в Магадан и говорю: «Товарищи, дорогие, да ведь в нашей Мянундже сам бог велел дешево строить. В двух шагах мощнейшая электростанция, вода горячая в избытке, энергия дешевая. Нам стеллажные теплицы на сваях нужны, зачем же вы нам такую дорогую теплоизоляцию предлагаете?» Что вы думаете? Усөвестил их, согласились перепроектировать. И стоимость сразу упала — не полмиллиона, а всего сто пятьдесят тысяч.

Николай Георгиевич печалится, что нет у него преемников в любимом деле.

— Не едут к нам специалисты, особенно молодые, — жалуется он, — а если один-другой и появится, то, право же, не за тем, чтоб здесь задержаться. Конечно, поселок невелик, после большого города скучно кажется. Но не это же главное. Если ты агроном и хочешь им остаться.

Да, иногда приезжают сюда специалисты. Одни с ясной целью — собрать материал для будущей диссертации, другие — без всякой цели, по воле случая. Как-то приехал молодой агроном, только-только с институтской скамьи, приехал с материка, где фруктов и овощей в изобилии, и что же он видит? Опыты с огурцами? Кому это нужно? Виноград? Тоже мне виноград — тридцать кустов! И вообще — разве это площадь, размах? Так он ничего и не понял и, не поняв, убрался восвояси.

Николай Георгиевич пытается найти причину такого равнодушия:

— В чем-то виноваты и наши сельскохозяйственные институты. Ни один не готовит специалистов для работы в закрытом грунте, нет ни факультетов, ни отделений парникового хозяйства, учебники тоже обходят эту тему, тем более тему северного парниководства. К сожалению, в

На дворе трещал мороз, стлы в снегах сопки, а здесь, среди буйной листвы, свисали крупные гроздья винограда: синие, восковые, бледно-салатовые...

Фото В. Маргаритто

институтах Север и сегодня остается белым пятном, хотя на картах эти пятна давно уже стерты.

И он сам пытается «стереть белое пятно в агрономии». Пишет в Тимирязевскую академию, предлагает отделение парниководства. Пишет деканам сельскохозяйственных институтов, просит присылать студентов на практику, предлагайте выпускникам ехать к нам, дадим квартиры в новых домах, с паровым отоплением, со всеми удобствами! Нам очень, очень нужны специалисты! Уверю вас: северное овощеводство — увлекательная наука, у нее большое будущее!

Деканы обещают помочь. Но пока что северное овощеводство держится на одиночках-энтузиастах. На таких, кто способен заниматься не только кропотливым научным поиском, но, загоревшись какой-то идеей, может с сачком в руках гоняться за осами, а потом сам же высмеивать свою «мудрую» затею.

Но как мало таких энтузиастов! Гутыдзе да вот еще Гутников... На Чукотке, в селе Лорино, на самом что ни на есть краю света, живет второй такой же неугомонный овощевод — Григорий Семенович Гутников. Лорино — уникальный район вечной мерзлоты: там бьют из-под земли кипящие ключи, образуют горячую реку. У реки стоит дом отдыха оленеводов, а рядом раскинулось тепличное хозяйство. Редис, салат, огурцы, зеленый лук часто появляются на обеденных столах отдыхающих. Прослышав о мяунджском винограде, Гутников просит Гутыдзе приехать к ним, показать и рассказать, как его выращивать.

— Если виноград стал колымчанином, почему ему не стать чукчанином? — шутит Гутыдзе.

...За стеклами уже сгустились сумерки, когда, обойдя все теплицы, мы прощались с Гутыдзе. Николай Георгиевич щелкнул выключателем, в оранжерее вспыхнул свет, и цветы, погруженные до этого в полумрак, заиграли красками. Белые, красные, бледно-розовые гладиолусы, мохнатые темно-вишневые георгины, нарциссы, тюльпаны... А вот гиацинты, на зеленом стебельке — бирючка: «Ботанический сад, г. Батуми»... Просто жаль было касаться ножницами этой красоты. Мы сказали об этом Николаю Георгиевичу, но он улыбнулся и прибавил к букету желтый, тугой бутон тюльпана.

Бережно завернув букет в Витин шерстяной жакет, мы пронесли его по морозу в гостиницу и поставили в графин с водой. Обитатели гостиницы приходили взглянуть на цветы, а мы долго совещались, как быть: брать их с собой в дорогу или оставить? Решили оставить — не выдержать тюльпанам семисоткилометровой колымской трассы. А оператор телестудии Костя Чередник перезарядил свой киноаппарат и снял букет на пленку.

Те, кто смотрел через две недели телепередачу в Магадане, уверяли, что и букет, и цветочная оранжерей, и тяжелые виноградные гроздья выглядели с экрана очень эффектно, жаль, что сам Николай Георгиевич этого не увидел — до Мянунджи еще не дошла ретрансляционная линия.

А все-таки мы с Витей жалели, что не привезли в Магадан настоящих живых тюльпанов. Их в это время, в разгар зимы, и в Москве-то не найдешь...

Рассказ

Рисунки С. Клирина

Когда мне было десять лет, я прочитал повесть Сергея Григорьева «Малахов курган» — книгу о первой обороне Севастополя. После этого Севастополь представился мне скоплением белых домиков на горбатых улицах, где греются под солнцем вытасщенные на берег баркасы, а у калиток, до которых докатываются шипучие волны, ржавеют старые адмиралтейские якоря.

Тоска по этому городу была физически ощутимой, как голод или боль. Мне снились заросшие колючками бастионы, чугунные каронады на покосившихся лафетах и ядра, застрявшие в цоколях памятников. И, конечно, корабли.

Я знал, что на самом деле такого Севастополя нет, что он сожжен и разрушен до основания недавними боями. Но это не разрушало мечту. Я верил, что этот город, мой Севастополь, не может погибнуть. Он казался мне вечным, как море. Я счастлив, что мальчишеская вера не обманула меня. Город оказался сильнее

войны. Я увидел его таким, каким представлял — вплоть до якорей и чугунных ядер.

Попал я в Севастополь гораздо позже, чем хотел: когда стал уже взрослым и вполне серьезным (по крайней мере, так считали мои взрослые знакомые). Я поехал туда в конце сентября. На Урале, в Поволжье и в Подмосковье начиналась слякотная осень. Вагонные окна были в мелком бисере дождя. Над разноцветными подмосковными дачами висели такие низкие облака, что казалось: щетина телевизионных антенн вырывает из них клочья.

Поэтому следующее утро показалось мне ослепительно праздничным. За окнами пронеслись блестящие от солнца воды Сиваша, мелькнул обрыв с громадными буквами КРЫМ, и поплыла, кружась, желтоватая знойная степь с белыми кубиками хаток и свечками пирамидальных тополей. Не было и намека на осень.

За Симферополем с его нарядным

вокзалом потянулись плоские предгорья хребта, а потом открылись Инкерманские высоты с меловыми срезами разработок. Одна гора была срезана наполовину — от вершины до подошвы, словно ударом гигантского ножа. Вверху, у самого края обрыва, уцелел крошечный домик. Я вспомнил, что почти весь Севастополь сложен из белого инкерманского камня.

Здесь же, у Инкермана, я впервые увидел Северный рейд. Выход из бухты терялся за желтыми обрывами, и открытого моря еще не было видно. Может быть, поэтому обилие судов на рейде особенно бросилось в глаза. В блеске синей воды я увидел красные от ржавчины и сурика разоруженные линкоры, белые катера, шаланды, закопченные буксиры, высокие сухогрузные суда с черными бортами и сидящие по палубу в воде танкеры... В этой пестрой толчее, трепете разноцветных флагов и блеске белоснежных надстроек только военные корабли казались неподвижными. Они стояли шеренгой и были похожи на острые зубья громадного стального гребня.

А у края воды пролетали за окнами заросли кустов с желтой цветочной россыпью, изгороди, лодки, причалы, баке-ны, вышки и пакгаузы. Бухта открывалась то с одной, то с другой стороны. Поезд с грохотом буравил короткие туннели и опять выскакивал под нестерпимый солнечный свет, мчался у желтых откосов с крепостными башнями, с лестницами, храмами и бойницами, вырезанными в скалах. Потом побежали каменные белые заборы, оранжевые черепичные крыши, а над ними неожиданно возник колоссальный форштевень и борт с надписью «Советская Украина». Это стояла у берега знаменитая китобойная база.

Поезд сбавил ход...

На вокзале меня сразу ухватила загорелая сухощавая старушка, пожелавшая сдать комнату. Слегка обалдев от ее напора, я покорно втиснулся в крошечный автобус довоенного вида. Он, завывая, потащил нас куда-то вверх. Через несколько минут мы оказались на улочке, состоящей из побеленных каменных изгородей и глубоко врезанных в них калиток. Вслед за старушкой я нырнул в такую калитку. Двор был закутан в виноградную зелень.

В густой тени у забора послышалась тяжелая возня, и я увидел какого-то зверя. Сначала показалось, что это рыжий коровий подросток, но зверь поднял го-

лову, и выяснилось, что это пес. У него были младенческие синие глаза и вино-вато-добродушная морда. Но грандиозные размеры пса вызвали оторопь.

— Не бойтесь, ради бога,— заторопилась старушка.— Он мухи за всю жизнь не обидел. Он боится даже божьих коровок. За что кормим, сама не знаю.

Пес вздохнул шумно, как холмогорская корова, и опустил морду на лапы.

Комната моя была пустой и пахла извещкой. Я бросил в угол чемодан, проскочил виноградную тень двора и снова нырнул под севавтопольское солнце.

На улице я заставил себя не спешить. Все равно очень скоро должно было открыться море — за одним из белых поворотов, в конце какой-то пока неизвестной улицы.

Светлая кремнистая земля блестела не то слюдой, не то осколками стекла. Жаркий воздух целиком состоял из запаха незнакомых трав. Он мелко дрожал от яростного стрекота. Наверно, это трещали цикады.

Запутанными тропинками, мимо кустов и белых решетчатых изгородей я начал спускаться к площадке извилистой лестницы. Лестница убежала в темную зелень. Каменный узор изгородей был похож на поставленные в ряд корабельные штурвалы. За листьями блеснули стекла и белые стены большого дома. Потом я услышал стоголосый ребячий гомон и на школьном дворе, окруженном той же штурвальной изгородью, увидел севавтопольских ребят.

Мне снова почудилось, что я попал на праздник. Наверно, с непривычки. Странно было видеть у школы ребяташек, одетых так легко и разноцветно. Они казались совсем непохожими на уральских школьников, которые почему-то при любой погоде упакованы в серую униформу из сукна, толстого и жесткого, как суконное одеяло. Была середина дня: первая смена спешила по домам, вторая — на уроки, и на дворе крутилась яркая карусель испанок, матросских воротников, белых и пестрых рубашек, черных морских пилотов и голубых беретов.

Чуть ниже школы на широких перилах лестницы сидел темноволосый мальчик в рубашке очень звонкого голубого цвета. Он поставил на паркет коричневую в ко-сых белых царапинах ногу и рассматривал брезентовый полуботинок с оторван-ной подошвой.

«Четвероклассник,— мельком отметил я.— Или нет, скорее он из пятого. У четвероклассников, пожалуй, не бывают так туго набиты портфели». Кроме того, алая звездочка на рукаве говорила о звании октябрьского вожатого. Четвероклассников не назначают на такие ответственные посты. Ну что еще? Учитя с первой смены. Вон чернильное пятнышко на щеке — значит, уже потрудился в школе.

А подошву бедняга оторвал здорово, до каблука. Неловко как-то проходить мимо, если у человека беда. Я остановился и сказал полувопросительно:

— Авария...

Он поднял голову. Я ожидал, что под низко подстриженным чубчиком блеснут глаза, сердитые и темные, как смородина. А у него были серые улыбчивые глаза. И улыбка была чуть виноватая и в то же время немного озорная.

— Вот смотрите,— сказал он мне, как знакомому.— Что теперь с ней делать? — И покачал ногой. Подошва зашлепала по башмаку, и это было похоже на злорадные аплодисменты.

— Здорово ты ее рванул. Где это так?

Он сказал с веселой досадой:

— Да... с мальчиками банку гонял.

— Что ж эти мальчики тебя бросили? Банку гоняли вместе, а теперь...

Он сказал с неохотой:

— Ну, что они могут... Маленькие еще.

— А-а,— сказал я, снова взглянув на его звездочку.

Конечно, это было не очень-то хорошо — изводить человека пустым разговором, когда нужна помощь. Неожиданно я вспомнил: в кармане брюк у меня мочек лейкопластыря (перед отъездом я заклеивал им пакет с фотокассетами).

— Ну-ка, сними ботинок.

Он послушно, даже торопливо, сдержал башмак, не развязав шнурка. Я сел рядом и начал прибинтовывать подошву. Наверно, ему было неловко, что заставил меня работать. Сидел он и тихонько вздыхал.

Двое ребят остановились над нами.

— Ой, Леня на приколе! — весело заметил один.— Ремонтируетесь?

Мой Леня еще раз вздохнул.

— А где твои мальки? — не отставал товарищ.

— Прогнал уроки учить.

— Зря вы ему чините,— заметил второй.— Все равно его салажата ему опять подошвы оторвут. Вместе с пятками.

они тебе когда-нибудь голову? Видно, люди они скорые и решительные.

— Нет,— уверенно ответил он.— Не оторвут, если я не разрешу... А сегодня — это игра такая,— повторил он.— Они искали документ, чтобы знать, что будем делать в воскресенье.

— Узнали?

— Конечно, раз нашли.

— А ты бы его зашифровал еще, для интереса.

— А там нечего зашифровывать. Вот...— Он вытащил из кармана мятый бумажный прямоугольничек, широко закрашенный по краям синими чернилами.

— И это все? — удивился я.

— Да...

— Какой-то тайный знак?

Тогда слегка удивился Леняка.

— Это же флаг отхода. Разве вы не знаете? Это значит, что пора собираться в дорогу. У нас будет поход.

Я не знал, что такое флаг отхода.

— Это буква «П» в международном своде сигналов,— объяснил Леняка.— Такой флаг поднимают на кораблях, когда они собираются уходить в море. Разве вы не видели?

— Леня,— сказал я с укоризной.— Ты пойми, я не видел еще очень многого. Я первый день у моря. Так уж получилось...

— Ну, вы еще увидите,— весело пообещал Леняка.

...Он оказался прав. Эти флаги я увидел на следующее утро над большими теплоходами на Северном рейде. Синие флаги с белыми прямоугольниками в центре. Они рвались на ветру отчаянно и весело, и сразу становилось ясно, что у моря не кончаются, а только начинаются дороги.

Леньку я больше не встречал. И раковину его не сохранил. Она затерялась среди других, которые я выловил в Артиллерийской бухте, а потом, дома, rozdарил друзьям мальчишкам. И не жаль было эту раковину. У меня сохранилось более ценное — память о двух встречах с Ленякой.

Он был первым человеком, с которым я познакомился в Севастополе. Впрочем, была еще старушка, у которой я снял комнату, но она думала о квартирной плате, а Леняка был бескорыстен и чист в стремлении разделить со мной свои радости. Он сделал еще ярче неповторимую радость встречи с Севастополем.

Я написал «неповторимую». Это действительно так. Потом я много раз приезжал в Севастополь. И каждый приезд туда был как праздник. Но все равно первую встречу с этим городом не сравнить ни с чем. В ней была радость открытия.

Эту радость можно испытать снова лишь в том случае, если подаришь ее другому. Посмотришь в изумленные глаза человека, впервые увидевшего море над белыми террасами улиц, и начинаешь чувствовать то же, что и он.

Поэтому, отправляясь в Севастополь, я всегда стараюсь найти попутчика. Я ищу его среди мальчишек, которые мечтают увидеть синие бухты и корабли.

Взрослые люди сердито пожимают плечами: что за причуда — тащить в дальнюю дорогу шумных и непоседливых попутчиков! Взрослых раздражают непонятные поступки. Они не знают, что игра стоит свеч. А мальчишки не тратят времени на пожимание плечами, не пускаются в длинные разговоры. Они сразу берут быка за рога:

— Где рюкзак, с которым я ездил в лагерь?!

ИЗ РОДА ЛЕРМОНТОВЫХ

Разыскивая земляков-краснознаменцев, я совершенно случайно узнал, что один из потомков Михаила Юрьевича Лермонтова — правнучатый его племянник — Петр Николаевич Лермонтов, живущий сейчас в Москве, за участие в гражданской войне награжден боевым орденом Красного Знамени.

Что и говорить, такое примечательно — Лермонтов и орден Красного Знамени! Хотя... Древний род Лермонтовых выдвинул из своей среды немало военных. Всякие бывали чины — от поручика до адмирала. Стало фамильной традицией — когда оказывалось отечество в опасности, грудью вставать на его защиту.

Самый отдаленный предок — шотландец Георг или Юрий Лермант храбро сражался против поляков в рядах русской армии. В 1618 году его отряд, защищавший Арбатские ворота, не только выдержал натиск многочисленного неприятеля, но и совершал успешные вылазки в тылы. Погиб Лермант под стенами Смоленска.

Другой предок, Петр Юрьевич, был воеводой в Саранске. Дед бабушки — Емельян Семенович Столыпин дослужился до чина капитана. Дед по отцу учился в кадетском корпусе, вышел в отставку в чине подпоручика. Отец поэта, Юрий Петрович, тоже был офицером...

Были в роду Лермонтов-мичманы и Лермонтов-адмиралы. Один из Лермонтовых участвовал в Бородинском бою.

Сам поэт поступил в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Поручик Тенгинского пехотного полка храбро сражался на реке Валерик, его представляли к ордену Владимира 4-й степени с бантами, но в Петербурге отвергли представление. Было отвергнуто и другое представление командования — к золотой сабле с надписью «За храбрость». Царь не мог про-

стить мятежному поэту его стихов.

Как бы продолжая фамильные традиции, военной дорогой пошел и Петр Николаевич Лермонтов — нынешний представитель древнего рода.

...В квартире Петра Николаевича на Кутузовском проспекте нередки гости. Часто приходят пионеры. Здесь для них все — история. Старинная мебель. На стене — портрет Лермонтова. Темные влажные глаза, припухлые детские губы, высокий чистый лоб. Вот маленькая кофейная чашечка — ее держал в руках маленький Миша Лермонтов. А это блюдо из тарханского имения...

Прошу Петра Николаевича рассказать о своей жизни. Он задумывается. О чем рассказать? Много всякого — и хорошего, и горького было за семьдесят с лишним лет.

Родился он в селе Горинское, недалеко от старинного костромского города Буя, в семье учителя. Рано лишился родителей и был взят на воспитание родной теткой — Лидией Николаевной Лермонтовой. Она жила в Костроме, преподавала в казенной женской гимназии.

В детстве Петр Николаевич много слышал о Лермонтове, в доме тетки жила память о поэте, во всем мечтал походить на него. И когда наступила пора выбирать в жизни путь, он решил стать военным, поступил в Первый Московский кадетский корпус, где когда-то учился его предок — поэт. Показал блестящие знания, добился лермонтовской стипендии.

А потом война. В 1914 году Петр Николаевич Лермонтов добровольцем ушел на фронт. Его откомандировали в Одессу, в военное училище.

Участвовал в боях, командовал взводом, ротой, батальоном. После демобилизации в семнадцатом жил в Шуе, был управляющим складом огнеприпасов. Потом вступил в

Первый Шуйский народный полк и в его составе отправился на Донской фронт — против Краснова и Деникина. До сих пор хранится у Петра Николаевича документ тех лет — выданное ему полвека назад удостоверение.

«Дано сие от Шуйского уездного Военного Комиссариата командиру четвертой маршевой роты 57-го стрелкового полка тов. П. Н. Лермонтову в том, что он стоит на советской платформе и весьма человек благонадежный во всех отношениях, что подписью с приложением печати удостоверяется».

Не ошиблись сотрудники уездного военкома. Потомок великого поэта храбро дрался с врагами революции на Дону и Кавказе, в Кубанских степях. Был он в дагестанских полках — помощником, а затем и командиром полка 14-й стрелковой имени Степина дивизии. Дивизия эта бесстрашно дралась с врагами революции, за боевые заслуги была награждена Почетным Революционным Красным Знаменем, которое вручал М. И. Калинин.

Довелось Лермонтову встречаться и с будущим Маршалом Советского Союза К. А. Мерцковым — в 1919 году тот служил в той же 14-й степинской дивизии заместителем начальника штаба.

Давно мечтал Петр Николаевич побывать в тех местах, где бывал когда-то его знаменитый предок. Да все не удавалось... И вот освобожденный от белых Пятигорск. По крутым, мощенным камнем узким улочкам входит в него красная конница.

Вот они, вершины Кавказа, воспеты Лермонтовым и навсегда вошедшие в его бессмертные стихи. Блестящие на солнце шапки снегов. Белесые туманы, по утрам клубящиеся в глубоких низинах.

Машук — молчаливый свидетель последних минут поэта, когда слился с яростным уда-

ром грома предательский выстрел царского наймита. У подножия горы — низенький домик, каких десятки можно встретить на окраинах Пятигорска. Но именно сюда, к невзрачному маленькому домику, и привел свою сотню командир.

Молча спешили усталые конники, снимали папахи и суконные краснозвездные шапки. Глухо звучал голос командира. Он рассказывал своей сотне о Лермонтове, что вот здесь, в этой халупе, поэт писал свои стихи, отсюда отправился на дуэль. Сюда, уже мертвого, омытого июльской грозой, привезли его с Машука товарищи.

Слушал вместе со всеми бесхитростный рассказ командира и Петр Николаевич Лермонтов, правнучатный племянник поэта. Слушал, обнажив голову, держа в поводу боевого коня. Нет, не посрамил он своей фамилии, мужественно сражался и здесь, в боях за Пятигорск, и раньше, когда освобождали кубанские станицы.

За освобождение этих, дорогих сердцу мест в числе других степников и был награжден орденом Красного Знамени Петр Николаевич Лермонтов. Вот строки из грамоты, окаймленной золотым тиснением: «Революционный Военный Совет... награждает Лермонтова Петра Николаевича, бывшего командира 126 стрелкового полка и бывшего командира 118 стрелкового полка — за отличие в бою... в период гражданской войны на Северном Кавказе, в частности, под станцией Араkelовской и Вознесенской, против частей генерала Фостанова, знаком ордена «Красное Знамя» — символом мировой социалистической революции».

Грамоту подписал заместитель председателя Реввоенсовета СССР Михаил Тухачевский. Стоят номер — 7520 и число — 9 сентября 1926 года.

Страна награждала своих героев уже после окончания войны. А раньше, во время боев, Реввоенсовет 11-й Кавказской армии награждал Лермонтова грамотой и именными часами.

Отремела гражданская, и снял командир полка военную форму, сдал в арсенал боевое оружие. Стал руководителем конторы Наркомвнешторга, затем работал в системе Нарком-

тяжпрома, окончил институт, стал коммунистом.

Профессия у него беспокойная — инженер-геолог. Объехал всю страну: побывал и на Севере, и на Востоке. Но всюду, где ни бывал, собирал материалы о Лермонтове. Через всю жизнь пронес любовь к своему знаменитому предку.

Перед самой войной Петр Николаевич работал сотрудником Главного управления картографии и геодезии при Совнаркомом СССР, затем заместителем директора института инженеров геодезии, картографии и аэрофотосъемки. Но пришел 1941 год. Вспомнил Петр Николаевич строки поэта из его письма к Лопухиной: «Если начнется война, то клянусь вам богом, что всегда буду впереди».

Он добровольцем ушел на фронт. 23 июня в редакцию журнала «Огонек» пришло его письмо: «Сегодня я ухожу защищать мою любимую Родину. Буду счастлив отдать жизнь за дело Ленина». Было в это время Петру Николаевичу уже сорок пять. Третью войну записывало время на его солдатский счет.

Осень 1941 года. Знаменитое Бородинское поле. Величественное и древнее, воспетое в песнях, навсегда вошедшее в историю славы русского оружия. Окопы сейчас проходили там, где дралась с врагом батарея Раевского, были наблюдательные пункты Кутузова и Наполеона, тянулись багратионовы флешы.

Враг бросил на Бородинское поле авиацию и танки, крупные силы пехоты. Но к Москве не прошел.

В минуты редких перерывов между боями доставал Петр Николаевич из своего вещмешка старинный, потертый томик стихов поэта и в тишине слышались чеканные строки «Бородина». Молча слушали бойцы. Ведь их читал потомок поэта. Читал «Бородино» на Бородинском поле...

Дрался на Бородинском поле против фашистов последний представитель рода Лермонтовых. А один из его предков, Михаил Николаевич Лермонтов, был участником Отечественной войны 1812 года. Мичман, зачисленный в гвардейский флотский экипаж, он в числе 14 офицеров и 400 рядовых был послан в распоряжение генерала Барклая-де-Толли. Гвар-

дейцы со славой прошли от Петербурга до Парижа, первыми принимая на себя удары противника.

В день Бородинского сражения, когда стало ясно, что враг рвется к мосту через реку Колодочь, главнокомандующий М. И. Кутузов приказал взорвать этот мост. И тогда группа храбрецов-саперов во главе с мичманом Лермонтовым под жесточайшим огнем противника пробралась к реке и взорвала мост. Приказ фельдмаршала был выполнен: полк французской дивизии Дельсона оказался отрезанным от своих.

За этот подвиг Михаил Николаевич был награжден орденом Анны IV степени. Трижды участвовал лейтенант Лермонтов (звание это было присвоено ему за отличие в сражении при Бауцене) и в боях под Кульмом. Командование наградило его орденом Владимира IV степени с мечами и бантом. Получил он и прусский железный крест. Вместе с русскими войсками вошел он в столицу Франции, а потом служил на Балтике, командовал военными судами и закончил свою жизнь в чине адмирала флота...

Его потомку, Петру Николаевичу, довелось стоять с оружием в руках в тех же местах, на том же самом поле русской славы сто тридцать лет спустя.

В 1943 году Петр Николаевич Лермонтов сражался под Сталинградом. Был он в то время начальником штаба ист-

ребительного авиационного полка. Здесь на одном из аэродромов встретился с давним своим другом, еще по гражданской, — Иваном Спиридоновичем Рахилло. Впервые повстречались они в девятнадцатом на Кавказе. Лермонтов командовал кавалерийским полком, Рахилло служил в пограничных частях. И вот судьба снова свела их на фронтовых дорогах — на летном поле. Вспомнили молодость, не вернувшихся из боя товарищей, читали стихи. И прежде всего — Лермонтова.

Потом встретились после войны: подполковник запаса и писатель-журналист. Оказалось, что Петр Николаевич в перерывах между боями вел дневник. Он показал своему другу эти фронтовые тетради в ободренных обложках, с опаленными огнем страницами. Их хлестал дождь, секи ветра, но уцелели записи, сделанные торопливо, наспех, огрызком карандаша. Встает из них беспощадная правда войны.

Петр Николаевич не думал публиковать свои фронтовые записи. Убедил Рахилло: кому, как не нынешним солдатам, знать суровые военные были. Записки напечатаны в журнале «Советский воин».

«1941 г. Воронеж. Снова лечу на фронт, туда, куда влечет сердце и разум, туда, где должен находиться патриот, любящий беспредельно свою прекрасную мать — Родину, там поле чести и славы, там среди грохота орудий и огня рождаются героические дела защиты Отечества».

«25.7.41 г. Эскадрилья капитана Зайцева (неустранный отличный летчик) в составе 9 самолетов ЛАГГ-3 за один день совершила 5 боевых вылетов. При налете семи «мес-

серов-109» наше звено под командованием мл. лейтенанта Моторного доблестно вело неравный бой».

«Апрель 1942 г., фронт. Аэродром Крестцы. Сегодня потеряли мы славного командира эскадрильи капитана Черткова. Не мог он, родной друг, уйти от своей «судьбы». Ведь только позавчера он чудом спасся, самолет его был разбит, а он остался цел. Как мы крепко с ним расцеловались, сказали, что жить ему теперь сто лет...»

«21 апреля 1942 г. В 16.51 четыре вражеских бомбардировщика совершили налет на наш аэродром. Бомбы рвались у самолетов. Есть раненые. Подробности еще не выяснены. Я попал в самую гущу взрывов, не успел даже залечь...»

«9.5.42 г. Крестцы. Прилетел раненый мл. лейтенант Кривов. Молодец, герой! В этот вылет они разбомбили и уничтожили до 25 самолетов Ю-52 и 7 сильно повредили. Кривов представлен к ордену Красного Знамени».

«Чувствую себя отлично, видно, две предыдущих войны меня крепко закалили. Нервы все же пошаливают. Ведь мне стукнуло уже 46. Очень устаю и сожалею, что не успеваю подробно записывать события дня».

«Ноябрь. Клетская. Мы продвинулись в глубину до 45 километров. Какое счастье — освобождать родную землю! Ни секунды промедления, только вперед, вперед и вперед!..»

Это лишь отрывки из военных дневников Петра Николаевича. Будут и более подробные воспоминания. Лермонтов сейчас как раз работает над ними. Три войны за плечами, смерть и бои, гибель товарищей, и надо успеть рассказать обо всем этом людям.

А тогда? Тогда продолжались бои. До полной победы оставался в строю подполковник Лермонтов. И всю войну не расставался со старинным потертым томиком стихов поэта, изданным в 1891 году. Сейчас его можно видеть в Пятигорском Доме-музее. На титульном листе надпись: «Этот томик сочинений поэта М. Ю. Лермонтова сопровождал меня в годы бессмертного героизма русского народа. В блиндажах под едва теплившийся огонек были читаны героическими летчиками стихи поэта».

Вернулся к мирному труду, к профессии инженера-геолога. По зову партии отправлялся в отдаленные районы страны на изыскание руд. Работал в том же институте инженеров геологии, картографии и аэро съемки, на Первом государственном подшипниковом заводе...

Сейчас ветеран трех войн, кавалер первого советского ордена — на пенсии. Больше стало времени для архивных изысканий, занятий «лермонтоведением». А то, что Петр Николаевич — крупный специалист и знаток творчества своего великого предка, бесспорно. Ему пишут из разных концов страны, советуются, просят помочь материалами о поэте.

Вот и совсем недавно Петр Николаевич отыскал неизвестный доселе портрет Вареньки Лопухиной. Небольшая акварель написана самим Михаилом Юрьевичем.

...Небольшой домашний музей напоминает комната в одном из домов на Кутузовском проспекте столицы. Здесь живет прошлое рядом с настоящим.

О. САВИН,
г. Пенза

КОЛОМБОВ РОССИИХ ЮБИЛЕЙ

В нынешнем году одна из старейших в стране общественно-научных организаций — Географическое общество СССР отметило свое 125-летие. Приветствуя Общество советских следопытов планеты с его юбилеем, «Уральский следопыт» предлагает вниманию читателей два небольших материала о его истории.

ИСТОРИЯ В ПОРТРЕТАХ

Человек всегда стремился к познанию и исследованию своей родной планеты, открывал и осваивал новые территории. Так родилась наука география.

Свой вклад внесли в нее и русские летописцы, поведавшие нам о расселении славянских народов, о территориях, освоенных ими. И наши герои-землепроходцы — от Ермака до Хабарова. И сподвижники Петра I, энергично принявшие по его настоянию за изучение родной страны. И первое географическое учреждение на Руси — Географический департамент при Академии наук, во главе с великим Михайлом Ломоносовым. И славные русские мореплаватели — Крузенштерн и Лисянский, совершившие в 1803—1806 гг. кругосветное путешествие; Беллинсгаузен и Лазарев, открывшие в 1819—1821 гг. новый материк — Антарктиду; Врангель, обследовавший берега северо-восточной Сибири, и многие-многие другие.

Однако единого центра, который обобщал бы и координировал данные географических исследований, в России долгое время не было. С 1845 года таким центром стало Русское географическое общество, созданное по инициативе отечественных путешественников, естествоиспытателей и общественных деятелей.

О славной истории общества как бы рассказывают портреты, расположенные над ступеньками мраморной лестницы, ведущей в помещения особняка по улице Гривцова, 10, в городе Ленинграде, где разместился штаб Общества — его Совет и Президиум.

Цепочка славных имен длинна, но известна всем географам мира и просвещенным людям Земли.

Портретную галерею открывает человек с бакенбардами и длинными седыми усами, сухощавый, с задумчивым взглядом, в адмиральской форме. Это Федор Петрович Литке, один из организаторов Общества, бесменно руководивший его деятельностью в течение двух десятилетий.

О жизни Литке почти сто лет назад, 17 января 1873 года, хорошо рассказал Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский, принимая от престарелого ученого председательствование.

«Было время, когда полный еще юношеских сил Федор Петрович, проникнутый любовью к географической науке и жадной открытию стран неведомых, повел в первый раз свой корабль в неприветливые полярные моря и, четырехкратно пробиваясь через ледяные окраины, открыл и завоевал для науки холодные прибрежья той земли, которая только до его исследования

имела право называться Новой Землей. Через несколько лет мы видим нашего отважного мореплавателя во главе одной из русских кругосветных экспедиций. Он пересекает два раза экватор, совершает по пути географические открытия, но поворачивает к своему любимому северу, в те холодные, туманные и покрытые плавающими льдами моря, в которых почти сталкиваются оконечности материков Старого и Нового света. Географические исследования и открытия Федора Петровича в Беринговом море, Алеутской гряде, на побережье Камчатки, Чукотской земли и Америки хорошо известны нам: они стяжали ему громкую славу в ученом мире».

Рядом с портретом Литке висит портрет его преемника — Петра Петровича Семенова-Тянь-Шанского, руководившего Обществом в течение более сорока лет. Он был первым исследователем Тянь-Шаня, открыл для науки эту огромную и сложную горную страну; инициатором и организатором ряда крупных экспедиций, в особенности по изучению Центральной Азии; организатором и руководителем единственной в старой России переписи населения; автором и редактором монументальных работ по географии России. За свои заслуги он, к весьма распространен-

33

ной в России фамилии Семенов, получил право добавить приставку «Тян-Шанский».

Дальше над мраморной лестницей висит портрет Юлия Михайловича Шокальского, выдающегося географа, океанографа и картографа, неутомимого пропагандиста науки на Родине и за рубежом. Он стал президентом в 1914 году и много сделал для того, чтобы Русское Географическое общество после революции встало на новые рельсы, ближе к нуждам нового времени.

С 1931 по 1940 год во главе Общества стоял академик Николай Иванович Вавилов, ученый-энциклопедист, замечательный ботаник и биолог нашего времени. Его портрет также висит над лестницей. В течение всей своей жизни он стремился к тесному единению теории с нуждами практики, был организатором и участником многих экспедиций и по СССР, и по многим странам мира.

Рядом с его портретом — портрет академика Льва Семеновича Берга, знаменитого географа и натуралиста, человека с необычайно широким кругом научных интересов. Нет, пожалуй, ни одной из физико-географических дисциплин, важнейшие вопросы которой не получили бы в его трудах глубокой и оригинальной разработки. Человек феноменальной памяти и огромной эрудиции, Лев Семенович создал такое количество трудов по географии и биологии, что его продуктивность современники сравнивали с деятельностью целого научного — исследовательского института.

За портретом Берга — портрет академика Евгения Никаноровича Павловского, крупнейшего ученого-зоолога и паразитолога. Он был избран на пост Президента общества в

1952 году. Его труды способствовали становлению новой науки — медицинской географии.

За портретами президентов — портреты тех, кто прославил отечественную географию далеко за ее пределами: путешественников и ученых, замечательных своими экспедициями в неведомые дали.

...Беллинсгаузен и Лазарев. Это они открыли новый материк — Антарктиду, шестую часть света!

...Николай Михайлович Пржевальский! Всемирно известный исследователь Центральной Азии, удостоенный при жизни неслыханных почестей: он был избран почетным членом Российской Академии наук, почетным членом Географического общества, почетным гражданином Петербурга и Смоленска, почетным доктором зоологии Московского университета, почетным членом Петербургского университета, Петербургского общества естествоиспытателей, Венского географического общества и многих других отечественных и иностранных ученых обществ; он получил высшие награды от ряда географических обществ мира — русского, парижского, берлинского, лондонского, стокгольмского и римского. Его именем названа почетнейшая из медалей общества.

...Петр Кузьмич Козлов — исследователь Центральной Азии, обогативший науку новыми данными о древней, существовавшей много веков назад, цивилизации.

...Григорий Ефимович Грум-Гржимайло — исследователь Центральной Азии и Западного Китая, — вице-председатель Географического общества, исследовавший горные области Нань-Шаня, совершивший большое путешествие по Урянхайскому краю.

...Григорий Николаевич Потанин — заслуженный исследователь Центральной Азии, почетный член Географического общества.

...Владимир Афанасьевич Обручев — знаменитый путешественник по Средней, Центральной Азии и Сибири, академик, почетный член Географического общества, имя которого известно геологам и географам всего мира.

...Александр Федорович Миддендорф — естествоиспытатель и путешественник, прославивший Россию своими путешествиями по Сибири и Дальнему Востоку; Карл Бэр — основатель эмбриологии, географ и путешественник, известный своими экспедициями на Новую Землю и на Каспийское море; Владимир Леонтьевич Комаров — выдающийся исследователь природы Восточной Азии, географ-биолог, крупный ученый и общественный деятель...

Длинна цепочка имен, прославивших отечественную географическую науку.

Далеко простерлись ныне ниточки связей Географического общества Союза ССР. В него входят 14 республиканских обществ и более 100 филиалов и отделов в разных городах страны, объединяющих свыше 18 тысяч членов.

Территорий, еще не открытых на планете Земля, теперь почти не осталось, однако вопросов, требующих разработки и научно обоснованного освещения, еще великое множество. И члены Географического общества, находящиеся в разных частях нашей необъятной Родины, занимаются «возделыванием географии России» и всей планеты Земля.

Г. ЛЕМЕЩУК

АРХИВНЫЕ КЛАДЫ

Имя русского революционера Петра Алексеевича Кропоткина известно также и в науке — он был выдающимся ученым-географом и путешественником. Его научное наследие имеет большое значение, но так как Петр Алексеевич

еще в 1876 году был вынужден эмигрировать и с тех пор почти до самой смерти (в 1921 году) жил за границей, то судьба части его заграничного архива долгое время оставалась неизвестной.

Лишь недавно эти ценные

географические материалы — рукописи, корректуры статей, письма вернулись на родину ученого. Оказывается, они хранились в старинном южном французском городке Домм, в загородной вилле, некогда принадлежавшей известному

географу, участнику Парижской Коммуны Элизе Реклю.

Кропоткин был вдвойне связан с Реклю — как географ Сибири, писавший для Реклю соответственные главы к его знаменитому изданию «Земля и люди», и как революционер-анархист. Время от времени к Реклю съезжались его друзья и единомышленники из разных стран и в их числе Кропоткин, проживавший тогда в Англии. У наследников Реклю эту виллу купил профессор зоологии Грассэ. Обживая дом, новый его владелец нашел в разных местах брошенными или забытыми различные бумаги, среди них — корректуры, рукописи, письма П. А. Кропоткина. Эти документы были переданы советскому академику Е. Н. Павловскому, и тот привез их из Франции и передал в Географическое общество.

Документы П. А. Кропоткина пополнили богатейшую коллекцию научного архива Общества, собранную за 125 лет его существования. Это — единственный в нашей стране специально географический архив, где хранятся рукописи по географии, истории и смежным наукам, документы по организации и проведению многочисленных экспедиций, организованных Обществом, а также коллекции рукописей по фольклору, этнографии и лингвистике народов СССР и зарубежных стран.

В архиве Общества хранятся личные фонды знаменитых русских путешественников: П. П. Семенова-Тянь-Шанского, Н. М. Пржевальского, Н. Н. Миклухо-Маклая, Г. Н. Потанина, Г. Я. Седова, П. К. Козлова и фонды выдающихся ученых — А. И. Воейкова, В. Л. Комарова, В. А. Обручева, Л. С. Берга, Ю. М. Шокальского и многих других.

Долго был путь некоторых рукописей, прежде чем они очутились в Обществе.

Имя ученого-гуманиста и борца за права угнетенных народов Н. Н. Миклухо-Маклая известно каждому. Но мало кто знает, что неопубликованные дневники его путешествий, продолжавшихся более двенадцати лет, были забыты и потеряны. И только в 1938 году этот архив, состоящий из дневников, писем, замечательных зарисовок — видовых, антропологических и этнографических, — был разыскан и передан в Географическое общество.

Рисунок художника Пецольда, участника первой экспедиции Русского Географического общества в Прибалтийский край в 1846 году. Архив Г. О. СССР.

В архиве есть документы, поступившие сюда более 120 лет назад. В числе их — альбом этнографических рисунков первой экспедиции Географического общества в Прибалтийский край в 1846 году под руководством академика А. М. Шегрена.

Художник экспедиции Пецольд выполнил акварелью превосходные рисунки, изображающие потомков древних прибалтийских племен ливов и кривингов и их быт. Многие из этих рисунков еще нигде не опубликованы.

Большую научную ценность представляет личный архив великого путешественника Н. М. Пржевальского. Им были пройдены и исследованы огромные, не изведенные тогда территории Центральной Азии, Уссурийского края. В общей сложности за время своих путешествий он прошел и проехал, образно говоря, вокруг земного шара более трех раз. Все дневники его путешествий, письма, дипломы, а также некоторые личные вещи поступили в архив Общества и бережно хранятся здесь.

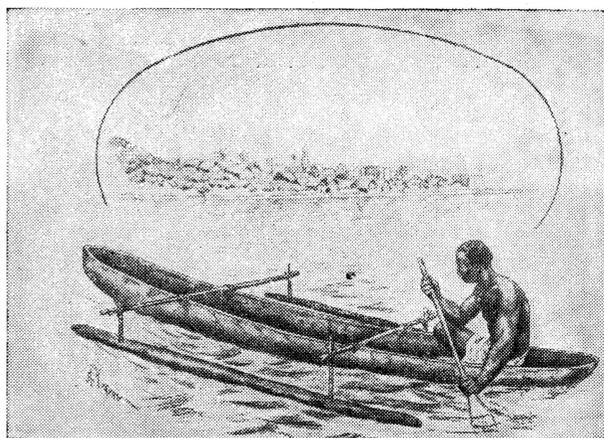
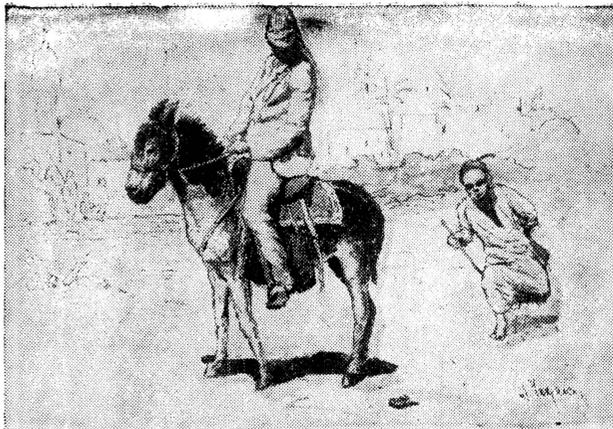
Из числа других исследователей Центральной Азии нельзя не упомянуть имя П. К. Козлова, открывшего в пустыне Гоби остатки древнего города Харо-Хото. В результате раскопок были обнаружены предметы материальной и духовной

культуры тангутов — древние печатные книги, рукописи, бумажные деньги, множество статуй Будды, вазы... Большинство найденных предметов были переданы в Государственный Эрмитаж, но некоторая часть их, доставленная П. К. Козловым в 1926 году, была подарена путешественником архиву Общества, где они сейчас и экспонируются.

Очень интересна коллекция рукописей, содержащая материалы, характеризующие природные условия, экономику, быт, народное творчество стран Азии, Африки, Америки.

В частности, интересны материалы о путешествии ученого и известного художника - иллюстратора А. А. Чикина в Африку. В 1888 году Чикин и его спутники прошли от Мамбасы до Тавейты, лежащей у подошвы горы Килиманджаро, и были первыми русскими людьми, увидевшими эту высочайшую вершину внутренней Африки.

Большой фонд известного путешественника и ученого А. И. Воейкова включает оригинальные рукописи личных трудов, дневники путешествий по Индии, Японии. В личном фонде Воейкова привлекает особое внимание собранная ученым коллекция листовок и воззваний студенческих организаций Петербургского уни-

Рисунки художника А. Чикина, участника путешествия по Африке в 1888 году. Архив Г. О. СССР.

чалу века и к периоду первой русской революции 1905 года.

В Обществе хранится обширный фенологический архив, включающий подлинные фенологические записи наблюдателей - корреспондентов с 1924 по 1968 год по всем областям, краям и республикам страны. Есть фенологические записи и более давних лет, начиная с 1855 года.

В архиве много материалов, относящихся к исследованию Урала. Кстати сказать, свою экспедиционную деятельность Географическое общество начало с организации Уральской экспедиции весной 1847 года под руководством Э. К. Гофмана. По словам П. П. Семёнова, она была первым опытом самостоятельной деятельности Общества, первой его славой. Был собран ценнейший материал по орогидрографии, геологии, растительности и животному миру Северного, Приполярного и Полярного Урала, были получены точные сведения о северной оконечности Урала, открыт хребт Пай-Хой, установлен высокогорный характер рельефа осевой зоны хребта, было дано первое подразделение Северного Урала на растительные области.

Очень интересна коллекция рукописей, присланная в Общество известным уральским краеведом Александром Никифоровичем Зыряновым (1830—1884). В ответ на разосланную Обществом в 1850 году этнографическую программу Зырянов направил в Общество рукописи, содержащие этнографические и статистические сведения о Шадринском уезде Пермской губернии, где он постоянно жил, а также путевые заметки о некоторых местностях Челябинского и Троицкого уездов Оренбургской губернии.

Ныне архивныеклады Общества успешно служат людям — используются в научных работах по истории отечественной науки.

Т. МАТВЕЕВА, зав. архивом
Географического общества
СССР

ДОСЬЕ ДОКТОРА ДЖЕЙМСА

Повесть

Владимир ЗЛАТКИН

События, о которых я собираюсь рассказать, происходили в течение нескольких лет, начиная с 1958 года. Они связаны с таинственной историей археологической находки, которая в свое время вызвала сенсацию в научных кругах многих стран. Первое сообщение о ней, в котором я, Роджер Аткинс, репортер одной из лондонских вечерних газет, принимал участие, имело место в 1959 году. Я познакомился с помощником директора Британского археологического института в Стамбуле доктором Джеймсом на вечеринке у приятеля. Доктор Джеймс оказался рыжеволосым, начинавшим полнеть крепышом. Его холодные голубые глаза пристально и недоверчиво смотрели сквозь очки в тяжелой роговой оправе. Теперь я знаю, что именно тогда, на этой вечеринке, он решил привлечь меня к подготовке первой публикации о своем сенсационном открытии. Именно в тот вечер, а точнее — в ту ночь, после вечеринки и начало складываться это досье, которое лишь теперь я могу опубликовать полностью.

Несколько месяцев назад я получил из Измира толстый пакет. В нем, помимо прочего, было следующее письмо, которое я привожу, опуская лишь некоторые, не представляющие интереса детали:

«Измир, 24 декабря 196... года.

Старина Роджер.

Это последнее Рождество я встречаю там, где произошло самое удивительное происшествие моей жизни. Здесь все по-прежнему. Только нет Анны...

Неделю назад доктор Бари категорически потребовал, чтобы я лег в его клинику — других шансов нет. Но для меня и это не шанс: все следы

оборвались, Анны нет, вести раскопки в Анатолии мне запрещено, так что время, которое мне осталось, я употреблю на то, чтобы еще раз во всем разобраться.

Теперь о деле, старина Роджер. Может быть, ты и не подозревал о том, что все эти годы я собирал материалы, связанные с «делом сокровищ Конара». Теперь, когда я выбываю из игры, когда так нелепо оборвалась жизнь Анны, я посылаю все это тебе. Может быть, ты найдешь здесь ответ на вопрос, который ты мне задал при нашей первой встрече: «Чему же здесь верить?» — или, во всяком случае, поймешь, почему я в ответ только смог развести руками.

Распорядись этими материалами как хочешь. Я написал пять книг о своих раскопках, мне говорили, что они интересны, но эту книгу, для которой я все последние годы собирал досье, я так и не решился написать. Если хочешь, напиши ее сам.

Итак, прощай. Я хочу, чтобы меня похоронили здесь, на анатолийской равнине, которую я полюбил и которая принесла мне не только печаль, но и радость. Пусть она и станет моим последним пристанищем.

В последний раз прости мне все огорчения, которые я тебе доставил. Будь счастлив.

Твой Дуг.

P. S. Сегодня совсем плохо. Видно, Бари ошибся на месяц. Еще раз пересмотрел все. Прощай.

Д. Дж.»

Это было последнее письмо, которое я получил от доктора Дугласа Джеймса. Пакет прибыл из Измира через неделю после того, как лондонские газеты напечатали сообщение, в котором говорилось, что известный археолог доктор Джеймс скончался от рака крови в своем доме в Измире, куда он прибыл незадолго до рождения.

Разобрав содержимое пакета, я убедился в том, что Дуг действительно скрупулезно собрал все о «деле сокровищ Конара». Я не стал писать книгу. Мне показалось, что любая обработка может только повредить этим материалам. Поэтому я и решил опубликовать наиболее существенные из них, причем в таком виде, в котором их прислал мне Дуглас Джеймс, лишь незначительно дополнив тем, что имелось в моем личном архиве. Теперь можно сказать, что мое интервью с доктором Джеймсом закончено, и последнюю точку в нем поставил он сам.

Иллюстрируем Лондон ньюс

25 ноября 195... года

ЦАРСКИЕ СОКРОВИЩА КОНАРА

Первые подробные данные о тайных раскопках, которые привели к самым важным открытиям со времен находки царских гробниц Ура. Интервью нашего специального корреспондента Роджера Аткинса с археологом доктором Дугласом Джеймсом, помощником директора Британского археологического института в Стамбуле. Четыре страницы цветных иллюстраций: древняя богиня, ее служанки и драгоценные украшения, возраст которых превышает 4500 лет.

Тридцатипятилетний доктор Дуглас Джеймс, помощник директора Британского археологического института в Стамбуле, рассказал об обнаруженных во время раскопок на Эгейском побережье в Турции остатках двух хорошо сохранившихся царских захоронений, возраст которых — более четырех с половиной тысяч лет. В этих захоронениях найдены культовые предметы и предметы роскоши, относящиеся к иорданской культуре, о которой ученые имели лишь смутное представление после раскопок Трои. По предварительной оценке Британского музея стоимость находки — 3 млн. фунтов. Во время нашей беседы в Лондоне доктор Джеймс сообщил, что им разработан научный план раскопок, в результате которых, как он надеется, удастся открыть крупные поселения, относящиеся ко времени иорданской культуры.

То, что читатель увидит на следующих страницах, доктор Джеймс относит к остаткам государства с высокоразвитой культурой, существовавшего к востоку от древней Трои. Это было

крупное государство, оно вело обширную морскую торговлю (в частности с Египтом) и управлялось военной аристократией.

— Мы стоим на пороге новых, еще более значительных открытий в турецкой Анатолии. Я могу судить об этом по данным своих предварительных раскопок в районе Джен-Герека, — заявил доктор Джеймс.

Безусловно, открытие в Конаре знакомит нас с еще одной древней страницей человеческой цивилизации и является выдающимся достижением современной археологии.

Богиня и ее служанки — уникальные статуэтки, сделанные четыре с половиной тысячи лет назад.

По просьбе «ИЛН» доктор Дуглас Джеймс комментирует цветные рисунки, на которых изображены предметы, входящие в удивительную коллекцию.

— На этих рисунках воспроизведены пять статуэток. Две бронзовые фигурки жриц размером в шесть дюймов каждая; две серебряные фигурки служанок богини — одна из них в переднике с золотой окантовкой, в правой ее руке полукруг с фигурками птиц (вероятно, музыкальный инструмент типа цитры). Волосы (прически двух типов) и украшения (гривны нашейные, браслеты на запястьях и на щиколотках, головные украшения и пояса) выполнены из золота. Пятая статуэтка — фигурка древней богини. Восьмидесятипроцентный сплав золота и серебра-электр — материал, нередко встречающийся в изделиях, обнаруживаемых при раскопках древних культур. Волосы богини и все украшения — также из золота; «травяная юбочка» на бедрах — гравирована. Руки богини согнуты в локтях, ладонями она поддерживает груди, словно олицетворяя собой плодородие и изобилие. Все пять статуэток поражают удивительным изяществом пропорций, подлинной выразительностью и своеобразием линий, хотя современному зрителю они могут показаться несколько статичными. Тем не менее мне хотелось бы заметить, что возраст этих статуэток позволяет нам сегодня сделать небольшую скидку древнему мастеру, труд которого донес до нас понятия красоты и изящества давно исчезнувшего народа.

*Из личного архива
Роджера Аткинса*

Два абзаца из интервью с доктором Джеймсом, вычеркнутые им при чтке машинописного текста:

«Все эти предметы, а также несколько кусков ткани, которые здесь не показаны, были обнаружены во время раскопок, производившихся после окончания второй мировой войны. Кто производил раскопки, установить не удалось. Коллекция находится в распоряжении проживающей в Измире Анны Корианис, которая любезно обещала доктору Джеймсу прислать фотоснимки всех имеющихся у нее археологических находок».

«На мой вопрос, получены ли эти фотоснимки, доктор Джеймс ответил отрицательно и показал последнее письмо от владелицы коллекции, в котором она разрешает публикацию в печати сообщения о сокровищах Конара».

*Из дневника
Дугласа Джеймса*

Ноябрь, 26

Итак, началось. «ИЛН» напечатала интервью и четыре страницы моих рисунков. Интервью Роджер Аткинс написал очень осторожно. Я внимательно прочитал верстку и убедился, что он нигде прямо не говорит о том, кто вел раскопки в Конаре. Интересно, откликнется ли теперь Анна? Тогда, в Измире, она обещала мне сообщить дальнейшую судьбу своей коллекции. Сегодня утром мне звонили из Британского музея и сообщили, что направляют мне официальный запрос относительно коллекции. Запрос, разумеется, составил сэр Джебок Кэннигем, а точка зрения старшего хранителя Британского музея прямо, как телеграфный столб: все, что найдено английскими археологами, должно принадлежать Британии. Какое дело сэру Кэннигему до суверенитета страны, до того, что конарские сокровища являются национальным достоянием Турции!

Неужели сэр Джебок пойдет на шантаж? И что ему ответить?

*Из дневника
Дугласа Джеймса*

Ноябрь, 30

Роджер Аткинс считает, что мой ответ Британскому музею — неосмотрительная глупость. По его мнению, не следовало дразнить гусей. С Роджером мы еще раз перечитали письмо Анны:

*«Дугласу Джеймсу,
Кингс-роу, 27.*

Дорогой Дуглас,

вот письмо, о котором Вы просили. Как владелица коллекции, я разрешаю Вам опубликовать рисунки предметов из Конара. Эти старинные вещи для Вас интересней, чем я. Ну, что ж, пусть будет так. Желаю Вам успехов. До свидания. С любовью,

Анна Корианис.

18 октября 195... г.» Казим-дирек, 217, Измир

Вернув мне письмо, Роджер, слегка помявшись, что ему вовсе не свойственно, спросил:

— Дуг, я все время хочу узнать у вас, почему Анна не разрешила вам сфотографировать коллекцию?

Я помолчал. Роджер потягивал виски с содовой, внимательно наблюдая за льдом в стакане. Я уже заметил, что, когда он задает вопрос, на который собеседнику не так просто ответить, он всегда сосредоточивается на чем-нибудь постороннем.

— Тогда, в Измире, она объяснила мне, что не хочет шумихи вокруг своей коллекции. Я горячо доказывал ей, какое научное значение имеют эти предметы, и она, казалось, уже соглашалась со мной, но потом решила, что достаточно рисунков. Мне показалось, что она не столько не хочет, сколько боится подробной публикации.

— Боится? — переспросил Роджер.

— А вы думаете, что такая коллекция не привлечет внимание тех, кто ведет подпольную торговлю древностями? Ого! Я даже во время раскопок постоянно опасаясь, как бы у меня не стянули чего-нибудь из-под носа. У этих людей длинные руки. Перед отъездом в Лондон я уволил своего шофера: оказалось, что он подкуплен кем-то из стамбульских антикваров.

— Кстати, об антикварах. Вассерман поднял цену на эту коллекцию до пяти миллионов.

— Вот видите, — сказал я, — машина завертелась. Боюсь, что мы с вами еще долго будем ждать вестей от Анны.

— Вы так думаете? — не глядя на меня, спросил Роджер.

— Уверен.

ДЕЙЛИ НЬЮС

4 декабря 196... года

ТУРЦИЯ ТРЕБУЕТ РАССЛЕДОВАНИЯ

Как стало известно из хорошо информированных источников, турецкий посол в Лондоне посетил сегодня Форин-оффис¹ и вручил ноту, содержащую, по всей видимости, просьбу Департамента древностей его страны расследовать историю, связанную с публикацией сообщения доктора Джеймса о сокровищах из Конара.

Атташе посольства сообщил нашему корреспонденту, что турецким властям ничего не известно как о предметах из древних гробниц вблизи Конара, так и о самих гробницах. Атташе дал понять, что Турция серьезно обеспокоена продолжающейся утечкой найденных на ее территории археологических ценностей. Он заявил, что в большинстве случаев в незаконных операциях с предметами старины замешаны англичане, зачастую приезжающие в страну в качестве археологов или туристов.

*Из личного архива
Роджера Аткинса
Декабрь, 22*

Сегодня я был у Дугласа.

— Хозяйничайте, Роджер, — предложил он. — Я пока просмотрю утреннюю почту.

Я знал, что он все еще надеется получить письмо от Анны. Через несколько минут Дуглас вернулся. В руках у него был продолговатый белый конверт. Он протянул его мне. Письмо было адресовано ему. На листке, вложенном в конверте, я прочитал следующее:

*«Доктору Дугласу Джеймсу,
Кингс-роу, 27.*

Дорогой доктор Джеймс:

Весьма признательны Вам за добросовестную обработку данных о предметах из царских захоронений Конара. Своей работой Вы помогли нам

¹ Министерство иностранных дел Великобритании.

установить истинную ценность сокровищ. Настоящим уведомляем, что в качестве гонорара за Ваши услуги на Ваше имя в Лондонский банк сделано перечисление суммы в 5 тысяч фунтов стерлингов.

Надеемся, сэр, что Вы найдете возможным продолжить свое сотрудничество с нами. Мы очень ценим Ваш научный авторитет и глубокие познания.

Примите, сэр, наше глубочайшее уважение и благодарность,

Джон Симпли-младший,
президент «КОРПОРАЦИИ».

Я взглянул на Дугласа. Он был бледен.

— Итак, похоже на то, что я стал жертвой мошеннической комбинации некоего Джона Симпли-младшего?

— Ну, имя-то может быть вымышленным, — ответил я. — Давайте подведем итоги. Дело тут явно нечистое. Помните, когда я познакомился с вами, вы предупредили меня, что будете излагать события лишь с того момента, когда кончается все личное, что связано с этими сокровищами. Может быть, теперь пора рассказать о том, что предшествовало нашему знакомству?

— Нет, Роджер, пока не могу, — сказал Дуглас. — Но подвести итоги я согласен. Тем более, что прочитав это письмо, я решил завтра же уехать из Лондона и продолжить раскопки Джен-Герек.

— Бежите?

— Да, если хотите, — с вызовом ответил он и, достав трубку, принялся набивать ее табаком из шкатулки, стоявшей на каминной доске.

— Для газет и для публики вся эта история — сенсация. А для меня — трагедия, и поверьте, очень глубокая. Я хочу работать, а не объезжаться с чиновниками Форин-оффис и с «патриотами» из Британского музея. Мне противна вся эта спекулятивная возня вокруг сокровищ Конара. Хватит. Я не антиквар, не лавочник. Я — археолог. Мое дело — копать. И пусть все лавочки мира провалятся в преисподнюю.

Он тяжело опустился в кресло и раскурил трубку.

ТАЙМС

Лондон, 4 января 196... года

ОТ НАШЕГО БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Сегодня в Стамбуле турецкий Департамент древностей аннулировал разрешение на ведение археологических раскопок, выданное в прошлом году помощнику директора Британского археологического института доктору Дугласу Джеймсу. Это решение, как стало известно из обычно хорошо информированных источников, было принято в результате расследования по делу о сокровищах Конара. Как нам сообщили в кругах, близких к Департаменту древностей, турецкие власти склонны считать, что доктор Джеймс был связан с группой лиц, осуществив-

ших незаконный вывоз сокровищ Конара из Турции. Расследованием по этому делу занимается турецкая полиция.

ОБСЕРВЕР

Лондон, 6 января 196... года

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ ДОКТОРА ДЖЕЙМСА В СТАМБУЛЕ

Наш корреспондент передает из Стамбула: Сегодня здесь состоялась пресс-конференция, на которой перед журналистами выступил известный археолог доктор Дуглас Джеймс. Пресс-конференция началась следующим заявлением Роджера Аткинса, корреспондента «Иллюстриейд Лондон ньюс»:

— Господа, в качестве представителя доктора Джеймса я уполномочен сообщить вам следующее.

Как известно, Департамент древностей аннулировал разрешение, выданное доктору Джеймсу на ведение раскопок в Джен-Герек. Это решение принято в тот момент, когда доктор Джеймс находится на пороге, может быть, самого значительного археологического открытия современности. Им обнаружены остатки стены вокруг древнего города, возраст которой не менее шести тысяч лет. Из раскопа уже извлечены гончарные изделия, может быть, самые древние из всех известных на земле. Обнаружены также фрагменты настенной фрески, относящейся, вероятно, также к шестому тысячелетию до нашей эры.

Остановка дальнейших раскопок может привести к утрате бесценных археологических объектов. Кроме того, к раскопкам в Джен-Герек проявляет большой интерес группа международных спекулянтов древностями, известная под названием «Корпорация». Недавно она обратилась к доктору Джеймсу с предложением о сотрудничестве. Эта «Корпорация», очевидно, располагает возможностями для незаконного вывоза ценностей из этой страны. Мне поручено заявить, что доктор Джеймс никогда не пользовался и не намерен впредь пользоваться услугами «Корпорации». Он надеется, что турецкие власти пересмотрят свое решение и позволят ему продолжать важную археологическую работу.

Затем присутствующие журналисты в течение сорока минут беседовали с доктором Дугласом Джеймсом.

Из дневника
Дугласа Джеймса

Январь, 15

Где же искать Анну? Полиция Измира сообщила, что по указанному адресу Анна Корианис не проживает и не проживала. Следов ее нигде нет. Роджер считает, что единственная возможность разыскать ее — это войти в контакт с «Корпорацией». Он не сомневается, что она — человек «Корпорации». Но тогда вся затея безумна. Ведь эти мошенники потребуют доли в находках в Джен-Герек. Я не могу на это пойти. Теперь я все больше убеждаюсь, что Роджер правильно определил суть дела.

Мое знакомство с Анной «Корпорация» использовала, чтобы получить официальную оценку сокровищ из Конара, — этого, вероятно, требовал их клиент. А письмо от Анны, разрешавшее публикацию сообщения, пришло, наверное, тогда, когда сокровища уже были вывезены из Турции. Если все это так и Роджер прав, то «Корпорация» добилась своего.

Удивительно, но я ничего не знаю об Анне. Кто она?

МИШЛЕТ

Стамбул, 26 января 196... года

ТУРЕЦКИЕ ТАМОЖЕННИКИ ЗАДЕРЖАЛИ КОНТРАБАНДИСТА

Вчера турецкими таможенными властями в Стамбуле был задержан служащий военной базы НАТО вблизи Измира, когда он передавал крупную сумму в американских долларах турецкому подданному, подозреваемому в связях с «Корпорацией». Служащий НАТО передан в военную комендатуру базы, где он будет находиться во время расследования.

Задержанный турецкий подданный Ахмат Гурнель на первом допросе полностью отрицал свою связь с «Корпорацией». Как стало известно, с 1958 по ноябрь 1959 года Ахмат Гурнель работал шофером в экспедиции Британского археологического института, возглавлявшейся небезызвестным доктором Джеймсом. Свое увольнение в ноябре 1959 года Ахмат Гурнель связывает с тем, что, будучи шофером доктора Джеймса, он был свидетелем его тайных встреч с некоей Анной Корианис, которая, как в свое время утверждал английский археолог, была владелицей сокровищ Конара. Как уже известно нашим читателям, Анну Корианис, а также коллекцию полици разыскать не удалось.

Доктору Дугласу Джеймсу,
Стамбул.

Сэр:

Ваше заявление на пресс-конференции в Стамбуле произвело на меня крайне неприятное впечатление. Если Вы считаете, что сумма, выплаченная Вам за услуги в деле оценки сокровищ Конара, недостаточна, то Вы могли бы информировать меня без ненужной шумихи. Если же Вы действительно против сотрудничества с «Корпорацией», то это ни в какой мере не облегчит Вашего положения: заранее предупреждаю Вас, что добиться отмены решения Департамента древностей Вам не удастся.

Судя по тому, что вы избегаете упоминания имени Анны Корианис, она Вам не безразлична. Для меня ее судьба тоже представляет определенный интерес: она — моя дочь.

Я понимаю, что допустил в свое время ошибку, уступив ее просьбам показать Вам коллекцию.

И хотя я достаточно извлек пользы из Вашего сообщения в «ИЛН», я сожалею, что три года назад послужил своей дочке.

Еще раз советую Вам подумать о дальнейшем сотрудничестве с «Корпорацией»: мы располагаем неисчерпаемыми средствами для ведения археологических раскопок.

Искренне Ваш

Джон Симпли-младший,
президент «КОРПОРАЦИИ».

МИШЛЕТ

Стамбул, 3 февраля 196... года

В ДЕПАРТАМЕНТЕ ДРЕВНОСТЕЙ

Официальный представитель Департамента древностей заявил сегодня, что обвинения, выдвигавшиеся против известного английского археолога доктора Джеймса, не опровергнуты. Расследование по делу Ахмата Гурнеля, который в ближайшие дни предстанет перед стамбульским судом, показало, что англичанин Дуглас Джеймс был связан с лицом [или лицами], осуществившим мошенническую операцию с сокровищами Конара. До окончания суда над Ахматом Гурнелем доктору Джеймсу разрешено продолжать раскопки в Джен-Герекке под непосредственным наблюдением турецкой полиции.

ПАРИ-МАТЧ

10 февраля 196... года

СЕНСАЦИЯ ДЖЕН-ГЕРЕКА

Роджер Аткинс.
(Специально для «Пари-матч»)

Может быть, именно здесь, на пустынной азиатской равнине, зародилось одно из самых древних в мире ремесел — гончарное. Жители древнего города, раскопки которого вблизи деревни Джен-Герек в труднейших условиях завершил доктор Дуглас Джеймс, уже за семь тысяч лет до нашей эры умели делать глиняную посуду. Они, эти неизвестные нам люди, построили самую древнюю в истории человечества стену, хорошо сохранившиеся остатки которой открыл доктор Дуглас Джеймс. Им же найдена самая древняя фреска. По времени эта фреска относится к шестому тысячелетию до нашей эры. На ней изображен бык в окружении людей и животных, напоминающих лошадей. Доктор Джеймс считает, что эта фреска носила культовый характер. На импровизированной пресс-конференции в Джен-Герекке доктор Дуглас Джеймс заявил:

— Вне всякого сомнения, открытие древнего города здесь, в Турции, имеет важное значение для всего культурного мира. Однако я всегда считал и считаю сейчас, что все археологические находки должны принадлежать той стране, в которой они обнаружены. Известна печальная

участь древних памятников Египта, Италии и Греции. Нельзя допустить, чтобы такая же судьба постигла Джен-Герек. Найденные здесь древности — национальное достояние этой страны.

Доктор Дуглас Джеймс, ставший в последнее время объектом нападков некоторых органов турецкой печати в связи с так называемым делом о «сокровищах Конара», заявил собравшимся журналистам, что выдвигаемые против него обвинения безосновательны.

ФИГАРО

20 февраля, корр. «Франс-пресс»

СКАНДАЛ В ЛУВРЕ

Вчера, во время открытия новой экспозиции древностей Востока в Лувре, известный английский журналист Роджер Аткинс обвинил проводившего церемонию директора музея в «поощрении международного контрабандной торговли древностями».

Роджер Аткинс заявил, что серебряные статуэтки из новой экспозиции музея (см. фото) входили в коллекцию «сокровищ Конара», разыскиваемую турецкими властями. Отвечая Роджеру Аткинсу, директор Лувра отметил, что практика пополнения экспозиций музея не исключает приобретения предметов, вывезенных из стран Востока. Директор подчеркнул, что в приобретении таких предметов музей руководствуется интересами публики, которая не имеет доступа к частным коллекциям.

Филадельфия инквайерер

1 марта 196... года

ПОМОЛВКА ЭННЕИ МИЛФОРД

РАЗДЕЛ СВЕТСКОЙ ХРОНИКИ

Вчера состоялась помолвка двадцатичетырехлетней Эннеи Милфорд, дочери Хатчинсона Милфорда, президента всемирно известного нефтяного концерна «Милфорд траст оф Нью-Джерси», и майора английской Королевской авиации тридцатидевятилетнего Эндрю Клинтона.

Эннея Милфорд, единственная дочь Хатчинсона Милфорда и его покойной жены гречанки Лидии Корианис, познакомилась со своим женихом во время пребывания в Турции, где майор Клинтон проходил службу на базе НАТО вблизи Измира. Майор Клинтон недавно переведен в штаб-квартиру НАТО в Брюссель.

ТАЙМС

Нью-Йорк, 20 августа 196... года
(В разделе международных новостей)

НЕВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА

Свыше двухсот представителей печати присутствовали на прошлой неделе на пресс-конференции старшего хранителя Британского музея в Лондоне. Сэр Джекоб Кэннингем сообщил журналистам, что опекуны Британского музея с сожалением вынуждены были отказаться от назначения доктора Дугласа Джеймса на пост хранителя отдела древностей стран Востока. Решение вызвано, как сказано в оглашенном сэром Джекобом заявлении, «высказываниями доктора Джеймса в отношении судьбы археологических находок». Доктор Дуглас Джеймс, которому принадлежит открытие древнейшего известного города в Турции Джен-Герек, в последнее время неоднократно заявлял, что археологические находки являются национальным достоянием стран, в которых они обнаружены.

На следующий день доктор Джеймс направил в редакцию лондонской «Таймс» письмо, в котором утверждает, что он сам отказался принять предложение Британского музея еще месяц назад, так как оно было обусловлено требованием воздержаться от «пропаганды его [Дугласа Джеймса] взглядов на принадлежность археологических находок».

В своем письме доктор Джеймс сообщил также, что он не намерен больше возвращаться в Англию и собирается поселиться в турецком городе Измире, где будет заканчивать свою книгу о раскопках в Джен-Герек для парижского издательства «Галлимар».

Из личного архива
Роджера Аткинса

Стенограмма магнитофонной записи беседы Роджера Аткинса с Дугласом Джеймсом, Париж 5 марта, гостиница «Лютеция».

(Запись сделана тайно и подарена впоследствии инспектором «Сюртэ-женераль» Роджеру Аткинсу.)

Голос Р. А. — Дуг, я рад, что вы плюнули на все и прилетели. Здесь, кажется, заваривается целое дело. Я готов присягнуть, что луврские статуэтки — из Конарской коллекции.

Голос Д. Д. — Возможно, если судить по снимкам в газетах. И потом, они ведь не отрицали, что вещи вывезены из Турции.

— Левые газеты подняли скандал. Что вы собираетесь делать в Париже?

— Конечно же, отправлюсь в Лувр, Роджер. Хочу убедиться сам.

— Убедитесь. Может быть, соберем пресс-конференцию?

— Зачем? Ничего хорошего от газет я не жду. Моя пресс-конференция в Джен-Герек и так уже вызвала скандал. Меня обвиняют в том, что я пропагандирую чуть ли не коммунистические идеи, требуя, чтобы археологические находки не растаскивали по миру. Каково? Вот, полю-

буйтесь (шорох бумаги). И вот. И вот. А это наша, лондонская. Это нью-йоркская. И еще. Противно. (Пауза, слышен шорох бумаги.)

— Так зачем вы приехали в Париж?

— Я получил известие от Анны.

— Когда?

— Вчера.

— Значит, и она уверена, что луврские статуэтки из той коллекции?

— Возможно, но я не люблю, когда вы делаете предположения. У вас поразительное чутье на плохое.

— Почему же ча плохое?

— Так получается. Все ваши дурные предсказания пока сбывались.

— Именно все. Я еще год назад говорил, что попаду с вами в заварушку. И попал. Ни одна лондонская газета не хочет брать у меня ни строки.

— Возьмите у меня деньги. Ведь деньги «Корпорации» должны принадлежать нам обоим. Что ни говори, вы были повитухой ее успеха. К тому же «Галлимар» завтра выплатит мне аванс за книгу о Джен-Герееке.

— Нет, Дуг. Я еще побарахтаюсь, а за предложение — спасибо.

Голос Д. Д. — Что это? (Очень взволнованно.)

— Какая-то американская газета... Что с вами, Дуг?

— Ничего, ничего. Сейчас, я... одну минуту. Так и есть. Видите этот снимок?

— Она? Да отвечайте же, черт побери. Дуг!

— Да...

— Спокойно, Дуг. Возьмите себя в руки. Идемте в бар. Нам надо чего-нибудь выпить...

ФИГАРО

Париж, 7 марта 196... года

ДЕЛОВОЕ СВИДАНИЕ!!

Этот полнеющий мужчина в твидовом пиджаке — тот самый доктор Дуглас Джеймс, имя которого связывают со скандалом в Лувре. Рядом с ним за столиком на террасе Кафе-де-ля-Пэ Эннея Милфорд, дочь американского мультимиллионера Хатчинсона Милфорда, невеста майора Королевских ВВС Эндрю Клинтона, служащего штаба НАТО в Брюсселе.

Турецкие власти подозревают доктора Дугласа Джеймса в причастности к таинственному исчезновению «сокровищ Конара», оцененных в 5 млн. фунтов стерлингов.

Мисс Эннея Милфорд последние два года путешествовала по странам Востока и долго жила в Турции. Там она познакомилась со своим женихом, майором Клинтон, который проходил службу на базе НАТО вблизи Измира. В феврале этого года он был вынужден покинуть Турцию по требованию МИД этой страны. Турецкая печать, освещающая следствие по делу Ахмата Гурнеля, связанного с «черным рынком» по торговле древностями, упоминала некоего английского майора в связи с использованием аэродрома НАТО вблизи Измира для незаконного вывоза ценностей из страны.

Майор Клинтон во время помолвки подарил

своей невесте антикварный золотой браслет с драгоценными камнями стоимостью в 10 тыс. фунтов стерлингов.

Санги экспресс

20 марта 196... года

ДЕЛЕЦ ЧЕРНОГО РЫНКА ДАЕТ ПОКАЗАНИЯ

Наш специальный корреспондент Роджер Аткинс передает из Стамбула:

Ахмат Гурнель, представший перед городским уголовным судом Стамбула по обвинению в связях с «Корпорацией», занимающейся незаконным вывозом из стран предметов старины, заявил сегодня в суде, что на фотографии из газеты «Фигаро», которую ему предъявил его адвокат, рядом с доктором Дугласом Джеймсом — Анна Корнианис.

— Я подтверждаю это под присягой, — сказал Ахмат Гурнель. — Я несколько раз видел ее в Измире и в Стамбуле, когда возил туда доктора Джеймса, у которого работал шофером. Кроме того, я видел ее несколько раз в Измире в обществе одного английского майора.

Назвать имя майора Ахмат Гурнель отказался, сославшись на то, что между ними существуют деловые отношения, которым может повредить упоминание этого имени в суде.

— Я достаточно хорошо знаю этого человека, — заявил Гурнель на повторное требование представителя обвинения, — и не хочу с ним ссориться. Он умеет мстить, и никакие тюремные стены не спасут меня от его мести.

Анну Корнианис турецкие власти разыскивали в связи с делом о «сокровищах Конара».

Из дневника
Дугласа Джеймса
Март, 25

Я уже третий месяц по совету доктора Бари прохожу курс лечения в Лозанне. Сегодня неожиданно прилетел из Стамбула Роджер. Газета отозвала его из Турции, так как суд решил направить дело Гурнеля на следствие. Самого Ахмата отпустили под крупный залог, который внес его адвокат — откуда бы у Ахмата взялась такая сумма! Подозреваю, что это дело рук «Корпорации». Когда я встретился в Париже с Анной (я никак не могу назвать ее Эннеей, не могу, для меня она Анна), мне на миг показалось, что все будет хорошо. Но... Этот проклятый репортер, сфотографировавший нас, все разрушил.

Анна рассказала мне, что уговорила отца разрешить ей встретиться со мной. Ей хотелось извиниться за ту роль, которую она сыграла тогда в Измире.

Она спросила, смогу ли я простить ее...

Бедная девочка! Если бы я показал ей письмо «Симпли-младшего»! Мне хотелось предложить ей навсегда уехать со мной куда-нибудь, где не будет этих жадных дельцов...

Но тут появился репортер. Я заметил его только после того, как второй раз вспыхнул блиц. Я увидел, как исказилось лицо Анны...

Придя в себя от неожиданности, я бросился к репортеру. Но тот вскочил в стоявший рядом «ситроен». Мотор работал, и машина сразу уехала. Я бросился за ней, пытался догнать, но безуспешно.

Когда я вернулся на террасу кафе, Анны уже не было. Я дошел до бульвара Распай, поднялся в свой номер гостиницы и стал собирать чемодан. В тот же вечер я улетел в Лондон.

Из Стамбула приходят скверные вести. Роджер рассказал мне, что там поговаривают о возможном полном запрете на раскопки, во всяком случае мне не разрешат больше копать в Турции. Ну что ж, вернусь в Измир и засяду за книгу о Джен-Гереке.

У Роджера дела идут неважно. «Санди экспресс» расторгла с ним контракт...

Санги таймс

Лондон, 10 мая 196... года

КАТАСТРОФА НАД ЛА-МАНШЕМ

Вчера над Ла-Маншем потерпел аварию самолет «Бичкрафт», принадлежавший майору Королевских ВВС Эндрю Клинтону. Вместе со своей невестой мисс Эннеей Милфорд, дочерью американского нефтяного короля Хатчинсона Милфорда, майор Клинтон направлялся в Лондон, где должно было состояться бракосочетание.

Самолет подходил к острову Уайт, когда наблюдатели на земле увидели, как он разломился пополам и рухнул в воду в трех милях от берега. Спасательная команда пока не обнаружила тела пассажиров. Спасти, вероятно, никому не удалось.

Сегодня в Лондоне ожидается прибытие отца Эннеей Милфорд.

*Из личного архива
Роджера Аткинса
(Вырезка из «Санди таймс»)*

ТАЙНА ОСТАНЕТСЯ НЕРАЗГАДАННОЙ

Вчера на Хэнтерском кладбище возле Филадельфии (США) состоялись похороны Эннеей Милфорд, погибшей во время аварии самолета над Ла-Маншем. На траурной церемонии (кортеж из шестнадцати автомобилей доставил на кладбище венки от друзей семьи погибшей) присутствовали лишь ближайшие родственники.

Комиссия, занимавшаяся изучением причин гибели самолета, не могла прийти к каким-либо определенным выводам. Установлено лишь, что на борту самолета произошел сильный взрыв.

Тело Эннеей Милфорд было обнаружено после 20 часов поисков. Тела остальных пассажиров самолета не обнаружены.

В память о погибшей дочери мистер Хатчинсон Милфорд объявил, что отныне «фонд Милфорда», являющийся крупнейшей в мире частной

организацией, финансирующей археологические исследования в странах Востока, будет именоваться «фондом Эннеей Милфорд».

В этом же номере газеты на 16 странице в левом нижнем углу была помещена еще одна заметка:

«БОЛЕЗНЬ ДОКТОРА ДЖЕЙМСА

Археолог Дуглас Джеймс, открывший недавно древний город в Турции, доставлен в частную клинику на Оксфорд-стрит с острым нервным расстройством. Лечащий врач доктора Джеймса профессор Бари заявил, что здоровье пациента оказалось серьезно подорванным тяжелыми душевными переживаниями последних лет. Состояние доктора Джеймса профессор Бари назвал «критическим», но выразил надежду, что больной вскоре начнет поправляться.

Это была одна из последних публикаций в крупных газетах, где упоминалось имя Дугласа Джеймса. Потом было лишь сообщение о выходе в свет его книги и известие о его смерти. Мне не раз казалось, что какая-то сила старательно удерживает печать от упоминаний имени Дуга. Исчезли со страниц газет и упоминания о «сокровищах Конара». В Турции процесс против «Корпорации» так и не возобновился: Ахмат Гурнель исчез бесследно.

Однако «Корпорация» отнюдь не исчезла: древности из Анатолии постоянно пополняют коллекции музеев Европы и Америки. Недавно Британский музей приобрел знаменитую джен-герекскую фреску, которую в свое время открыл Дуглас, а в экспозиции музея Дюмбартон-Оак я недавно видел серебряную византийскую посуду (администрация музея запретила ее фотографировать). Кувшины из раскопок в Хаджиларе уже сейчас несложно купить на Крытом базаре в Стамбуле.

Я мог бы рассказать о двух последних годах жизни Дугласа Джеймса, но этот рассказ уже не имеет прямого отношения к делу о «сокровищах Конара». Осталось лишь привести еще копию письма Дуга:

*«Мистер Хатчинсон Милфорд,
Северн-оакс, 14, Филадельфия,*

Сэр:

Трагическая гибель Вашей дочери заставляет меня написать это письмо. Я не собираюсь выражать Вам свое соболезнование — Вы сами погубили свою дочь. Вы использовали ее знакомство со мной в той грязной игре, которую вели вокруг сокровищ Конара. Вы сделали ее невестой нелюбимого человека — ведь нельзя же было оттолкнуть от себя столь серьезного партнера по «Корпорации», каким был для Вас покойный майор Клинтон.

Недавние статьи Роджера Аткинса (которые ему удалось опубликовать лишь только потому, что и Вас есть враги не менее могущественные, чем ваши друзья,— не правда ли, очаровательные обычаи нашего «свободного мира!») убедительно доказали, что именно Вы финансируете шумную космополитическую кампанию в печати, цель ко-

торой — оправдать нелегальную торговлю древностями. Какие только доводы не приводят Ваши борзописцы: и космополитизм культуры, и свободное обращение ценных предметов искусства, и потребности крупнейших музеев мира. Ваши люди договариваются даже до такой бессмыслицы, что запрет на вывоз редкостей, составляющих национальное достояние, — коммунистическая пропаганда, нарушение нашего священного принципа частного предпринимательства! И все это демагогически мотивируется интересами широкой публики! Не интересы широкой публики, а интересы своей

«Корпорации» и подобных ей защищаете Вы своей шумной газетной кампанией.

И все же я верю, что наступит день, когда уже ни у кого не останется сомнения в Вашем истинном облике, мистер Джон Симпли-младший, президент «Корпорации».

Чек на сумму, перечисленную Вами на мое имя, я направляю ЮНЕСКО в ее фонд охраны памятников культуры.

Доктор Дуглас Джеймс,
археолог»

КТО ОН — ДОКТОР ДЖЕЙМС?

Вместо послесловия

Доктор Джеймс не умер. Он жив и пользуется громкой известностью в научном мире, его слава гораздо более велика, чем это изображено в повести, его открытия богаче и важнее для науки, чем те, что описаны в повести. Но ему действительно запрещено вести раскопки в Турции, над ним тяготеет тяжелое обвинение, и в славе его есть скандальный оттенок.

Джеймс на деле не фамилия, а имя ученого, который послужил прототипом главного героя повести. Англичанин Джеймс Меллаарт, ведя в течение многих лет раскопки в Турции (поселения Хаджилар, Джатал-Гююк и Кан-Хасан), открыл там самую древнюю в мире земледельческую культуру со строительством каменных зданий. Это перевернуло прежние представления науки (шел спор, какая цивилизация древнее — египетская или шумерская, то есть месопотамская, а о Малой Азии никто и не помышлял). Он раскопал невероятно древние храмы, которые чрезвычайно похожи на критские сооружения минойцев — предшественников эллинской Греции, тем самым он пролил свет на загадочный вопрос о происхождении минойской культуры. Благодаря его открытиям наша цивилизация стала как бы вдвое старше.

Более десяти лет тому назад он ввязался в темную историю с сокровищами Дорака, которая снова соединила его имя с сенсационным открытием, но весьма повредила его репутации.

Кто нашел и раскопал царские могилы Дорака недалеко от проливов близ Мраморного моря, неизвестно. Раскопки были грабительскими. Сокровища тайно вывезены из Турции, исчезли и не обнаружены до сих пор.

Но перед этим Меллаарт получил к ним доступ, сделал научные определения, получил цветные изображения и право публикации их. То есть ученый вошел в контакт с грабителями, вос-

пользовался их «любезностью», помог им оценить награбленное и... не сообщил властям. вовремя сведения о преступниках. Надо полагать, Меллаарт знал, на что идет и чем рискует.

Сокровища Дорака далеко превосходят ту серию находок, которую изобразил автор повести. В двух просторных камерах, сложенных из массивных каменных плит, лежали скелеты двух царей и одной царицы, богато снаряженные для «путешествия» в загробный мир. Вот далеко не полный перечень вещей: четыре художественно оформленных топора-молота из нефрита, лазурита, обсидиана и янтаря с золотой и серебряной обкладкой; два навершия булавы — бело-розового мрамора и янтарная, восемь бронзовых мечей с изящно орнаментированными рукоятками из резной кости, золота, горного хрусталя, лазурита, некоторые рукоятки выполнены в виде львиных голов, другие покрыты изображениями дельфинов; два серебряных меча (у одного на клинке — изображение весельных кораблей с парусом и тараном), наконец, железный меч с рукоятью из золота, инкрустированный янтарем. Далее — копье, сосуды, гребень и прочее.

Вместе с этими вещами оказалась золотая обкладка от египетского кресла или трона, на которой обозначено имя фараона Сахуре (XXV век до нашей эры). Таким образом, сокровища получают точную датировку. Ранний бронзовый век, середина второго тысячелетия до нашей эры в преддверьи Европы... и железный меч! Было от чего потерять голову.

Но терял ли голову этот преуспевающий археолог или он действовал хладнокровно и обдуманно? Непосредственным поводом к ликвидации разрешения на раскопки в Турции послужила даже не авантюра с сокровищами Дорака, а тот факт, что византийские вещи, найденные самим Меллаартом в Турции при раскопках в

верхних слоев поселений, были тайно проданы за границу. Некоторые критики даже поставили под сомнение подлинность египетского золота из Доракка: уж очень точно согласуется хронология этой находки со старой гипотезой самого Меллаарта — не подделал ли Меллаарт эти вещи для доказательства своей гипотезы? А как проверить? Вещи-то исчезли... Скорее всего, критики перебарщивают, но ясно, что в лице Меллаарта перед нами отнюдь не та безвинная жертва, каким изображается в повести доктор Дуглас Джеймс.

Впрочем, проще осудить Меллаарта — за злоупотребление гостеприимством чужой страны, за нарушение ее законов, за смешивание науки с бизнесом «черного рынка», словом, за многое.

С другой стороны, в том мире, к которому принадлежит Меллаарт, деяния подобного рода не только не редкость, но и не позорны. Они, так сказать, освящены традицией. Лорд Эльджин, получив в 1815 г. от турецкого султана, владевшего тогда Грецией, разрешение выломать из Парфенона в Афинах «несколько камней», ободрал весь фриз и увез его в Англию. Эти «Эльджиновы мраморы», являющиеся несомненным наследством и национальной гордостью греческого народа, «разрешения» которого вообще никто не спрашивал, до сих пор хранятся в Британском музее. Знаменитый Шлиман, найдя в 1873 г. в Трое богатейший клад золотых украшений, так называемый «клад царя Приама», тайно и в нарушение договора вывез его из Турции. Он тоже потерял право вести там раскопки, но откупился щедрой подачкой. Уже в нашем веке знаменитая головка Нефертити была тайком вывезена из Египта в Германию, после чего немецким археологом был надолго закрыт въезд в Египет, но головка так и не вернулась на родину.

Прежде у похитителей были какие-то моральные оправдания: вывоза культурные ценности из стран, где у власти стояли продажные полуфеодальные и полуколониальные царские правители, не способные наладить должную опеку над древностями, европейские археологи тем самым как бы спасали эти древности от возможной гибели и расхищения и вводили их в науку. Но, во-первых, и тогда попадались среди европейских археологов-ориенталистов люди совсем другого склада. Француз Мариет, осев в Египте, наладил там службу древностей, основал музей, добился запрета на вывоз археологических находок из страны, и, когда французская императрица обратилась с просьбой подарить ей кое-какие египетские древности, француз Мариет (к тому времени уже Мариет-бей) отказал ей!

Во-вторых, ныне одна за другой бывшие колониальные и полуколониальные страны Востока ликвидируют свою вековую отсталость, устанавливая демократические порядки, реали-

зуя суверенитет народа над национальным достоянием — памятниками культуры. А традиция «героических» похищений жива и процветает по-прежнему. Остаются в европейских музеях и похищенные некогда древности. И хотя предложения руководителей Британского музея, мне кажется, изображены в повести чересчур прямолинейными, все же одно то, что в жизни никто и не думает возвращать все эти вещи, служит явным поощрением к дальнейшим «подвигам» подобного рода.

Продажа части находок, особенно из верхних, более поздних слоев, — обычное дело в английских экспедициях. Это не считал зазорным и чрезвычайно педантичный, строгий ученый Пендлбери, копавший в Египте (с правом вывоза части находок) и на Крите. Выручка от продажи находок в частные коллекции шла на финансирование экспедиции следующего года, наряду с пожертвованиями меценатов и небольшими ассигнованиями научных учреждений.

Наконец, у доракской авантюры также есть и другая сторона. Ну, а если бы Меллаарт не согласился войти в контакт с грабителями, не согласился дать им «обет молчания», не осмотрел находки? Очень мало шансов на то, что грабители были бы выловлены с поличным. Скорее всего, научный мир вообще ничего не узнал бы о сокровищах Доракка. А через много лет, когда эти сокровища, быть может, всплывут из небытия, они будут уже, возможно, разрознены, перепутаны, частично растеряны, а важные сведения о них — забыты. Меллаарт хоть что-то спас для науки, пожертвовав своей репутацией и возможностью новых открытий в Турции.

Кстати, созданный в 1968 году специальный комитет английских археологов по расследованию так называемого «дела Меллаарта» заявил, что мнение о том, что Меллаарт «был втянут в незаконную деятельность, совершенно неосновательным». Решение комитета направлено турецким властям.

Следовательно, дело вовсе не в особой злонамеренности самого Меллаарта, а в прочности той ситуации, которая сложилась вокруг древностей в ряде стран Запада и Ближнего Востока. Что толкает грабителей на рискованные путешествия в чужие страны да и в своей собственной? Что объединяет их в мощные корпорации, что ставит им на службу офицеров и ученых? То же, что движет рукой фальсификаторов древностей — спрос на археологические находки и огромная прибыль от их продажи. «Черный рынок» является лишь естественным дополнением к совершенно открытой торговле древностями. Вот одно из рекламных объявлений журнала «Археолоджи» («Археология»), издаваемого Американским археологическим обществом.

ДРАГОЦЕННОСТИ ВЕКА КЛЕОПАТРЫ

Древнейшие фаянсовые бусы (3-й век до Р. Хр.— 4-й в. н. э., ЭПОХА КЛЕОПАТРЫ) из раскопанных гробниц. Погребенные там в течение многих веков, эти экзотические, многоцветные бусы в совокупности образуют драгоценное ожерелье — эlegantное дополнение к вечернему или праздничному туалету. 24-дюймовое ожерелье в выставочной коробке — 15, 50 долл.

Купите эти подлинные древности...
Они — ваши за достойную цену!

Без дополнительного обложения и федеральных налогов.
Без доплаты наложенным платежом почтой.

Сертификат (удостоверение) подлинности — по Вашему заказу!

Двухнедельная гарантия с возвращением денег!

В ПРОДАЖЕ: Прекрасная выставочная коробка для драгоценностей! **ПЛЮС:**
...Каталог древностей, имеющихся **В ПРОДАЖЕ.**

С иллюстрациями: кресты будды, амулеты, бронзы, драгоценности, статуэтки, маски, римское стекло, керамика, монеты и проч.! Коллекционеры, ученые, дарители и интеллектуально любопытные будут наслаждаться этим возбуждающим справочником.

Фирма Аладдин Лимитед
5-е авеню, Нью-Йорк 10036

Подобные справочники и «возбуждают» — вряд ли, конечно, самих мультимиллионеров, скорее, грабителей — к превращению в миллионеров легчайшим путем — добычей древностей. Есть находки, которые действительно стоят миллионы. Музей типа Лувра или Британского — это еще завидная судьба для проданных на «черном рынке» или похищенных древностей. Скорее, они канут в недра мелкой частной коллекции и исчезнут для науки. А то и вовсе превратятся в «дополнение к эlegantному вечернему туалету» какой-нибудь дамы, достаточно «интеллектуальной», чтобы ухватиться за бусы «века Клеопатры», и недостаточно интеллектуально развитой, чтобы понять, что украшать себя драгоценностями, вынутыми из могил, — кощунство, а из древних могил — еще и преступление перед наукой.

Это наверняка понятно европейским и американским археологам и государственным деятелям. Почему же они не добьются запрета торговли древностями, не предпримут национализацию частных коллекций? Да потому, что это будет покушением на «священные и неприкосновенные принципы частной собственности» и «свободной торговли», важнейшие устои буржуазного об-

щества. Некоторые капиталистические страны (Италия, Англия, Швеция) пошли на частичные ограничения торговли древностями, другие (США, Франция) и на такие уступки не согласны: по этому пути, мол, только шаг сделай, чего доброго, не удержишься, докатишься до коммунистической национализации банков и заводов.

В нашей стране до революции также существовала частная собственность на землю и все, что в ней скрывается, — в том числе и на археологические находки. Существовала и торговля древностями. Естественно, процветали грабительские раскопки, фальсификация и массовый вывоз древностей (подлинных и фальшивых) за границу. Тогда-то Лувр приобрел за 200 000 франков золотом «корону скифского царя Сайтафарна», умело сфабрикованную мошенниками в Одессе.

А потом наступил 1917 год, и теперь лишь издалека мы наблюдаем те драматические коллизии, которые привели к смерти доктора Дугласа Джеймса и погубили репутацию его реального прототипа доктора Джеймса Меллаарта.

Л. КЛЕЙН,
археолог, кандидат исторических наук

Триезжий

Рассказ

Владимир ЖЕМЧУЖНИКОВ

Рисунок Н. Мооса

Разговор в кабинете редактора напоминал товарищеский суд. Все говорили об одном и том же:

— Как же ты мог, Слава?! В твоих руках была исповедь человека, а ты отмахнулся от письма... Удивительная черствость с твоей стороны!

Славе Казанкову было стыдно.

А началось все с того, что в редакцию молодежной газеты пришло странное письмо: некий Владимир Павлов, монтажник со стройки, решил разыскать своего отца... погибшего на войне.

«Не по адресу обратился, дорогой товарищ. К сожалению, ничем не можем помочь. Газета — не отдел розыска, — так рассудил начинающий журналист, сотрудник отдела писем Казанков. — К тому же частных писем газета не печатает. Мало ли кто захочет разыскивать...»

Да, в то время — после войны миновало пятнадцать лет — розыски пропавших без вести оставались частным делом родственников. Еще не появился тогда в газетах пронзительный вопрошающий призыв: «МОЖЕТ БЫТЬ, КТО-НИБУДЬ ЧТО-НИБУДЬ ЗНАЕТ...» Еще не печатались короткие заметки с именами разыскиваемых людей, с упоминанием, когда и откуда пришли последние вести.

И Слава Казанков вот что сделал: на сопроводительном бланке странного письма начертил наискосок — «Направить в обл. справочное бюро», поставил свою красивую подпись и сдал конверт секретарше.

Иоганн Себастьян Страх — так в коллективе величали редактора Ивана Севостьяновича Стрхова — случайно увидел на столе секретарши это письмо. Ознакомившись с ним, редактор срочно собрал общую летучку, на которой письмо было громко зачитано.

— Как ты мог, Слава?.. — один за другим выступали сотрудники газеты.

— Вот что, товарищи, — сказал под конец Иван Севостьянович, — письмо Владимира Павлова мы поставим в ближайшем номере. Только надо его поинтересней подать. Я предлагаю следующее: во-первых, написать врезку «от редакции», объяснить читателю, почему решили мы опубликовать это письмо. Во-вторых, обратиться к Павлову с просьбой прислать нам свою фотографию и рассказать подробнее о себе, о своей работе. А читателям мы дадим обещание, что познакомим с дополнительными материалами о Павлове сразу же, как получим их. И не сомневайтесь, читатели будут ждать выхода каждого номера газеты. Не исключено, что в результате у нас появится новая рубрика. Скажем — «Я сын твой, отец»...

Редактор любил придумывать рубрики. Может быть, потому незадачливый Казанков и не получил выговор, что Ивана Севостьяновича слишком захватила идея, как «поинтереснее дать» материал.

Вскоре письмо Владимира Павлова появилось в газете. Над ним стоял заголовок: «ЕСЛИ ТЫ ЖИВ...»

«Дорогая редакция! В последнее время в газетах часто пишут о том, как близкие люди, раскиданные войной, находят друг друга. В связи с этим и я снова начал сильно сомневаться, что мой отец погиб, то есть подорвался на mine. Я сам уже отслужил и знаю, что мины бывают всякие и ситуации на передовой разные случаются. Похоронную написать нетрудно, а человек может в плен попасть или еще куда. Вот я и решил написать отцу. И прошу вас — напечатайте.

Здравствуй, отец! Это пишет твой старший сын Владимир. Меня, а также брата Андрея, ты

должен помнить. Когда ты уходил на фронт, мне было четыре года, а Андрюхе — два. Третий твой сын — Павел — родился уже без тебя, первого сентября 1941 года.

Наверно, я тебя помнил до семи лет. Должен был помнить. Но когда мне исполнилось семь, я заболел менингитом. Мама меня выходила, медом вылечила. Но после того я перестал помнить тебя и почти все забыл, что было до семи лет.

Андрюхе и Пашке я потом рассказывал, как ты катал меня на паровозе, как мы ходили в лес за опятами, как я однажды бежал по комнате и провалился в подполье, а ты стоял там внизу и поймал меня на лету, так что я даже испугаться не успел... Мне только казалось, что я это помню. А на самом деле все забыл и знал лишь по рассказам матери.

Мы, трое твоих сыновей, конечно, не сразу, не все вместе поняли, что у нас нет отца. Мы поняли по порядку: сначала я, потом Андрей, потом Пашка. Но никто из нас никогда в детстве не считал и теперь не считает себя безотцовщиной. Безотцовщина — это когда отца совсем забыли и не вспоминают, не гордятся им. А твой портрет, где ты в военной форме с двумя «кубарями», до сих пор висит дома. И отчим не возражает, ничего не имеет против — понимает, значит, что к чему.

— Ты совсем как отец! — говорила мать то одному, то другому, то третьему из нас. Мать вспоминала, что ты хорошо играл на гитаре, а мы с Пашкой научились на баяне. Только он лучше меня играет, он по нотам умеет. В прошлом году Пашку забрали в армию. Я ему строго-настрого наказал, чтобы не зарывал в землю свой музыкальный талант.

Ты, батя, работал машинистом на паровозе, а Андрей поступил в институт, будет инженером железнодорожного транспорта. Сейчас он учится на третьем курсе, а начитанный уже, как профессор. Мать гордится им. Как же — ученым человеком станет!

Ну, а мне не пришлось много учиться. После семи классов пошел работать, матери помогать. Все-таки старший сын в семье. Получил специальность слесаря и работал в том же паровозном депо, где и ты до войны. Тебя там еще помнили тогда и с уважением так говорили, что ты был хороший машинист. А меня всегда звали по отчеству — Владимир Иванович. Так что ударить в грязь лицом перед деповскими я не мог, не имел права.

Потом три года я служил в армии. Демобилизовался, пожил полтора месяца дома, и потянуло в далекие края. Махнул с горячего юга на север. Сейчас под ногами вместо чернозема вечная мерзлота. Строим мы здесь на холодной

реке ГЭС. Громадная стройка. Молодежи — целая армия.

Я работаю теперь монтажником, зарабатываю прилично. Каждый месяц посылаю поне-много матери домой и Андрею в институт — стипендии ему, конечно, не хватает. В этом году заканчиваю девятый класс вечерней школы, жениться еще не успел. Но невест на нашей стройке — прямо глаза разбегаются, со всей России съехались! Ходят, ходят — работать мешают...

Я рассказал тебе о Пашке, Андрее и о себе. Вот такие, батя, выросли от тебя три мужика. Мать поставила нас на ноги, а сама здоровье потеряла, с сердцем у нее сейчас плохо.

Отец, может, ты приезжал домой и там не нашел нас? В 1953 году мать вышла замуж, и мы переехали на юг. Может, тебе наговорили что нехорошее про нашу мать, и ты решил не разыскивать нас? Тогда я хочу поговорить с тобой, как мужчина с женщиной.

Все мы, а особенно мать, очень ждали тебя. Когда жили все вместе — ждали вместе. Когда разъехались — стали думать о тебе поодиночке. Мать сейчас, понятно, стесняется отчима и при нем не смотрит подолгу на портрет, не говорит о тебе. Но про себя-то все равно ждёт, надеется, что ты живой, и боится, что ты придешь. До самой смерти, видно, ждать будет и бояться.

А по-моему, бояться ей нечего. Мать ждала десять лет после того, как пришла похоронная. У ней никого не было. А у соседок наших — тети Лены Кочановой, тети Маруси (забыл фамилию, она жила через два дома от нас) — у них были... Выходит, они получили похоронные, как получают развод.

Они ведь были старыми подругами матери и частенько приходили, звали ее в гости, на вечеринки. Мать брала тогда на руки Пашку, нас с Андрюхой сажала на лавку по обе стороны от себя и говорила:

— А эту троицу куда девать? Или с собой можно прихватить?..

Конечно, оставить нас можно было с бабкой, но никогда она не уходила от нас на вечеринки. Не помню такого.

Что касается отчима, он ничего мужчина — работающий и умный. Главное, Алексей Матвеевич уважает мать. Жить с ним можно. Сейчас они остались одни — мы-то все поразъехались. Живут и работают они в совхозе.

Отец, если тебе неудобно ехать к матери, приезжай ко мне. Может, у тебя нет семьи и, вообще, жизнь неустроенная — приезжай, а здесь уж решим, что делать дальше. На стройке хватит работы, и специальность можно получить по душе любую.

Я почему пишу об этом? А потому, что ходят еще по поездкам такие калеки, которые кричат,

будто освобождали и Киев, и Одессу-мату, и Севастополь. Им подают, потому что никто еще не забыл войну. Но есть, видно, среди них и настоящие фронтовики, которым война покалечила не только руки-ноги, но и всю жизнь. Вот я и говорю, отец: если что — обязательно приезжай ко мне.

На этом я заканчиваю письмо. Чуть было не написал, что мы все остаемся живы-здоровы. Бабушка, то есть твоя мать, умерла шесть лет тому назад. Схоронили мы ее хорошо, как полагается. Место на кладбище я сам выбрал. Красивое, среди берез.

Батя, если ты прочитаешь это письмо, я жду ответа, что бы там ни было. С приветом — твой сын Владимир».

Под письмом стояла дата — 17 мая 1960 года, а ниже был крупно напечатан адрес Владимира и редакционная приписка:

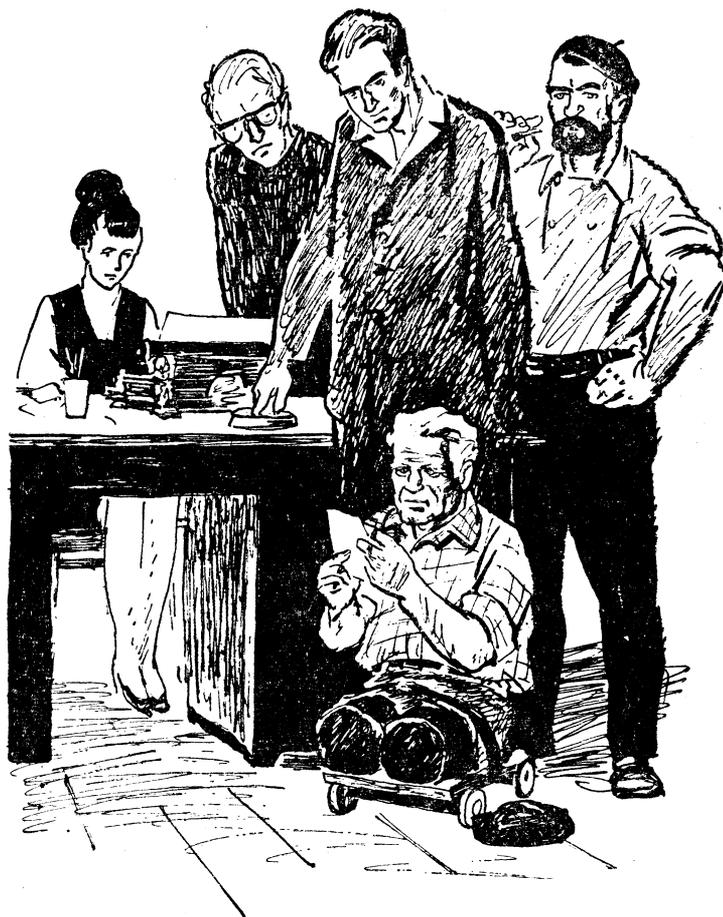
«Найдет ли Володя Павлов своего отца? Мы желаем ему этого от всей души.

Многих сыновей обездолила война, но вырастают они настоящими мужчинами. Тысячи таких, как Владимир Павлов, строят сегодня будущее. Потому что поколение, которое потеряло отцов, не потеряло мужества. Матери научили его мужеству.

Редакция обращается к тебе, Володя, с просьбой выслать нам свою фотографию и более подробный рассказ о своей работе и жизни. Мы уверены, что наши читатели с нетерпением будут ждать твоего второго письма.

Пиши нам, Володя!»

Через три дня после того, как письмо было напечатано, появился в редакции необычного вида посетитель. Он медленно катил на низкой тележке с шарикоподшипниками по вышарканным половицам длинного коридора. У него были густые чисто-белые волосы, лицо, прорезанное глубокими морщинами, синие, выветленные годами глаза. Отталкиваясь от пола зажатыми в руках кожаными подушечками, он катил и катил. Глядел прямо перед собой, будто выбрал какую-то свою,

невидимую никому цель. Толпившиеся в коридоре молодые журналисты поспешно расступались перед ним.

Ни у кого ничего не спрашивая, калека въехал в первый попавшийся на пути кабинет. Это оказалось как раз то, что ему было нужно, — отдел писем. В кабинете сидели Слава Казанков и еще двое сотрудников.

— Здравствуйте, товарищи корреспонденты, — глухим басом сказал мужчина. — Я к вам по поводу статьи «Если ты жив».

У Славки так и оборвалось сердце и в горле запершило — он тотчас поверил, что объявился тот самый отец, которому адресовал свое письмо парень со строительства северной ГЭС.

Славка выскочил из-за стола и, показывая рукой на ближний стул, пригласил:

— Присаживайтесь, пожалуйста.

Мужчина не спеша отстегнул тележку и неожиданно легко вскинул туловище на стул. Пригладил ослепительно белые волосы, оглядел кабинет.

— Просьба у меня такая, — сказал он. — Дайте-ка мне это самое письмо.

— Но... мы не можем. Оригиналы всех материалов остаются в редакции, — стусевался Казанков.

— Да я ведь взгляну только и верну, — успокоил его мужчина. — Неувязка тут одна получается. Два сына у меня было, а не три. Володька и Андрюшка. А Пашки даже и не намечалось вроде. Так где это письмо?

— Сейчас, сейчас, — засуетился Казанков. — Подождите немного.

Мужчина поерзал на стуле, устраиваясь поудобней, насколько позволяло короткое неловкое тело.

Потом он долго вчитывался в письмо. Его сильные натруженные пальцы нервно ощупывали тетрадные листки и подрагивали. В кабинете стояла тишина.

— Ух, стервец! Не имеет он права подозревать меня в этом! — внезапно, с резкостью сказал мужчина. — Семнадцать лет елозил я по земле, до черта профессий перепробовал, но никто не видел меня с протянутой рукой. Сроду не побирался! Понятно?!

Молодые газетчики, сидевшие за столами, замерли.

Дочитав письмо, мужчина спокойно произнес:

— Да, все правильно пишет. Иваном меня зовут, значит, он — Владимир Иванович. Только откуда же третий — Пашка?.. И еще есть одна неувязочка — кочегаром я был на паровозе, а не машинистом. Ну, да это он спутал, наверно... Слушайте, ребята, а не прислал он свою фотографию?

— Нет, еще не прислал, — ответил Казанков.

— Взглянуть бы мне на нее. Ладно, подождем. Через недельку я к вам еще раз прикачу.

— Вам, наверное, легче будет позвонить?.. Запишите наш номер телефона... Впрочем, мы сами сейчас напишем, — забеспокоились парни.

— Не надо, не надо, ребята. Я этими автоматами не умею пользоваться — до трубки не дотягиваюсь.

Неуклюже, как малый ребенок, мужчина сполз со стула, укрепился на низкой своей тележке и покатыл.

...Через неделю он снова появился в редакции.

К тому времени уже пришло второе письмо от Владимира Павлова, с фотографией. Правда, ничего нового о себе он не сообщил, только благодарил редакцию за то, что так скоро напечатали его обращение к отцу.

Мужчина даже не стал, как в прошлый раз, отстегивать тележку и взбираться на стул. Сразу попросил у Славы Казанкова фото.

Долго и жадно всматривался. Молчал. Тягостно-скорбным было это молчание.

Не похож, совсем не похож был на него парень на фотографии. Явно не сын.

Наконец он сказал тихим, осевшим голосом:

— Интересный на внешность. Славный, видать, хлопец.

Потом обратился к Казанкову:

— Разрешите-ка мне конвертик от его письма.

Казанков тотчас протянул конверт. Мужчина достал ручку, потертую записную книжку и, пристроив ее на стуле, тщательно переписал адрес.

— Между прочим, мы туда корреспондента нашего послали, — проговорил Казанков. — Очерк будет писать о нем.

— А как, интересно, добираются туда? — спросил мужчина.

— Можно самолетом, можно и поездом. Только самолетом гораздо быстрее.

— Конечно, кому к спеху — тому самолетом лучше: быстро, выгодно, удобно. А нам — поездом выгодней, удобней и... привычней. Ладно. Поехал я.

Слава Казанков пошел проводить. Ему показался вдруг очень беззащитным этот безногий человек — и дверью могут стукнуть, и в толпе толкнуть...

На углу людной улицы мужчина попрощался и бесшумно покатыл по асфальту, отталкиваясь кожаными подушечками. По-прежнему прямо глядел он — будто выбрал свою, невидимую никому цель...

Славка следил за ним до тех пор, пока прохожие не заслонили крупную белую голову.

А днем позже в отделе писем сидел другой инвалид. Он тоже жадно выспрашивал подробности о Владимире Павлове, разглядывал, хмурясь, парня на фотографии...

ВЕСЬ НА ПИЩУ ИЛИ ПИЩА ДЛЯ ВСЕХ

ДЕВЯТЬ МЕСЯЦЕВ СНА

Одно из интереснейших явлений природы — спячка животных. Она свойственна многим млекопитающим, насекомоядным, грызунам, хищникам. Весьма любопытно, что в спячку впадают не только звери северных районов земли, но и теплых стран, например, сумчатые и полубезьяны. Это позволяет им длительное время обходиться без пищи и предохраняет от гибели. Но вот удивительный факт: большой суслик, обитающий и у нас на Урале, в лесостепных и степных районах к сентябрю уже уходит в зимнюю спячку, хотя зеленых кормов в это время еще много. Особенно это резко бросается в глаза в засушливые годы. В июне-июле трава выгорает, и куртинки зелени сохраняются лишь в низких местах, где весной скапливаются вешние воды. Унылы и желты в это время степи. Но в августе опять начинаются дожди, и для сусликов, казалось бы, наступает благоприятная пора: кормов много, сравнительно тепло. Но их не видно, они спят, и только отдельных молодых зверьков иногда еще можно встретить в начале сентября.

У одних животных температура тела зимой почти не снижается, но они впадают в сон и могут быстро выйти из состояния оцепенения. К таким относятся медведи, енотовая собака, барсук.

У хомяков, бурундуков, некоторых видов летучих мышей спячка глубокая, с понижением температуры тела, но они тоже способны пробуждаться и затем вновь засыпать.

Наиболее многочисленную группу составляют звери с настоящей зимней спячкой, которая не прерывается с осени до весны. Это ежи, суслики, сурки, тушканчики, мышовки, со-

ни. Если в состоянии бодрствования температура тела у ежей 33,7°, то в состоянии спячки всего 1,8°C, а у рыжей вечерницы (летучая мышь) — соответственно 37,9 и 0,1°C. Исследованиями советских биологов установлено, что переохлаждение млекопитающих во время спячки возможно — без смертельного исхода! — до -7°, -9°. Спящий еж остается без пищи около 240 суток, бодрствующий же зверек не переносит и 30 дней голода. Сурок в период глубокой спячки теряет в среднем около 0,1 процента веса тела в сутки, при вынужденной голодовке — около 4 процентов.

Резко замедляется у животных во время сна частота сердцебиений и дыхательных движений. У летучих мышей, например, кричество сердцебиений падает с 420 до 15—16, а количество дыхательных движений — с 96 до 5—6 в минуту, у сурка — соответственно со 100 до 10 и с 20 до 3 в минуту.

Любопытны и такие наблюдения: у убитого во время спячки сурка сердце продолжает сокращаться несколько часов, в то время как у убитого бодрствующего зверька оно останавливается через несколько минут. При погружении спящего ежа в воду он начинает задыхаться только через полчаса, бодрствующий — через 2—3 минуты.

Чем вызывается зимняя спячка? Тут действуют внешние причины: температура, свет, наличие корма, его влажность, и внутренние: упитанность, состояние нервной системы, гормональная деятельность. Зависимость от низкой температуры доказывается хотя бы тем, что с помощью искусственного охлаждения любой способный к зимней спячке зверек может

перейти летом в состояние оцепенения. В степных и лесостепных районах Южного Зауралья водится маленький симпатичный зверюшка с длинным-предлинным хвостом — степная мышовка. Он очень подвижен при теплой погоде, но стоит понизиться температуре — и лесную мышовку можно поймать руками. Первое впечатление такое, что зверек погибает. Но вот он отогревается и через несколько минут на глазах оживает.

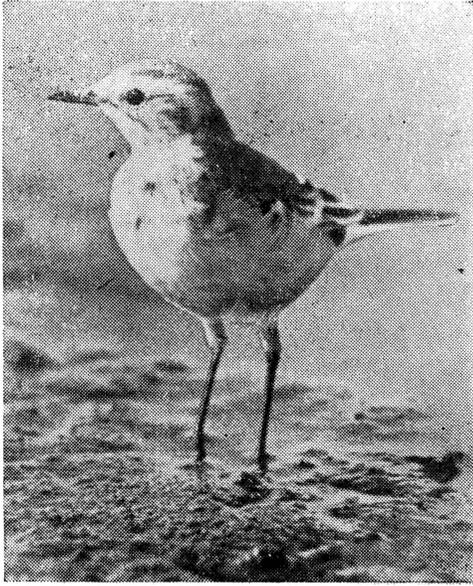
Опыты последних лет показали, что в крови спящих сусликов содержатся особые вещества: достаточно было ввести кровь таких зверьков их бодрствующим собратьям, как у последних наступала спячка.

Зимняя спячка длится разное время. «Рекорд» поставили обитающие у нас на северо-востоке Сибири длиннохвостый суслик и черношапочный сурок: девять месяцев в году! А иначе нельзя: лето короткое, морозы, снег, и чтобы при таких исключительно суровых условиях выжить, надо долго спать.

Несколько слов о птицах. Наблюдения показали, что у молодых стрижей при снижении температуры воздуха наступает оцепенение, которое может длиться до девяти дней. Весьма близко к настоящей зимней спячке состояние американского козодоя: оцепенение длится до 85 дней; при этом температура тела птицы близка к температуре воздуха. Самые маленькие птицы на земле колибри впадают в спячку ночью, и у них температура тела снижается до температуры воздуха.

В. ПАВЛИНН,
доктор биологических наук

МОЯ ФОТООХОТА

Я родился в глухой таежной деревеньке. Зимой вставала река, дома заносило снегом, и жизнь словно замирала. Зато весной появлялось много птиц.

Первыми прилетали трясогузки. Старики говорили: «Вон и синички прилетели лед ломать». Они всех маленьких птиц синичками звали. А те деловито бегали по льду еще не вскрывавшейся реки и, казалось, думали: с чего начать? И буквально через несколько дней после прилета трясогузок начинался ледоход.

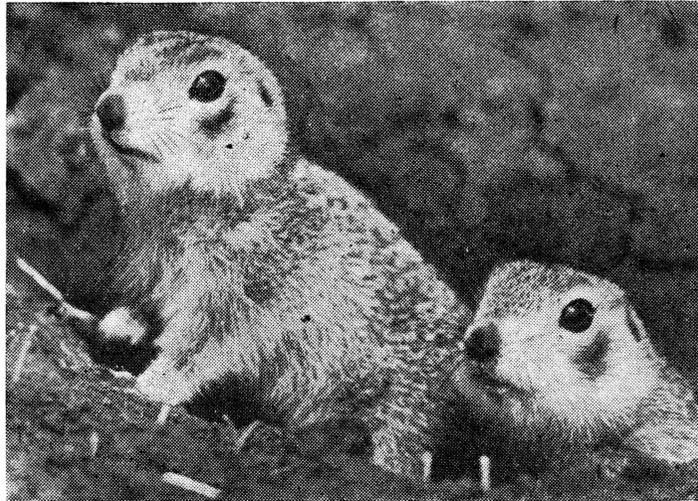
В том, что лед ломали птички, у меня не было никаких сомнений. Но как они это делали?

Спустя много лет я узнал, чем объяснялась «деловитость» трясогузок. Весной земля прогревалась и оживали насекомые. Но над рекой воздух оставался холодный, тут насекомые цепенели и падали на лед. Их-то и подбирали птички.

Совсем недавно мне удалось заснять трясогузку.

У суслихи появилось потомство. Когда малыши немного подросли, мать перевела их на «дачу» — во временную нору, вырытую прямо в поле. Здесь приволье. Много корма. Как все дети, суслята чрезвычайно любопытны. Это и помогло мне их сфотографировать.

Недалеко от моей палатки было гнездо варакушки. Когда я ходил умываться к озеру, то пересекал невидимую границу территории ее гнезда. Самец варакушки обычно садился на прошлогодний стебель рогоза

и начинал песню. Погода хмурая, не концертная, да что поделаешь? Надо отвлекать на себя внимание. Защищать потомство. Такова доля мужская.

Так было и в это утро, когда я вышел из палатки с фотоаппаратом. Но сегодня сквозь пелену тумана прорезался луч солнца, и мне показалось, что именно солнцу посвятила свою песню птица.

А. ПАШУК

И. ПОЛУЯНОВ

Рисунки
Н. Мооса

Рассказ

Покинув лежку в гряде бурелома, она потянулась, разминая спину, и бросила пронзительный, недоверчивый взгляд по сторонам. Ночь. Тени. Промороженные, пластались тени на снегах... И в самой росомaxe появилось сходство с тенью, когда она двинулась в ночную вылазку, избегая высвеченных луною полян, ныряя прыжками под хвойную навись.

Росомаха мохната и толстолапа, есть в ее обличье что-то барсучье и медвежье одновременно. мех шкуры грубый, бурый. По бокам шерсть свисает попоной, окантованной белесой полосой. Хвост с черной кистью, лохматый. Неуклюж, неповоротлив зверина: бежит трусцой, трюх-трюх — лапы заплетаются, косяпают, хвост как лишний трясется. На лыжах росомаху легко настичь. О собаках и речи нет: перехватят в два счета и загонят на дерево. Но по деревьям, по каменистым кручам росомаха лазить мастерица. И с гор кататься тоже: свернется клубком и кубарем вниз с какого угодно обрыва — камни гремят, прах завивается столбом. «Ай, ай, ай!» — всполошатся собаки, и, пока скажут да ищут спуск с горы, росомахи след простыл. И плавать, и нырять, и в засаде сидеть мертво она умеет. Невелика ростом, но по крепости непомерно длинных когтей, по цепкой хватке ни волк, ни рысь с росомахой не сравнятся. Изжелта-белые зубы способны дробить кости в крошево и наносить страшные рваные раны. Вдобавок, при всей нерасторопной неуклюжести, росомаха прилипчива и неумолима: возьметса кого гонять — сутками без усталости бродит по следу, добываясь своего.

Отталкивающая, дикая, есть в ее зверином

нраве черта: забирать голову жертвы с собой. Удачно сложилась вылазка — росомаха мясо разрывает на части, прячет под камни, на деревьях, зато голову добычи — с собой. Пусть непосилен груз, если это лосиная голова, — задом пятится, волоком волочит, а не отступится, дотащит, куда ей надо.

Логово у нее в чаще, в оврагах закоряженных, буреломных.

Потемки — и кругом кости раскиданы, смердят, черепа пустые глазницы пучат. Совы, привлеченные падалью, заунывно ухают, скрипят клювами... Идолово капище, да и только!

Час за часом широкие лапы пахали сугробы. Бег зверя задержала лыжня. Ноздри зашекетало дымом. Недалеке тонула в снегах бревенчатая избушка. Поодаль под елками кособочился лабаз, амбар на столбах, куда охотники-промысловики складывали запасную ловчую снасть, продовольствие и добытую пушнину. Росомаха взобралась на ель. С ее ветвей прыгнула на лабаз, сгребла снег. Загремели обледенелые плахи кровли.

Собаки залаяли, натягивая привязи. Распахнулась дверь избы, выскочил человек: «А-а, пако-стница!» Ударил запоздалый выстрел, по еловым стволам пробарабанила картечь.

Чаща уже скрыла косматого пахаря снегов.

Колесила росомаха по лесу. Наведалась в сосняк к медвежьей берлоге. Полежала, положив морду на лапы и вслушиваясь в дыхание спящего зверя. Что привлекает росомаху к берлогам — необъяснимо, как многое остается загадочным в ее привычках..

Близ пожен вновь встретился росомaxe широкий след лыж, и она бегом припустила по накатанной тропе. На прыжках спина горбилась, ноги сильнее косолапили, неуклюжее тело разворачивалось поперек хода, зверя заносило из стороны в сторону.

Капканы. Деревянные плашки-западни на белок. Петли на рябчиков.

Как ни мастерски были установлены ловушки, особенно капканы,—росомаха, замечая малейшие отклонения в цвете, в рыхлости снега, находила их. Все равно сегодня не везло: накануне снасти были проверены, и за ночь никто не попал.

Лес расступился перед болотистым лугом. На ольховом кусту ветер качал ободранную заячью тушку. По низине чаще других встречались росомашьи же следы,—вероятно, по этой причине и выложили охотники приваду.

Привада выглядела целой. Подойдя, однако, ближе, росомаха убедилась, совы побывали — у зайца ребра голые наружу.

К ольхе росомаха подползла, зарываясь в сугроб по уши. Подкопала и выковырнула первый капкан. К чурбану приклепана тяжелая цепь: попадись, тут и смерть. Сидя в капкане на цепи, не много прыгаешь! Где взялась осторожность: лапой бережно очистила росомаха снег, не задев сторожка. То ли подула на капкан, то ли фыркнула — на нее ставить капканы?! Не так она глупа, чтобы угораздить в эту железку! Второй капкан не мешал, но она тоже выковырнула его из снега и только тогда, вцепившись зубами, сдернула зайца с сучьев.

Постарались совы, мясо оклевано с костей дочиста. Голодная росомаха потрусила дальше.

Меркла, краснела луна — к непогоде, к несчастью. Занималась поземка.

Росомаха остановилась.

Перелеском шумно шло стадо лосей: однорогий старый бык, бычок с вильчатыми рожками, комолая корова и долговязый теленок. Рог старику мешал, воротил горбоносую морду набок. Разлзтый, о десять отростков рог. Лось бодал стволы деревьев, цеплялся рогом за кусты: не терпелось избавиться от опостылевшей ноши, как избавился от первого рога, сбросив его где-то в кустах. Теленок звал мать поиграть с ним, отставал или забегал вперед, взбрыкивая дурашливо,—угловатый, долговязый, уши лопухами.

Росомаха слушала, смотрела.

В мире хвои и лунных теней, когтей и клыков ценится та добыча, что достается без лишней траты сил. Столь же легко, как глухарю зимой — сосновая хвоя: взлетел на первую приглянувшуюся сосну и набил зоб. Как зайцу — осиновая кора — везде ее довольно. Как выдре-рыболову — налимы и язи. Мимо налимы плывут, всех забот — поперек жирного брюха зубами схватить! Язи — и того удобнее, по глубоким ямам сонные стаями стоят!

Припадая к снегу, держась темных лунных теней, лохматый зверь покрался наперерез лосям.

Стаду не миновать перехода через ручей. Круты теснины берегов. На откосах снег не держался: выходы подземных вод покрыли льдом глинистую осыпь. Сколько ключей сочилось с берега, столько расцветок льда: от матового белого и синеватого, как подмоченный сахар, до ржаво-бурого и черного впрозелень. В единственном месте был отлогий спуск к ручью, прорытый вешней водой и обросший ивняком. Здесь, в узкой

расщелине, залегла росомаха, и тени сомкнулись вокруг нее.

Лоси — сама мощь таежных суземий. От леса передалась им сила стихийная. Передалась через обрызганные росой травы, через осиновую кору, хвою сосен и листья берез, напитанные чудодейственными соками. Через солнце, через воздух — целебный воздух сосновых боров, пропахших грибами и земляникой. И через воду — чистую, прозрачную воду родников и то бурных, то медленных рек. Лес, просторы таежные впоили, вскормили великанов, грозную силу им дали в стройные ноги, в острые всесокрушающие копыта, в пудовые рога.

В стуке копыт, в треске сучьев двигалось стадо. Кто посмеет ему заступить дорогу? Сомнут, копытами впопчут в снег!

С лунными тенями слилась росомаха.

В любом лесном хищнике живет своеобразный судья: карать слабых и опрометчивых, блюсти таежные законы, главный из которых — быть всем всегда начеку.

Лоси пересекали луг. Вразброд, как попало. Лосенок смешал походный строй, и однорогий старик спустил ему, занятый боданьем кустов, и лосиха не приструнила своего теленка.

Ничтожная трещина наметилась в шагающей крепости, сводя на нет ее мощь, и судья занял место.

Лоси грудью раздвигали кусты. По живот взяли в снега тяжелыми тушами.

Дурашливый лосенок-подросток — сил девать некуда! — вдруг пускался вскачь, обгоняя старших, вдруг и отставал, тянулся мягкими губами к ветке осины, показавшейся ему почему-то соблазнительной.

До сих пор лоси безвыходно жили на болоте около деревень. Осинник, ивовые заросли на границе топких мхов, пожни, где в бескормицу можно подтеребить стог с сеном, а посреди топей остров с ельником, служивший укрытием в непогодь, — нужды не было менять такое угодьё на другое. Никто лосей не беспокоил. Волки здесь были давно выбиты. Медведи и рыси окрест не водились. Что же до собак, то полагают и отвязнутся. К людям лоси привыкли, да и редко люди бывали на болоте: разве что летом за морошкой и осенью за клюквой. Когда в зной мошкара и оводы выгоняли лосей к деревьям, им выпадало гастись рядом с коровами, и это сходило благополучно, если не считать, что надоедали собаки, да раз бык с кольцом в губе вздумал потягаться в силе со старым лосем. Пастухи кнутами отогнали задиру. Правда, лось смиренно уступил, поспешив исчезнуть до их вмешательства.

Нынче люди затеяли осушку болота под поля и покосы. Появились тракторы, экскаваторы.

Работа, начатая осенью, продолжилась зимой: дотемна, что ни день, грохотало, лязгало металлом болото, шарили по нему фары автомашин, горели костры. И лоси, в конце концов, расстались с обжитым краем.

Лосиха — на переходе она впереди — повела стадо в дальние, знакомые ей по детству глухие места.

Не только к людям привыкли лоси, обитая с ними бок о бок. Привыкли они к беспечности мирной, ничем не тревожимой жизни.

Светало.

Поземка мела — вестник вьюги.

Ближе, отчетливей стук копыт, шумное дыхание.

Стадо сгрудилось перед обледенелым спуском. Росомаху обдало теплым запахом. Ноздри затрепетали, она сжалась, как пружина, задние лапы нащупали точку опоры. Пропустив осторожно ступавшего по спуску матерого рогаца и комолую корову, росомаха обрушилась сверху на лосенка.

Хрип, стоны... Неразбериха и сутолока... Негде великанам развернуться: впереди скользкий лед, по сторонам крутизна откосов... Западня!

Однорогий старик растерянно вскинулся передними ногами на обрыв. Хотел выброситься наверх. Отвесна расщелина — посыпались камни, лось оборвался, упал на колени, загорюдив проход. Лосенок, с росомахой на хребте, перепрыгнул через него, в то время как молодой лось-рогач в страхе ринулся назад, в кусты, и застрял среди мешанины камней и сучьев, а лосиха одним прыжком перемахнула опасную гололедь.

Росомаха терзала шею лосенка. Напрасно он взвизывал на дыбы, чтобы вскинуть лохматую наездницу: прилипла когтями, силой не отдрать!

Ручей в стужу промерз до дна. Выступив на лед, вода застыла гладкой корой. Чиркнули копыта по гололеде и разъехались — лосенок покаптался через голову. Упал и придавил росомаху.

По льду лосенок проехал на боку и оставил оглушенную ударом хищницу позади.

Он поднялся, дрожа и задыхаясь. Сперва шаг не мог ступить, всего трясло и шатало. И шатаясь, пошел и побежал — быстрее, быстрее! Кровь из раны пятнала снег.

Росомаха, опамятовавшись, вскочила. Но поздно — подоспевший старый бык вскинулся передом, опустил на нее копыта.

Выла вьюга, завивая снежные смерчи. Стемнело, и весь день было темно, солнце не показалось ни разу.

Раскачивались сосны, мохнатыми лапами обороняясь от порывов пурги, точно схватываясь с ней врукопашную. Сучья, сбитую хвою несло далеко прочь. Гнулись березы. Какая-нибудь елка, запарусив кроной, падала, обломленная у самого подножия, и тотчас к ней навало сугроб.

Всего вернее было бы лосям лечь и переждать метель. Но стадо упорно продвигалось вперед. Молодой лось по следам догнал стариков с теленком, и теперь все были в сборе.

Колочая холодная пыль забивалась в ноздри, в глаза и уши — как оглохшие и ослепшие, шли лоси сквозь пургу. Лосенок от потери крови ослаб, спотыкался. Лосиха мычаньем звала его за собой.

Метель поутихла, когда стадо достигло цели — поляны в основном островке, в центре обширных болот и гарей.

Иссяк снегопад. Унялся ветер. К полночи очистилось небо от туч. Лунные тени подтянулись к соснам, поляна искрилась, переливалась осколками снежинок.

В тених родился бегучий шорох. Мгновенно лоси были на ногах. Они выстроились в круг. Раненый теленок очутился под защитой стада.

Как ни мела пурга, не замела глубокую, широкую борозду лосиной тропы.

Волки бежали вдоль тропы рысью. Шестеро, как один, след в след, ведомые опытной волчихой. А еще их вела кровь. Капли крови, вмерзшие в снег.

Бежали волки, растянувшись цепью, и цепью обложили лосей.

Как изваяния, застыли лоси. Заняла оборону шагающая крепость. В осаду легли на снег волки. Тишина. Лунный свет. Лунные тени.

Молча лежали волки. Не шелохнулись лоси, и раненый лосенок стоял, как все: прижав уши, нагнув голову, отчего казался горбатым. Лоси изготовились к смертному бою.

Молча наблюдала, изучала лосей старая опытная волчиха. Искала и не находила изъяна в их позиции. Затем неожиданно поднялась. За ней рысцой потрусили остальные из стаи. Как один, след в след. Как один, молча.

Пропал в тених, в сверканье разбитых метелью снежинок бегучий шорох. Снята осада. Лоси улеглись, пережевывая жвачку.

И опять то один, то другой, то все сразу прядали ушами, обнюхивали воздух, улавливая лишь им известные звуки и запахи.

Они были приговорены: вечно быть насто-роже.

Где-то позади, за лесом, за гарью, копошились в снегу на ручье совы в попытках добраться до того, что было недавно росомахой: идолом с острым рыльцем и меховой попонкой на спине, с ошестиненным загривком, с пастью, забитой жадной слюной...

КНИЖНЫЕ РАРИТЕТЫ СИБИРИ

Красноярский книголюб Кирилл Всеволодович Богданович много лет ведет увлекательный поиск старых и редких изданий, связанных с Сибирью. В этом поиске у него бывали интересные встречи с редкостями книжного мира. О некоторых из них он и рассказывает в своих заметках.

СПУТНИК ЗЕМЛЕПРОХОДЦЕВ

С первыми же русскими землепроходцами, пришедшими в Сибирь, наряду с сельскохозяйственными орудиями и предметами быта, ранее неизвестными здесь, появились на новых землях и предметы культуры, в том числе и книги. И не только богослужебные, но и светского содержания — «мирские» книги, как тогда говорили. Большой частью это были исторические и географические сочинения, переписанные от руки с печатных изданий, так как типографские книги представляли в то время еще большую редкость.

Одна из таких рукописных книг хранится в центральной городской библиотеке им. А. М. Горького города Красноярска.

В ней не одно сочинение. Это сборник. Открывается он «Описью сошного письма» — описанием земельных владений и тогдашних земельных мер.

Далее следует географическое сочинение. Оно носит длинное название, типичное для того времени: «Главы книги сея Космография (так раньше именовалась география:— К. Б.) писаны, сколько земель в свете, сколько и государств, и королевств, и стран, и островов, где люди житие имеют». Это сочинение — одна из многочисленных космографий того времени, содержащая краткие сведения о странах Европы, Азии, Африки и Америки. Упоминается в ней и Австралия, но как «земля темная», то есть неизвестная.

За «Космографией» в сборнике следует «Летописец» — краткие извлечения из библейских легенд о расселении сыновей Ноя по земле и из русских летописей — о первых славянских племенах.

Далее следуют притчи и поучения, переписанные, очевидно, также из каких-то печатных

изданий. Завершается книга небольшой рукописью, содержащей духовные песнопения — «ирмосы».

Как видите, сборник этот — нечто вроде маленькой энциклопедии, всего понемногу.

Интересно, что на одной из страниц книги есть приписка, свидетельствующая, что рукопись попала на берега Енисея давно. Старинным почерком выведено: «Красноярской округи села Арейского священника...» Подпись, к сожалению, неразборчива.

Арейским раньше называлось теперешнее большое село Емельяново, расположенное неподалеку от Красноярска, — одно из старейших сел края.

Рукописная книга да еще трехсотлетней давности, вещь в наше время редкая. Она интересна также и как свидетельство того, что книга издавна была спутником русского человека в Сибири.

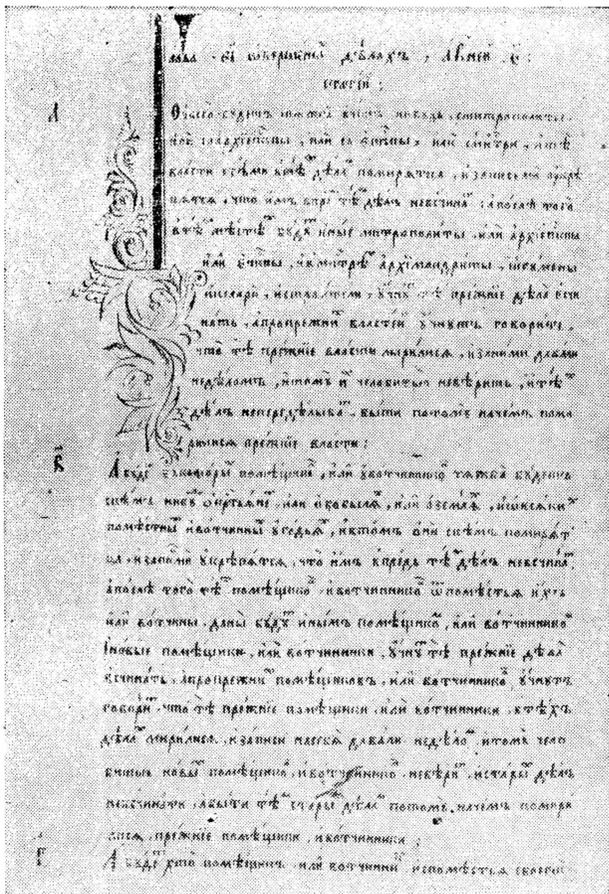
«...ПИСАНА В ГОРОДЕ ВЕРХОТУРЬЕ И ПЕЛЫМЕ»

В Северную, или, как ее тогда называли, Шведскую войну, которую вел Петр Первый за выход России к балтийским берегам, среди пленных, захваченных русскими частями, оказался мальчик-подросток «из немцев» (так в старину назы-

вали всех иноземцев, независимо от их национальности). Родители его не нашлись.

Мальчика отдали на воспитание богатому устюжскому купцу Худякову. Здесь малолетний иноземец обучился русскому языку и русской грамоте.

Принял фамилию своего покровителя или хозяина: трудно сказать — кем ему стал купец Худяков. Дали ему и русское имя Петр, в честь, очевидно, царя Петра, войска которого одерживали славные

нее непобедимой шведской армией.

Войдя в возраст, Петр Худяков стал служить на государственной службе и за ревность и усердие к делу был даже поверстан в тобольские дворяне (ибо именно в Тобольск перебрался и сам купец Худяков, кстати сказать, предок известного сибирского публициста и ученого Ивана Александровича Худякова).

Еще молодым Петр Худяков пристрастился к чтению. А еще, помимо того, сам любил переписывать книги. Особенно прилежно переписывал он «Соборное Уложение», составленное в 1648 году по велению отца Петра Первого, царя Алексея Михайловича, и бывшее в то время, да и позже, основным сводом государственных законов Русского государства.

58

Строгим четким шрифтом выписывал Петр Худяков текст каждой статьи «Уложения». Начальную букву статьи выри-

совывал красной краской — киноварью. А первые буквы глав украшал рисунком. Обычно это были травы, листья и цветы, как в старинных рукописях, которых насмотрелся он множество и в Устюге, и в Тобольске, и в других городах уральских и сибирских, в каких побывать довелось. Большая буква, окруженная травяным рисунком, была нарядной, да и вся страница, пест-

ревшая красными буквицами, начинавшими каждую статью, смотрелась приятно. Порой и на полях страниц Петр Худяков вырисовывал узоры.

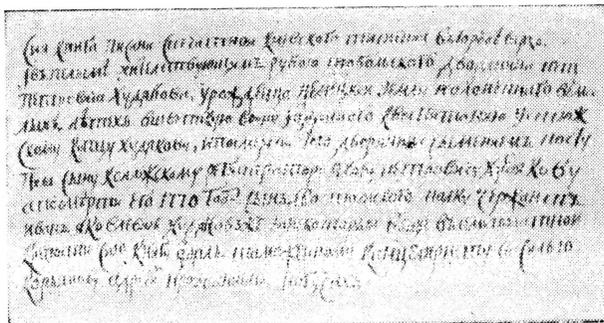
Долго он трудился над книгой. Начал писать в Верхотурье, а завершил свой труд уже в Пелыме. Потом, после его смерти, книга по дарственной записи отошла к его сыну, а потом... Впрочем, сама книга лучше всего расскажет о дальнейшей своей судьбе словами владельческой записи, сделанной на ее форзаце. Вот она, эта записка, слово в слово:

«Сия книга писана с печатной киевского тиснения в городе Верхотурье и в Пелыме жителем тобольского дворянина Петра Петровича Худякова, уроженца немецкой земли, полоненного в малых летах в шветскую войну и оданного к воспитанию устюжскому купцу Худякову, и по смерти того дворянина с именем поступила сыну, коллежскому регистратору Якову Петровичу Худякову, а по смерти его 1770 года сын его, томского полку сержант Иван Яковлевич Худяков же за некоторые вещи всемя полатной крепости (так в подлиннике. — К. Б.) сию книгу одал таможенному канцеляристу Василью Корытову, а другим прозвищем Могучих».

Вот какую интересную историю книги повествует небольшая записка, словно нарочно сделанная для потомков одним из ее хозяев, возможно, внуком Петра Худякова, Иваном или Василием Корытовым.

Итак, известны имена четырех владельцев этой книги.

Но кроме них известен еще один, уже из последних владельцев книги. Это красноярский купец, известный библиофил Геннадий Васильевич Юдин, собравший в конце

прошлого века одну из самых больших частных библиотек в России. Именно в его богатейшем собрании занимался Владимир Ильич Ленин, когда с 4 марта по 30 апреля 1897 года жил в Красноярске, ожидая возможности выехать к месту своей трехлетней ссылки — в село Шушенское. О том, что эта книга принадлежала Юдину, свидетельствует штемпель владельца, оттиснутый, как и на всех книгах из юдинского собрания, красной краской и состоящий из одного слова: «Юдин».

Юдинский, назовем его так, рукописный экземпляр «Уложения» — это толстая, в двести с лишним листов книга, в деревянном, обтянутом кожей переплете.

В первом номере «Уральского следопыта» за 1970 год я с большим интересом прочел заметку В. Уткова о Петре Ершове и его сказке «Конек-Горбунок». Особенно запомнилось, что сказку переписывали от руки с печатных изданий даже в первые годы после ее выхода в свет. Некоторые из списков дошли и до нашего времени. Один такой удалось обнаружить в библиотеке красноярского краевого архива с помощью сотрудника архива Владимира Ивановича Шатрова. Этот экземпляр тоже принадлежал некогда красноярскому

Книга имеет небольшой изъян. Первый лист, содержащий начало «объявления содержащихся в сем Уложении глав и статей», утерян, и на первом сохранившемся листе мы находим указание лишь на вторую статью четвертой главы «Уложения» — «О подписчиках и которые печати подделывают», то есть о наказаниях тем, кто занимается подделкой документов.

Сейчас этой книге более двухсот лет. Написана она была, судя по владельческой записи, очевидно, в двадцатых-тридцатых годах XVIII столетия. Рожденная на Урале, она затем, вместе со своими владельцами, перекочевала в Сибирь и, сменив множество хозяев, в том числе и Юдина,

нашла теперь прибежище на стеллажах фонда редких книг Красноярского педагогического института, где стоит рядом со своим печатным собратом, которому тоже более двухсот лет. Это экземпляр «Соборного Уложения», вышедший «вторым тиснением» в Петербурге при Академии наук в 1737 году.

Интересно, что сопоставление рукописного экземпляра Уложения с печатным свидетельствует, что переписчик Петр Худяков весьма тщательно выполнил свой труд, позаботившись не только о красоте оформления книги, но и о точности текста. Весь текст «Уложения» переписан без искажений и ошибок, как говорится, буква в букву.

РУКОПИСНАЯ СКАЗКА

библиофилу Юдину, о чем свидетельствует штемпель владельца, оттиснутый на титульном листе рукописи.

Список представляет собой небольшую, в семьдесят с лишним страниц, книжку, форматом в обычную школьную тетрадь, в картонном переплете. Бумага плотная, чуть шероховатая. Почерк переписчика мелкий, но достаточно четкий и разборчивый. Чернила, очевидно, были когда-то черными, но теперь значительно выцвели.

В рукописи, к сожалению, нет никаких пометок, которые указывали бы на время и ме-

сто, где переписывалась книга, и на личность переписчика. На титульном листе нет и фамилии автора сказки, она — на последней странице.

Текст сказки в «юдинском» списке имеет много расхождений с нынешними изданиями: он был переписан с первого издания, в котором Ершову по цензурным соображениям пришлось сделать исправления, смягчавшие острое социальное звучание сказки. Поэтому некоторых стихов в рукописном экземпляре «Конька» нет — они появились в последующих прижизненных изданиях сказки.

Н. Э. ГЕЙНЦЕ И ЕГО СИБИРСКИЕ РАССКАЗЫ

В июне 1886 года приказом по ведомству министерства юстиции на должность товарища (помощника) енисейского губернского прокурора был назначен кандидат на судебные должности Петербургского окружного суда некто Н. Э. Гейнце, судя по его небольшому чину (губернский секретарь), недавно начавший служебную карьеру юрист.

Но не только юриспруденция занимала молодого товарища прокурора. Не чужды были ему и литературные занятия, сочи-

тельство, которому он вскоре и посвятил все свое время. По крайней мере, в конце девяностых годов прошлого века читатели получили целую серию романов и повестей — исторических и «уголовно-бытовых», написанных Н. Э. Гейнце.

Сейчас эти заурядные трюгесортные произведения, рассчитанные на самые непритязательные вкусы, справедливо забыты.

Не стоило бы упоминать и об авторе этих дешевеньких буль-

варных книжек, если бы не одно, не лишнее для нас интереса издание.

В 1891 году в Петербурге вышла небольшая книжка Н. Э. Гейнце «Петербург и Сибирь. Очерки и рассказы из жизни северной столицы и страны изгнания». (Издание М. И. Троянского). В книжке двенадцать рассказов, объединенных в цикл «Петербург», и столько же в цикле «Сибирь». Вот эти-то рассказы из цикла «Сибирь», материалом для которых послужили факты, наб-

людаемые автором во время службы в Енисейской губернии, и представляют для нас сейчас интерес.

Сибирские рассказы Гейнце повествуют о старой каторжной Сибири с ее жестокостью, дикостью, произволом царских чиновников, измывающихся над запуганным неграмотным сибирским мужиком. Сюжеты автору не приходилось выдумывать. Он брал их из той действительности, которая его окружала. Почти каждый его рассказ из сибирского цикла сопровождается пометкой: «С натуры», «Быль», «Бытовые наброски из жизни тайги», «Из записной книжки»...

О чем же рассказывает Н. Э. Гейнце, очевидец многих событий, описываемых им? О страшном мире, в котором деньги, жажда наживы подавляли в людях все человеческое, толкая их на тяжкие преступления.

Вот, например, рассказ «Иза корысти», в котором мать только из-за того, чтобы спасти от грабителей накопленные

деньги, жертвует малолетним сыном, обрекая его на мучительную смерть под ножами убийц.

Тяжелые кровавые драмы разыгрываются и в тайге. Рассказ «Около золота» воспроизводит эпизоды из жизни приисковых рабочих, которых сплавляют спиртоносы и кабатчики, обчитывают и обкрадывают приказчики и хозяева приисков, а после расчета подстерегают в тайге грабители.

В рассказе «На вскрытии» передается случай чиновничьего произвола. Уездный заседатель, царь и бог во вверенном ему уезде, потребовал от крестьян выкуп за то, что у покойника, долго ожидавшего судебно-медицинского вскрытия, крысы отъели нос. «Покойник, — пояснил крестьянам заседатель, — казенный. Стало быть, испорчено казенное добро. За это я вас упеку»... И пришлось откупаться мужикам, чтобы «не уpekли». Нос, объединенный крысами, обошелся им в «три красненьких» — тридцать рублей.

Некоторые рассказы звучат как анекдот. Но, сопоставляя их с рассказами других авторов, живописующих старую Сибирь, убеждаешься, что Н. Э. Гейнце верен истине, что в своих рассказах он ничего не прибавил и не убавил. Насыщенные бытовыми деталями, они хорошо передают жизнь и нравы той поры, в чем не уступают рассказам Мачтета, Тана-Богоразы, Наумова, Короленко, Шишкова и других авторов, писавших о Сибири. Они документальны, и в этом их ценность для историка и этнографа.

Сейчас книжка Н. Э. Гейнце, в которой опубликованы его сибирские рассказы — библиографическая редкость. Познакомиться с ней мне удалось в частной библиотеке известного в городе книголюба, врача Ивана Маркеловича Кузнецова, чья «одна, но пламенная страсть» к собиранию книг содействует сохранению множества редких и интересных изданий.

КНИГА ПРИНАДЛЕЖАЛА Н. С. ЛЕСКОВУ

Известный русский писатель Николай Семенович Лесков, автор «Левши», «Тупейного художника», «Соборян» и многих других замечательных произведений, был большим книголюбом. Особое пристрастие он питал к старинным книгам — старопечатным и рукописным, и всюду, где только можно, приобретал их.

Как, какими путями, неизвестно, но одна из таких книг, принадлежавших писателю, попала в сибирский город Красноярск. Хранится она в фонде редких книг библиотеки Красноярского педагогического института. Это рукописная книга, сочинение анонимного автора. Называется

она так: «*О зачатии и рождении государя императора Петра Великого и о бунтах стрельецких*».

Судя по почерку, книга написана не позднее первой трети XVIII столетия. О том, что она принадлежала автору «Левши», свидетельствуют книжные штампы. На титульном листе рукописной книжки оттиснуто: «*Николай Семенович Лесков. Фуриштатская, 50, кв. 4*». На первой странице оттиск другого штампа. Имя и фамилия владельца прежние, только начертание букв иное, а вот адрес новый. Вот как читается этот штампель: «*Николай Семенович Лесков. Сергиевская, 5, кв. 4*».

Фуриштатская и Сергиевская — улицы в Петербурге, в котором Н. С. Лесков жил, начиная с 1861 года и до самой смерти (1895 год). Книга хорошо сохранилась. Написана четким красивым почерком. В ней описываются первые годы жизни и деятельности Петра Первого, до 1699 года. Вероятно, написана она современником Петра, свидетелем тех событий, о которых в ней рассказывается.

Рукописная книга, принадлежавшая Н. С. Лескову, не только реликвия, связанная с именем большого русского писателя, но и ценный исторический документ.

К. БОГДАНОВИЧ

КАМНЕМЕТНАЯ АРТИЛЛЕРИЯ

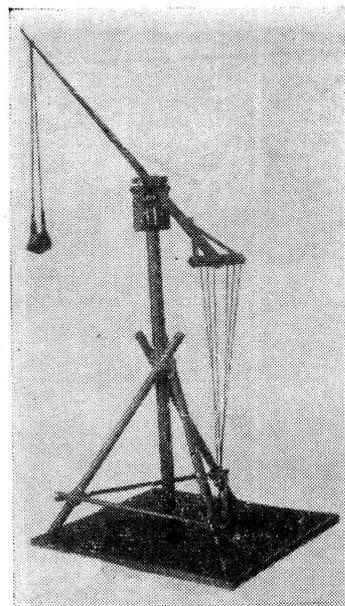
Летним днем 1954 года во дворе Военно-исторического музея артиллерии инженерных войск и войск связи в Ленинграде происходили необычные «опытные стрельбы». Маленькие камешки метала модель механической пращи. Снаряды точно ложись по цели на булыжной мостовой двора. Присутствовавшие на «испытаниях» музейные сотрудники были поражены точностью попаданий. Так было продемонстрировано могущество столетия тому назад исчезнувших и ныне вновь восстановленных древнерусских метательных машин, предшественниц пушек.

Для своего времени пороки, как называли в XIII—XV веках эти устройства, были грозным оружием. «Начаша бити пороки по граду и внутри града и сыпашася камение великое издадеча... яко дождь внутри града», — рассказывает летопись.

Пороки метали «камение великое» на расстояние около 100 метров, пробивали бреши в стенах крепостей и сбивали своими «снарядами» брустверы укреплений осаждающих.

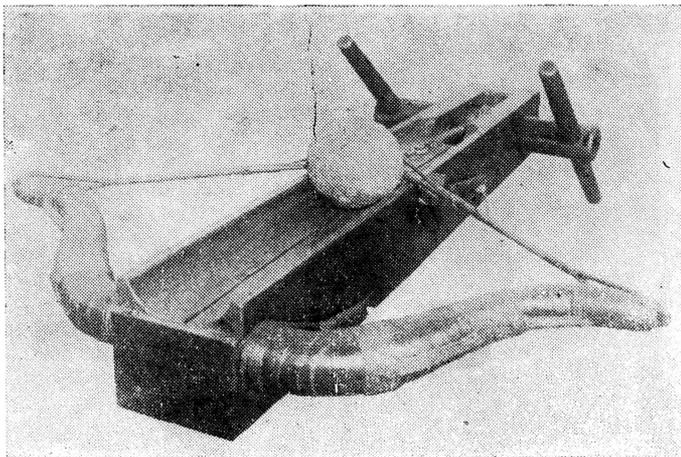
Строились эти машины из недолговечного материала: дерева, кожи, веревок. А снарядами служили камни, обломки жерновов, иногда даже трупы животных, которых забрасывали к осажденным, чтобы вызвать эпидемию. Некоторые из метательных машин достигали высоты четырехэтажного дома и возводились непосредственно у стен осажденной крепости. Наряду со стенбитными таранами они были самым крупным оружием эпохи средневековья. Массовое применение пороков в XIII веке существенно изменило тактику захвата городов: на смену осадам пришли штурмы. Деревянная «артиллерия» ожесточила борьбу за крепости и укоротила сроки сопротивления осажденных. Но как она выглядела — эта деревянная «артиллерия»?

Решив восстановить камнеметы, мы с инженером-полковником В. Е. Абрамовым обратились к древним рукописям. Однако летописи, красочно описывающие действие камнеметов, об их устройстве не сообщали ничего. Восстановить, казалось, бесследно утраченную

конструкцию помогли миниатюры XVI века. Древние художники в качестве пороков изобразили большие станковые самострелы, которые «едва 50 муж может натянуть», и механические пращи. Понадобилась, однако, сложная инженерная и историческая работа, прежде чем были изготовлены несколько действующих моделей этих устройств, ныне открывающих экспозицию зала «Русская артиллерия феодального периода» в Военно-историческом музее. Наиболее эффективной оказалась машина с подвижным неравноплечным рычагом. На одном конце рычага крепился пращевой карман, на другом груз — противовес. Под действием силы тяжести длинная стрела рычага описывала стремительный полукруг и камень вылетал из своего гнезда.

Широкое применение камнеметов заставило на Руси начать строительство каменных крепостей. Каменные стены лучше противостояли ударам деревянной «артиллерии», и на смену штурмам вновь пришли длительные и часто безрезультатные осады. Летописи бесстрастно зафиксировали: в начале XV века для разрушения каменных крепостей создаются гигантские пороки. Однако в то время, когда военные масте-

ра ломали голову, как изготовить более мощные «градобойные» пороки, было изобретено и начало свое триумфальное шествие по странам Европы огнестрельное оружие. На Руси эта новинка появилась в 70—80 годы XIV века, но прошло еще не менее столетия, прежде чем огнестрельная артиллерия стала главным оружием московских стрельцов. А некоторое время пороки и пушки при осадах применялись на равных началах. Первые пушки оказывали больше морального, чем разрушительного действие: «якоже от великого того грома мно-

гим человекам падати». Так, по сообщению летописи, в 1428 году при осаде литовцами Порхова пушка Галка, влекомая 40 лошадьми, сделала только один выстрел. О качестве артиллерии того времени говорит, например, такой факт: при нападении на город Ям ударившая по крепости немецкая пушка, «рассеяся на многы части и обратился вспять на них и поби немец много и отбегоша немци от города ночью».

В последней четверти XV века пушки достигли необходимой пробивной силы и стали массовым оружием. Однако

одновременно появился новый тип крепости, где башни — главные узлы обороны — располагались не только на уязвимых направлениях, а равномерно по всему периметру стен. Возникли так называемые регулярные крепости, лучшим примером которых был Иван-Город. Многие из этих сооружений сохранились, и по ним мы ведем счет крепостям, однако эти крепости уже другой, огнестрельной эпохи.

А. КИРПИЧНИКОВ,
кандидат исторических наук

АКШУАТСКИЙ ЛЕСОПАРК

НЕДАЛЕКО от села Акшuat Барышского района Ульяновской области находится старейший лесопарк. Более ста лет назад здесь была мертвая песчаная пустыня. При сильном ветре в воздух поднимались тучи песка и оседали на пригодных для земледелия землях. Примерно в 1848 году местные жители высадили первые сосны, а позже начались обширные работы по акклиматизации деревьев и кустарников, привезенных из других зон.

Лесопарк раскинулся на живописных холмах между двумя небольшими речками — малой Свягой и ее притоком. Сейчас это своеобразный ботанический сад, в котором соседствуют представители трех континентов: Европы, Азии, Америки.

Вот Веймутова сосна, родом из Северной Америки. У нее тонкие волосатые побеги, нежно-зеленая хвоя и длинные шишки, похожие на еловые. А рядом сибирская кедровая сосна с темным стволом и плотной хвоей. Из каждой почки у нее выходит по пять иголок. Шишки длиной в 13 сантиметров с очень вкусными семенами.

Запах хвои Канадской белой ели напоминает запах черной смородины. Шишки мелкие, коричневые. Дерево декоративное.

Родина горной сосны — Западная Европа. Торчащая хвоя ее похожа на ерша для чистки ламповых стекол.

Очень красива с нежно-голубой хвоей ель Энгельманна, прибывшая в Россию из Северной Америки.

Хвойный кустарник — можжевельник, северный кипарис — распространен в Европе и Северной Америке. Хвоя похожа на маленькие лодочки.

Береза корейская с плакучими нежно-зелеными листьями, к сожалению, осталась в единственном числе.

Из кустарников привлекает внимание вечнозеленая магнолия — невысокое растение с темно-зелеными глянцевыми листьями и небольшими вздутиями по краям. Цветет кустарник в феврале, у него небольшие желтые соцветия.

Акшuatский лесопарк — памятник природы, созданный трудом человеческих рук. Чтобы оценить его, нужно хоть раз побывать в старых аллеях парка, подышать чудесным целебным воздухом.

В. БОТОВА, научный сотрудник Ульяновского краеведческого музея

Ловушка с тройной репетицией

Это происходило в 1919 году. Вся РСФСР, а с нею и наш маленький городок, сидела без дрожжей, без спичек, без дров и без сахара. Впрочем, и спички, и сахар нам иногда в малом количестве выдавали по карточкам, а насчет дров — исполком распорядился отвести в городском лесу участок, в котором наши горожане сами рубили сырые осинки. Одной лишь вещи невозможно было достать: охотничьих припасов. Если некоторые охотники и выковыривали из патрона военной винтовки немного пороха, то за такие вещи их по головке не гладили.

— Владим Сергев, будем сознательны. Разрушать легче, чем созидать. Не будем ковырять в военном патроне! — говорил мне Семен Семеныч, когда у меня явилось поползновение добыть немного пороха этим путем.

— Семен Семеныч, больно уж наскучило жить без охоты. К тому же зайцев кушать можно, а за лисью шкуру спекулянты дадут либо мучицы, либо керосина.

— Правильно, Владим Сергев. Вы говорите официальные вещи, но ковырять в военном патроне — это серость с вашей стороны. Зайцев можно ловить петлями, а лисей — капканами.

— Но ведь у нас с вами нет капканов, Семен Семеныч!

— Неважно... Важно общественное развитие. Ужели мы сами капкана не сделаем? Погодите, Владим Сергев, только снегу побольше навалит, так и с лисами будем!

С этого дня мы занялись изготовлением капканов на лисицу, а снег тем временем все подваливал да подваливал. Когда же зима установилась окончательно, под самым нашим городом появились волки. Их было три — нахальнейших серых зверя. Они словно почувствовали, что в это трудное время людям не до охоты. Три волка до того обнаглели, что однажды забрались на окраину города и придушили собаку во дворе одного из крайних домов. Они постоянно шатались вокруг нашего городка, и некоторые наши горожане видели их самих. Слухи об их проделках, как всегда, преувеличивались, и дело дошло до того, что многие из наших старожиллов больше уже не решались по вечерам выходить за город. Охотники же сидели без пороха.

Все это побудило нас с Семен Семенычем заняться и волчьим вопросом. Мой друг принялся совершенствовать лисьи капканы и, в конце концов, изобрел хитро-

умную ловушку тройного действия в полтора пуда весом. На устройство этой штуки пошли железные полозья из-под сломанных саней, старый ухват, кочерга и кусок ржавого кровельного железа. Местный кузнец помог нам в этом деле своим горном и наковальней. При его помощи мы сработали пружины дьявольской силы и две страшные зубастые скобы. Когда штука была совсем закончена, Семен Семеныч любовно оглядел ее и сказал:

— Ну и ловушка! Сработает на ять! Уж ежели серый ступит сюда ногой — крышка: не уйти ему нипочем, потому вещь получилась тройного действия. Она сразу и лапу зажмет, и по башке кочергой огреет, и бревном сверху задавит. Одно слово — зверобой, а не капкан.

Изобретение моего друга на самом

деле имело жуткий вид. Все так было устроено и прилажено, что волку стоило лишь чуть коснуться лапой большой круглой пластины, чтобы она тотчас же соскочила с крючочка и повернулась на оси. При этом с треском распрямлялись сильные пружины, и две зазубренные скобы с зловещим щелканьем моментально захлопывались. Одновременно срывалась с крючочка и приходила в действие оттянутая на пружине кочерга, долженствующая с размаху стукнуть волка по морде. В тот же миг натягивалась веревка, протянута к тяжелому бревну. Срываясь с упора, бревно должно было превратить волка в лепешку.

Все это было придумано не зря, ибо мы с Семен Семенычем знали, что волки, попадающиеся в обыкновенные капканы,

нередко отгрызают завязшую лапу и уходят на трех ногах. Изобретение моего друга исключало такую возможность. Оно действовало наверняка.

Семен Семеныч сиял, я был в восторге, и мы горячо принялись за выслеживание нахальных волков.

Целыми днями ходили мы по волчьим следам, стараясь определить их постоянные переходы. Через неделю мы выяснили, что их штаб-квартира находится в лесу, недалеко от деревни Болотовки. Отсюда они чуть не ежедневно ходили на добычу, почти всегда держась одного и того же маршрута — через городской лес. Там у них был постоянный переход — у опушки, где волки всякий раз выходили на свой старый след и некоторое время шли этим следом мимо корявой березы. При этом они

шли друг за другом гуськом, след в след, и каждый раз аккуратно ступали лапами в свои прежние лунки, так что казалось, будто здесь проходил всего один волк.

Мы были осторожны и по возможности не подходили близко к волчьим следам, наблюдая их издали, дабы у волков не закралось подозрение, что их выслеживают.

Наконец, когда мы с точностью установили, где постоянный волчий ход, мы решили поставить на их след ловушку с тройной репетицией и выбрали для этого место под корявой березой, потому что здесь всего удобнее было скрыть тяжелое бревно.

Волки были удивительно смелы. Линия их постоянного перехода находилась не далее сотни шагов от границы той делянки, которая была отведена для нужд городских обывателей. Днем здесь было шумно и людно. Наши горожане выезжали сюда валить деревья целыми семьями. Ночью здесь появлялись волки.

Но до чего трудно было поставить ловушку с тройной репетицией! Это было адски кропотливое дело! Малейшее наше упущение могло испортить все. Скверно было то, что, ставя капкан, мы оставляли на снегу свои следы, а это должно было спугнуть умных зверей. Нам необходимо было уничтожить всякий намек на свое присутствие. Мы работали небольшими деревянными лопатками.

Под самой березой мы срезали большой квадратный кусок снега с отпечатком волчьей лапы. На его место был положен наш знаменитый капкан, после чего мы прикрыли его сверху тем же куском снега с лункой от волчьей лапы. Все шероховатости мы тщательно заровняли, забросали снегом собственные следы, тщательно сровняв их с окружающим снежным покровом.

Мы работали как артисты. Вертвочка от бревна была прекрасно замаскирована, и как будто все говорило за то, что успех будет полный.

Совсем недалеко от этого места мы обнаружили постоянный лисий переход. На нем поставили обыкновенный лисий капкан с якорями и приняли при этом те же меры предосторожности.

Свои работы мы проводили по вечерам, с большой скрытностью, после того, как горожане уезжали из леса. Обидно было бы, если бы кто-нибудь из горожан,

пилящих дрова, ранее нас воспользовался попавшимся зверем.

Поставив ловушку на лису и на волка, мы вернулись домой, полные самых радужных надежд. С того времени мы каждый день втихомолку отправлялись в городской лес.

Дня через два, идя по лисьему следу, мы заметили, что лиса вышла на свой обычный переход и направилась к капка-

ну. Обрадованные, мы поспешили туда. Каково же было наше разочарование, когда мы увидели, что в капкан никто не попался. По следам мы прочли, как по книге, о том, что здесь произошло. Лиса учуяла что-то неладное. Ей оставалось сделать всего лишь один шаг, чтобы ступить ногой в замаскированный капкан, но она вдруг сделала громадный скачок в сторону и, как видно, полным ходом удрала от опасного места.

— Ну и нос у лисы! — удивлялся Семен Семеныч. — И мы с вами тоже хороши: не хватило у нас соображения, что от ловушки человеческим духом несет. Эх, Владим Сергев, надо было и ловушку и свои руки натереть, чтобы человеческий дух отшибить...

Всю работу пришлось переделывать сначала. На наше счастье, неподалеку был еще один лисий переход, а волки почему-то все еще не проходили своим старым следом. По-видимому, пока еще они были сыты. Благодаря этому явилась возможность исправить свою ошибку. Теперь, перед тем как поставить ловушку, мы предварительно натерли свою обувь свежим конским навозом, а капканы и даже собственные руки — хвоей...

На следующий день мы, по обыкновению, вечером отправились в городской лес. У нас было ружье, заряженное единственным оставшимся у нас зарядом бекасинника. Ружье мы брали с собой «на всякий случай».

Ночью выпал снежок. Он чуть посыпал сверху кусты и деревья. Нарядные, неподвижные, они встретили нас таинственным молчанием. Городские пыльщики давно уже вернулись в город, и теперь в лесу не было ни единой человеческой души.

Темнело. Мягко легли синие вечерние тени. Лес хранил свою тайну. Что готовил он нам на сегодня?

Мы вышли к лисьему переходу.

Ура! Нам повезло: свеженький след лисички четко отпечатался на снегу. Ровной, аккуратной цепочкой уходил он в кусты.

— Ну, Владим Сергев, теперь дело в шляпе, — уверенно сказал Семен Семеныч. — Можно сказать — на муку заработали.

Мы бросились в чащу.

— Попалась! — радостно крикнул мой друг. — С полем, Владим Сергев!.. Вот

вам и мучица, вот вам и керосинчик! Ну, не прав ли я был, что в военных патронах нет надобности ковырять?

Мы высвободили лисичку и гладили ее мягкую красную шубку, испытывая большое удовлетворение. Нелегко она нам далась.

— Посмотрим теперь, как обстоит дело насчет волков. Ох, чувствую, и там зверюга попался! Больно долго волки не выходили к своему переходу... Давно бы и им пора!

Старый волчий переход был в стороне, а потому мы напрямки пошли к корявой березе, под которой так зловеще притаилась наша адская ловушка с тройной репетицией. Мы шли бодрые и веселые, рассуждая о своей удаче. Вот показалась корявая береза... Еще шаг — и я остановился как вкопанный.

Под березой лежала темная, неопределенная масса.

— Гляди, Семен Семеныч, попалось и тут!.. Волк!

— Факт, что волк! Стойте, Владим Сергев, волк... но только вроде как кенгуровый!

Действительно, в ловушку попался волк странной масти. мех его казался невероятно пушистым. Наступившие сумерки мешали хорошенько его рассмотреть.

— Семен Семеныч, что-то не похоже на волка!

— Кто же тогда?.. Не медведь же! У нас они не водятся... Владим Сергев, не подходите! А ну как он еще живой? Дайте сюда ружье. Для проверки... Хоть бекасинник и не убьет зверя, а все-таки после выстрела тварь должна себя показать: жива она или подохла.

До березы было не более тридцати пяти шагов. Семен Семеныч приложился и выпалил бекасинником по странному волку.

Того, что случилось дальше, мы никак не могли ожидать. В ответ на выстрел из-под березы раздался самый настоящий бабий голос — громкий и пронзительный:

— Караул!.. Убили, ох, убили, ироды окаянные! Кар-ра-ул!!!

— Владим Сергев, что ж это за репетиция?.. Так в жизни не бывает, — пролепетал Семен Семеныч, изменившись в лице.

Мы бросились к корявой березе. На снегу лежала, придавленная бревном, знакомая нам вдова Чистозвонова... Одна нога ее была зажата в капкан. Мы тотчас

же принялись освобождать ее из тисков адской ловушки.

Вдова стонала, прерывая стоны невесты руганью...

— У-у, разбойники, душегубы! Так вот вам для чего свободу дали — убивать до полусмерти беззащитных вдов? Ох, не могу: все мои кости трещат! Бессовестные истязатели... где совесть у вас?

— Извиняюсь, гражданка, мы думали — волк...

— Мало вам издеваться надо мной?! Я честная женщина, а не какая-нибудь паршивая тварь, чтобы в меня из ружья палить!

— Гражданка, надо быть сознательной... Ну, зачем вы в волчий капкан полезли? Кто вас об этом просил? Чего вы молчали, когда мы к вам подходили?

— Это я-то молчала?... Я два часа криком кричала! Разум уж начала терять... Кричу, кричу, умоляю — на помощь никто не идет. Из сил выбилась, и уж у меня для крика дыхания не хватает... Ослабела... Ой не трогайте плеча, изверги!

Мы окончательно высвободили истерзанную вдову, посадили ее на снег. Положение ее было, действительно, незавидное. По-видимому, сорвавшись с упора, бревно сломало ей ключицу. Кочерга украсила лоб здоровеннейшей шишкой, чуть не с кулак величиною. Спасибо, что вдовья голова была укутана толстым теплым платком. Он до некоторой степени защитил ее. На ноге была содрана кожа до мяса. Заряд бекасинника тоже наделал делов: вдова могла теперь сидеть только боком...

Из ее отрывочных объяснений мы поняли, что она на лошади приехала в лес пилить дрова. Вдова не захотела удовлетвориться осинками. Она пожалничала и попыталась срубить единственную корявую березу, которая была в этой части леса. А так как эта береза росла за границей отведенной делянки, то вдова решила действовать потихоньку и без свидетелей, когда все пильщики уедут из леса. Вот почему никто не пришел на ее крики о помощи.

Жадность была жестоко наказана...

Мы отыскали вдовью лошадь и бережно уложили вдову в розвальни.

Несмотря на всю нашу корректность, несмотря на наши заботы и ухаживания, вдова не унималась и никак не могла примириться с нами. Она объявила, что будет на нас жаловаться и что доведет дело до трибунала.

Мы с Семен Семенычем мрачно следовали за ее санями, выслушивая ее угрозы и ругань.

— Беда будет теперь, — шептал Семен Семеныч, грустно покачивая головой. — Я эту холеру хорошо знаю. Она своего добьется. А знаете, какое сейчас время? Поступят с нами по всей строгости революционного времени!.. Дернуло меня пальнуть в нее бекасинником! Пойди теперь, доказывай, что я не убивец! Официально выходит, что я — убивец из низменных побуждений!..

— Ничего, Семен Семеныч, не унывайте. Авось как-нибудь вывернемся из этой истории. Самое большое — пошлют на принудительные работы... Вдову-то мы ведь все-таки живую привезем.

— Факт!.. Ну и организм же у этой холеры! Ничего ее не берет: ни кочерга, ни бревно, ни бекасинник! Волк, можно сказать, и тот бы в лепешку распластался, а ей — хоть бы что!.. Разве что ключицу маленько поломало...

Мы доставили вдову к ее квартирке и тотчас побежали к доктору Никитскому с приглашением немедленно же навестить больную.

Чистосердечно рассказав доктору про все, что с нами случилось, мы просили его никому не говорить об этом щекотливом для нас деле.

Доктор Никитский сам был охотник. Он прекрасно нас понял и обещал хранить полную тайну. Он успокоил нас, сказав, что врачебная этика не позволит ему распространяться насчет причины болезни вдовы Чистозвоновой.

Мы проводили доктора до вдовьей квартиры. Прощаясь с ним, Семен Семеныч несколько замялся:

— Извиняюсь, доктор. Небольшая товарищеская просьба... Ввиду того, что в настоящее время у нас кризис дробы, то не смогли бы вы...

— У меня у самого дробы нет, — преврал моего друга симпатичный врач.

— Я знаю, что у вас дробы нет... не в том штука... Дело в том, что мое ружье очень кучно несет... понимаете?

— Пока что не понимаю. Скажите прямо, что вам, собственно, от меня надо?.. Говорите же, не стесняйтесь!

— Видите ли, доктор, конечно, дробь — вещь щекотливая, но по случаю кучности моего ружья я полагаю, что во вдовьем бедре бекасиннику наберется без малого на целый заряд... Вам все равно придется эту дробь вытаскивать. Обидно будет, если она пропадет. Сами понимаете, что теперь — кризис, и дробь ни за какие деньги нигде не достанешь. Ну, так уж я к вам с почтительнейшей товарищеской просьбой...

— Понимаю, — улыбнулся доктор. — Все, что наберу, отдам вам. Даю честное слово!

Мы крепко пожали руку доброму старику.

На следующий день я зашел к своему другу. Он занимался свежеванием лисцы, которую мы накануне поймали в капкан.

— Ну как, Семен Семеныч, был у вдовы?

— Был.

— Как она себя чувствует? Успокоилась наконец?

— Какое там!.. Все бушует. Заявление насчет нас ко всем властям пишет.

— Гм!.. Кляузное дело получается... Как же нам теперь быть?

— Владим Сергев, я думаю — придется ей эту лисью шкуру подарить. Авось после этого вдова маленько поостынет... А больше у нас с вами и задаривать-то нечем.

— Валяйте, Семен Семеныч... Сегодня же несите ей шкуру.

Лисья шкура ничуть не помогла делу. Вдова была непоколебима в своем решении довести дело до трибунала. Я не знал, что придумать. Все это могло кончиться трагически...

Выход нашел Семен Семеныч. Недалом у него был чисто изобретательский ум. Он применил верное средство, дабы обезвредить энергичную вдову...

Недели через три мы с доктором Никитским гуляли на свадьбе Семена Семеныча и вдовы Чистозвоновой, уважаемой Матрены Андреевны.

Аллигатор с реки Миссисипи

Удивительно незадачливый выдался этот год для нашего городка и для всего нашего уезда. Несчастья одно за другим так и сыпались на наши бедные головы. Началось с того, что в деревне Вязовке, под самым городом, в один вечер сгорело несколько дворов. После этого пожары в городе стали возникать до того часто, что наша славная городская пожарная команда была постоянно на чеку. Она стала выезжать на пожар с быстротою молнии уже через каких-нибудь два, максимум три часа после тревоги...

Помимо пожаров, мы страдали от небывалой жары и засухи, с ужасом наблюдая, как крестьянский урожай погибает на корню от бездождья.

Несчастья этим не ограничивались. На железнодорожном мосту через речку Уперту, неподалеку от города, случилось крушение товаро-пассажирского поезда, шедшего в Москву, и это крушение даже сопровождалось человеческими жертвами.

Непосредственно после этой печальной катастрофы на наш город нашло новое страшное бедствие — жулики... У нас и дня не проходило без краж, которые носили довольно странный характер. Больше всего почему-то воровали домашних уток и гусей на городском пруду. У меня самого там стибрили породистого гусенка. У гражданина Кобякова увели со двора его гнедую кобылу, а у парикмахера Улыбкина, жившего на берегу у пруда, неизвестные жулики стащили поросенка.

Все эти бедствия приняли такие размеры, что нашей газетке пришлось отвести целую страницу под отдел «происшествия», и однажды там появилась бойкая статейка под заголовком «Милиционер, подтянись»... А между тем надо с полным беспристрастием констатировать, что наша милиция, возглавляемая энергичным начальником, была на высоте положения. Милиция из кожи лезла вон, чтобы зацапать воров, но воры были до того искусны, что оставались неуловимыми. И каждое утро какая-либо из домашних хозяек недосчитывалась на пруду либо пары уток, либо гусака.

Теперь при встречах друг с другом наши почтенные гражданки вместо обычных приветствий произносили совсем иные слова, как, например:

— Слыхали, Марья-то Николаевна плачет, заливается! Нынче у нее вторую гусыню жулики сперли...

Или же:

— Шурупиха, несчастная, горькими слезами с утра рыдает. Селезень-то ее улыбнулся нынче ночью... Беда, что творится!..

После таких приветствий хозяйки обыкновенно начинали охать и ругать милиционеров, а между тем два бдительных милицейских поста, выставленные

начальством к берегам пруда, всю ночь не смыкали глаз и зорко следили за каждым появившимся гражданином.

Странно созданы обыватели... Не замечали ли вы, что в общественной и даже в собственной беде обыватель большей частью бывает инертен. Он любит ныть, хныкать и причитать, но мало способен на проявление энергичной самостоятельности, покуда его на это как следует не раскачают...

Наш симпатичный начальник милиции верно учел это обстоятельство и выступил в газете с красноречивым призывом к сознательности. Начальник милиционеров бросил в обывательскую «толщу» два красивых лозунга:

Все как один на борьбу
с паразитами!

Пора изжить обывательщину
и разгильдяйство!

Читая эту заметку, мы с Семен Семеновичем решили, что начмилиции во многом совершенно прав, и его призыв нашел самый живой отклик в наших сердцах. Мы были охотниками, а выслеживание дичи имеет много общего с выслеживанием жуликов.

Мы решили действовать самостоятельно и принялись выработать план действий.

Прежде всего мы с точностью установили излюбленные утками уголки пруда, где они обыкновенно ночевали. Главная масса уток и гусей ночевала возле плотины. Другая группа собиралась на ночевку у заливчика, возле школы второй ступени. Теперь к обоим этим местам на ночь выставлялись милицейские посты. Каким образом жулик мог незамеченным войти в воду

выше колена и без всякого переполоха стибрить голосистую утку — было поистине непостижимо!..

— Владимир Сергев, тут работает не простой жулик, а квалифицированный, — говорил Семен Семенович. — Скорее всего, он ночью раздевается в парке на том берегу и там же входит в воду. Оттуда он тихонько подплывает к спящей птице, берет ее аккуратненько за лапку, тянет в воду — и, будь здоров, прется с ней обратно.

Предложение Семена Семеновича было основательным. Конечно, никакой жулик не рискнул бы лезть в воду с городской стороны, на глазах у милиционера. Поэтому мы решил и взять под наблюдение противоположный берег, на котором широко раскинулся запущенный вековой парк екатерининских времен.

Когда стало смеркаться, мы отправи-

лись туда, захватив фонари и ружья, заряженные бекасинником. Постовой милиционер, снисходительно улыбаясь, провожал нас глазами. На том берегу мы определили уголки, наиболее удобные в смысле ночных операций жуликов, и каждый из нас выбрал себе район наблюдений.

Ночь спустилась быстро. Полная луна ярко светила с небес, отражаясь в тихой воде. Из города доносились колотушки ночных сторожей и звуки далеких гармошек. Их залихватые переборы, сливаясь с перезвоном прудовых лягушек, приятно ласкали слух...

Стало скучно и сильно потянуло ко сну. Я подбадривал себя сознанием, что тружусь для общественного блага, однако, когда в первом часу ночи городские гармошки начали затихать и город на той стороне погрузился в глубокий сон, я почувствовал, что если только присяду, то неминуемо задремлю. Дабы прогнать от себя дремоту, я решил на минутку пойти проведать своего друга и почерпнуть от него хоть немного бодрости. Я направился в его сторону и вскоре заметил его темную фигуру. Он стоял в тени дерева и, приготовив ружье, смотрел в мою сторону, без сомнения, принимая меня за жулика.

Как видно, мой друг был бдительнее меня.

— Семен Семеныч, прошу вас, опустите ружье, иначе вы можете покалечить своего лучшего друга,— вполголоса сказал я ему.— Я на минутку пришел проведать вас... У вас все благополучно?

— Эх, Владим Сергев, ну разве так караулят квалифицированных жуликов! Вернитесь скорее на свое место. Сейчас, можно сказать, наступает самый официальный жульнический час, а вы с поста своего уходите. Бросьте папироску, вы ею все дело испортите! Жулик может вас увидеть и убежит.

Я с досадой швырнул недокуренную папироску в пруд. Она упала в воду возле старой поваленной ивы, широкий ствол которой низко свесился над самой водой. Не успел огонек папироски тихонько прошипеть в темной воде, как вдруг кто-то большой и тяжелый с шумом сорвался со ствола старой ивы и грузно бултыхнулся в воду, подняв фонтан брызг.

— Вот он! — в один голос крикнули мы с Семен Семенычем, устремляясь к склонившемуся дереву, верхушка которого утопала в воде.

— Нырнул, окаянный! — проговорил Семен Семеныч.— Ну погоди, все равно ты сейчас вынырнешь и от нас уж не уйдешь!..

Жулик, однако, не выныривал, и поверхность пруда снова засияла невозмутимой гладью.

— Владим Сергев, нуте-ка, подайтесь направо, а я толкнусь налево. Жулик, небось, под водой в сторону отплыл.

Мы бегали по берегу пруда, тщетно ожидая увидеть всплывшего жулика, но он словно ко дну пошел.

— Владим Сергев, засветите фонарик. Жулик где-нибудь здесь раздевался. Надо хоть платье его отыскать. Это все-таки будет улика...

Мы зажгли фонари и заметались в поисках следов дерзкого вора. Как ни искали мы, как ни шарили под кустами — никакого платья, никаких улик мы нигде не находили.

— Ну и хитер!.. Ну и хитер!.. — приговаривал Семен Семеныч.— И до чего чиста работа — не подкопаешься.

— Семен Семеныч, но вы тоже хороши... Жулик сидел в десяти шагах от вас, а вы его прозевали... Ну, не стыдно ли вам?

Семен Семеныч энергично оправдывался...

Мы бодрствовали до самого утра. За наше дежурство больше ничего интересного не случилось, и мы покинули свои посты, когда город начал просыпаться. Разбитые, побрели мы домой. Зевающий милиционер возле плотины объявил нам, что ночь прошла спокойно и без всяких происшествий.

Придя домой, мы тотчас же заснули крепким, безмятежным сном, а когда проснулись — наши жены объявили нам, что прошедшей ночью на пруду пропал гусь Павла Михайлова и утенок жены фининспектора. Кроме того, утром на базаре у доктора Никитского сперли кошелек с тремя рублями и с удостоверением личности...

Мы были поражены...

В следующую ночь мы снова очутились на берегу пруда и заняли старые посты, искусно прячась в тени вековых деревьев.

Я чутко вслушивался в каждый ночной шорох и не отрывал глаз от воды, как вдруг легкий треск ломающегося сучка заставил меня вздрогнуть и обернуться. Я крепко зажал двустволку в руках.

— Владим Сергев, не пужайтесь... это я,— услышал я сдавленный голос Семена Семеныча.

В следующий миг он предстал передо мной на дорожке.

— Что случилось?

— Владим Сергев, он там...

— Где?

— Там же, где и вчера... притаился на стволе старой ивы.

— Семен Семеныч, что же вы его не задержали? Ведь теперь он удерет!

— Владим Сергев, он не удерет. Он меня не видал. Я тихонько обошел его стороной. Он сидит там уже давно...

— Откуда же он пришел?

— Из воды.

— Что!!.. Из воды?!

— Честное слово, из воды. Я совершенно официально видел, как он вылез из воды на поваленный ствол и пополз по нему. Теперь он там и сидит...

— Почему же все-таки вы его не задержали?

— Владим Сергев, он не человек...

— Что?.. Да кто же он такой, ведь неводяной же, на самом деле?!

— Владим Сергев, кто он — даже неудобно сказать...

Тут я заметил, что мой друг дрожит от волнения. Ружье так и прыгало в его трясущихся руках. Волнение Семена Семеныча вскоре передалось и мне.

— Семен Семеныч, умоляю вас, не мучьте меня. Говорите же скорее, кого вы увидели?

— Владим Сергев, извините, но про такие вещи я даже и сказать не решаюсь. Посмотрите сами. Давайте вместе поползем туда. Но только тихонько, а то мы его спугнем...

Мы осторожно ползли вперед. Меня

разбирало жуткое любопытство. Вот показалась старая поваленная ива. Вершина ее утопала в воде. Еще несколько шагов, и... Волосы мои стали дыбом. Сердце остановилось в груди. На толстом старом стволе притаилось длинное блестящее тело зверя. Луна ярко освещала чудовищное рыло бутылочной формы и длинный хвост ящера! Его глаза с жуткой неподвижностью смотрели вдаль.

Я больно ущипнул себя и убедился, что это не было сном. Сердце до того сильно застучало в моей груди, что я был близок к обмороку. Мысли путались у меня в голове. Одно было ясно и неопровержимо: передо мною находился самый настоящий громадный живой крокодил. Ясно было видно, как на его безобразной шее бился пульс...

— Семен Семеныч, что же это такое?.. — с ужасом пролепетал я.

При звуке моего голоса крокодил тревожно приподнял голову и передвинул неуклюжую лапу.

Я решил выстрелить в зверя и трясущимися руками поднял ружье. Мое движение было неловким. Подо мной затрещал обломившийся сучок. В то же мгновение крокодил взмахнул хвостом и с шумом бросился в воду. Брызги полетели в разные стороны, вода заволновалась под деревом, и чудовище сразу исчезло с наших глаз. Широкие круги на воде долго еще расходились на том месте.

Тут я невольно вспомнил недавно слышанный мною рассказ двух наших городских «барышень», которые, купаясь этим летом в пруду, были напуганы громадной черной рыбой с бревно величиной. Помню, что тогда я немало потешался над нервными «барышнями». Теперь их страх стал мне понятен. Несомненно, они видели крокодила. Понятно стало и исчезновение птиц на городском пруду: они служили пищей страшному хищнику...

Факт был налицо. В нашем городском пруду завелся крокодил... Крокодил в Тульской губернии!..

— Как попал он сюда? — спрашивал я сам себя вслух.

— Владим Сергев, очень просто, — объяснил Семен Семеныч. — Крокодил завелся тут от жары. Лето нынче стоит ужасно жаркое и засушливое. Вода в пруду стала теплая, как парное молоко... Ну, крокодилы и завелись. Такая вещь может случиться вполне официально...

— Нет, Семен Семеныч! Такая вещь случиться не может. Правда, нынешнее знойное лето создает благоприятные условия для того, чтобы крокодил мог жить в нашем климате, но крокодилы сами по себе не заводятся. Несомненно, этого крокодила сюда кто-нибудь из наших граждан впустил, но где он его достал — вот в чем вопрос! Мало того, что крокодилы в Европе не водятся, живой крокодил стоит бешеных денег, и в СССР его решительно невозможно купить ни за какие деньги... Да, Семен Семеныч, мы с вами стоим перед страшной и неразрешимой загадкой...

— Владим Сергев, неужели эта млекопитающая животная сперла вчера кошелек доктора Никитского с удостоверением личности? На черта ей это нужно?

— Семен Семеныч, во-первых, крокодил не животное, а рептилия, а во-вторых, докторский кошелек, разумеется, спер не крокодил, а обыкновенный жулик. Утки — другое дело. Их таскает крокодил...

Мы с Семен Семенычем не сомкнули глаз во всю ночь и оживленно беседовали о загадочном крокодиле, строя тысячи предположений. Успокоились мы лишь к утру, твердо решив во что бы то ни стало поймать чудовище живым или мертвым.

— В чем дело, товарищи? — встретил нас начмилиции, когда мы с Семен Семенычем утром заявили к нему в кабинет.

— Мы знаем, кто ворует гусей по ночам, — уверенно заявил я.

— Укажите! — коротко проговорил энергичный человек.

— Это крокодил! — ответили мы в один голос.

Начмилиции с минуту соображал, словно напрягая память. Наконец он проговорил:

— Названная вами личность мне незнакома...

— Это не личность, а млекопитающая рептилия, — пояснил Семен Семеныч.

Перебивая друг друга, мы принялись рассказывать начальнику о событиях предшествующих ночей. Начальник долго слушал нас со вниманием и, наконец, нетерпеливо перебил:

— Вот что, ребята, не забивайте вы мне голову ерундой! Я думал, вы с делом ко мне пришли. Катитесь вы отсюда! А ежели еще раз придете сюда бузить, то предупреждаю: я буду разговаривать с вами иначе!

Мы переглянулись и, пожав плечами, поспешно вышли из кабинета, так как лицо начальника вдруг стало очень серьезным.

— Ладно, дорогой начальник, посмотрим, что вы запоете, когда мы вам представим живую рептилию! — прошептал мой друг, выходя на улицу.

Днем мы готовились к предстоящей охоте. Семен Семеныч предложил поймать крокодила в петлю. Для этой цели мы достали новую крепкую веревку и запаслись несколькими массивными железными костылями. Мы знали местечко, излюбленное чудовищем. Мы знали, что крокодил рано или поздно еще раз вылезет на старый ивовый ствол.

Мы энергично работали весь день без усталости. По всей длине толстого ствола поваленной ивы мы приладили с десяток крепких веревочных петель, прибывая их концы длинными железными костылями к стволу. В одну из этих петель непременно должна была попасться могучая лапа. Петли мы ловко маскировали тоненькими зелеными ивовыми веточками,

Так работали мы до вечера и вернулись домой лишь для того, чтобы подкрепить себя ужином. Как ни торопились мы есть, а все же вышли из дому, когда уже почти стемнело.

Красный диск восходящей луны, подобно зареву пожара, выплывал из-за горизонта. Мы быстро шли по дорожке парка, направляясь к старой иве. Вот обогнули мы поворот; вот миновали разрушенную старую водокачку... Но где же старая ива?..

Ее не было!..

Мы остановились, совершенно обалдевшие, и вопросительно взглянули друг на друга. Что за дьявольское наваждение!.. Кто шутил с нами такие злые и скверные шутки?.. Каких-нибудь полтора часа назад мы работали здесь, вбивая железные костыли в крепкое дерево, а теперь от этого дерева не осталось и следа. Лишь на подводе можно было увезти его отсюда, а кругом не было и намека на след колес. Мало того, на земле не видно было ни единой обломанной веточки!..

Первый прервал молчание Семен Семеныч:

— Владим Сергев, поздравляю вас с полем!

— Это почему же?

— Очень просто, потому что наша рептилия попалась...

— Откуда вы это знаете?

Торжествующая улыбка озарила лицо моего друга. Вместо ответа он указал пальцем на пруд. При свете взошедшей луны я увидал в полусотне шагов от берега длинный ивовый ствол. Его извистая вершина вздрагивала и раскачивалась на воде. Кто-то невидимый медленно ее буксировал...

Громкое «ура» вырвалось из моей глотки.

— Ура! — подхватил Семен Семеныч, высоко подбросив свою полосатую кепку.

— Урааа! — кричали мы, захлебываясь от восторга.

Без сомнения, наше «ура» было слышно и на городской стороне. Без сомнения, его слышали наши честные городские хозяйки. Бедняжки, они еще не знали, что этот крик возвещал им победу над их страшным врагом! Они еще не знали, что с этой минуты их гуси и жирные утки не подвергались больше смертельной опасности. Город был избавлен от катастрофического бедствия!..

Да, это была красивая минута!..

Всю ночь носились мы с моим другом на его лодке, которую он назвал «Само-торкой», гоняясь за ивой, которую буксировал крокодил. Он оказался невероятной сильной канальей. Порой он высовывал безобразное рыло бутылочной формы и скалил страшные зубы. Чудовище бешено било хвостом, поднимая фонтан воды и издавая грозное рычание. Крокодил выкидывал такие отчаянные выкрутасы, что мы опасались подплывать к нему близко. Зверь казался неутомимым.

— Послушайте, Семен Семеныч, долго ли еще это представление будет продолжаться? Не пора ли прикончить бестию зарядом картечи?

— Что вы, Владим Сергев! Ни в коем случае! Мы должны представить начальнику рельефный живой факт. Пужайте его веслами, не давайте ему отдыхать. Замучаем зверюгу. Крокодил — не машина!

Мы хлопали веслами по воде с таким усердием, что сами измучились вдребезги.

Лишь к утру заметили мы, что крокодил ослабел. Все реже и реже бил он хвостом. Движения его стали вялыми. Наконец, мы вплотную подплыли к нему и пихнули веслом в его бок. Крокодил вяло запротестовал. Тогда мы взяли на буксир старый ствол с привязанным к нему зверем и медленно пристали к городской стороне.

Светало. Животное было до такой степени утомлено, что без всякого протеста позволило надеть на себя веревочный ошейник. Крокодил громко пыхтел, как кузнечный мех. Мы были поражены колоссальными размерами зверя и его безобразием. Высвободив из петли левую заднюю ногу крокодила, мы погнали его в город. Впереди шел Семен Семеныч и вел за собою на веревке крокодила. Я подгонял его сзади, вооружившись здоровенной дубиной. Мы подвигались медленно, ибо насколько крокодил был быстр и проворен в воде, настолько он оказался медлителен и неловок на суше.

Медленно вышли мы на базарную площадь. Странная вещь: крокодил не роптал. Он перестал нас бояться и казался совсем ручным. Мало того, я вскоре убедился, что зверь был несомненно дрессирован. Стоило мне только коснуться дубиной крокодиловых лопаток, как зверь начинал кружиться, будто танцевал вальс. Когда же я тыкал в крокодилов шею, он преуморительно щелкал зубами...

— Симпатичный субъект,— говорил мой друг, глядя на крокодиловы фокусы.

До милиции мы брели часа два. Привязав крокодила к воротам, мы ввалились в дежурную комнату. Дежурный милиционер обалдел до того, что в течение трех минут не мог выговорить ни слова. Когда же, наконец, его оцепенение прошло, он пулей бросился будить начальника.

Что творилось в милиции!.. Что творилось в городе!..

Несмотря на ранний час, интересная весть разом облетела город и подняла на ноги чуть ли не все население. Здание милиции осаждалось толпой. Начальник сдержанно снимал с нас допрос, занося наши показания в протокол. В корректной форме просил он граждан не волноваться. Начальник распорядился, чтобы, кроме нас, никого не впускали во двор.

Исключение было сделано лишь для старого Франца Ивановича Эллерса — преподавателя зоологии при школе второй ступени. Ученый внимательно осмотрел зверя со всех сторон и уверенно произнес:

— Аллигатор с реки Миссисипи...

Тут Семену Семенычу пришло в голову продемонстрировать дрессировку.

— Алло, алло, агитатор... Пошевеливайся!..

Добродушное животное добросовестно проплясало вальс и защелкало зубами. Успех был большой. Даже невозмутимый начальник — и тот не удержался от улыбки и угостил нас папиросами,

— Что скажете, начальник, не правда ли, рельефно?..

— Благодарю вас, товарищи,— ответил начальник и пригласил нас проследовать в его кабинет. Любезно предложив сесть, он обратился к нам:

— Друзья, извиняюсь за мою вчерашнюю резкость. Я вчера вечером выяснил, что вы были правы. Еще месяц назад крокодил забрался к нам в пруд — по реке, от самого железнодорожного моста... Вот как это все произошло...

Тут начальник вынул из портфеля газетную вырезку и подал ее нам:

«Подробности крушения товаро-пассажирского поезда.

По дополнительно полученным сведениям, в числе лиц, погибших при крушении поезда близ города Б., погиб известный укротитель и дрессировщик аллигаторов Эрнесто Манетти. Покойный недавно прибыл в СССР со своим знаменитым аллигатором «Дживани». Манетти ехал в Москву, где должен был дать несколько гастролой. Увы, эта поездка оказалась для него роковой! О судьбе аллигатора пока ничего не известно.

Выслушав это сообщение, Семен Семенович задумался и, нервно забарабанив пальцами по столу, произнес:

— Итак, стало быть, агитатор остался без хозяина... Жаль... жаль зверушку...

Несколько дней спустя в газетах появилось следующее объявление:

«Пристал крокодил. Пол — неизвестный. Масть темно-зел., в плитах. Над прав. глазом — бородавка. На хвосте небольшой зарубочка. Длина 4 метра 4 сантиметра. Чер. три дня счит. своим. Город Б. Первомайская, 18. С. С. Боченкин».

О В. ВЕТОВЕ И ЕГО РАССКАЗАХ

В двадцатых годах мой старший брат Владимир Михайлович Голицын работал художником в московском журнале «Всемирный следопыт».

А я в те годы в том же журнале занимал скромную должность чертежника.

И был у нас дядя, который жил в подмосковном Загорске, где музицировал в местном оркестре и в кино.

Дядя, кроме того, любил охотиться и на этом благородном поприще подружился с жившим тогда в Загорске писателем Пришвиным. «Музыкант Т.», фигурирующий в некоторых рассказах Михаила Михайловича, и есть мой дядя.

Брат мой как-то сказал ему:

— Жизнь у тебя богата приключениями. Ты охотник. Попробуй написать рассказ для «Всемирного следопыта».

Дядя написал, и брат отнес рассказ в журнал. Редактору Владимиру Алексеевичу Попову понравилось, он попросил написать еще.

Так во «Всемирном следопыте» стали появляться один за другим рассказы про двух неуязвимых друзей-охотников — «Необычайные приключения Боченкина и Хвоща».

Попов помещал рассказы через два номера на третий, через номер, даже подряд.

С большим нетерпением я всегда ожидал приезда дяди. Он приезжал по понедельникам, раз в месяц. Иные гости специально приходили к нам, чтобы послушать очередное чтение.

Все усаживались вокруг стола, дядя вынимал из своей старой военной тужурки школьную тетрадь и начинал читать.

Эти вечера отнюдь не были простым удовольствием для слушателей. В густом табачном дыму шло деловое, придирчивое обсуждение рукописи, подчас спорили из-за отдельных фраз, отдельных эпитетов. Иногда критика бывала столь жестокой, что дядя вынужден был заново переделывать рассказ.

Случалось, обсуждали еще не реализованные его замыслы. Мой старший брат — такой же неистощимый выдумщик, как дядя, — чаще других подсказывал детали.

— А что случится, если в пруду городка Б. вдруг заведется крокодил? — задавал он неожиданный вопрос.

И принимались фантазировать. Как туда попал крокодил? Что он там делал? Как его поймали?

К полуночи сюжет вылеплялся, и дядя мог

возвращаться в свой Загорск и создавать новый рассказ.

Кстати, действующие лица рассказов В. Ветова — это все существовавшие в действительности люди. И Боченкин, и старичок доктор Никитский и незадачливая вдова Чистозвонова, и большинство других персонажей — все это люди, с которыми некогда встречался автор, Владимир Сергеевич Трубецкий. А невероятные, самые фантастические события развертываются на вполне реальном фоне захолустного «городка Б.», в котором до переезда в Загорск проживал автор рассказов.

Не так давно мне довелось побывать в городе Богородицке Тульской области. Я знал, что этот ныне цветущий, благоустроенный город когда-то и был тем самым захолустным «городком Б.».

Я был удивлен и обрадован, когда узнал, что многие жители помнят моего дядю и несколько не обижаются, а наоборот — вроде бы даже гордятся, что он описал в своих рассказах их город и «обессмертил» некоторых его граждан.

За два года — 1927 и 1928 — было напечатано во «Всемирном следопыте» тринадцать рассказов В. Ветова о приключениях Боченкина и Хвоща. Но надо было дать читателю что-то новое. Попов послал В. Ветова в творческую командировку на озеро Байкал, на следующий год — на полуостров Мангышлак.

«Всемирный следопыт» когда-то был очень популярен и является теперь библиографической редкостью.

Появились новые рассказы писателя, по-своему оригинальные и интересные, но... это было уже не то.

Помнится, во время войны, где-то на фронтовых дорогах Польши, ждал я попутной машины и увидел в сторонке у костра группу хохочущих солдат. Я к ним подошел — оказывается, они говорили о рассказах В. Ветова.

Давно уже нет в живых автора «Необычайных приключений». А Боченкин и Хвощ и сегодня читаются с интересом.

С. ГОЛИЦЫН

Художник Н. Моос, иллюстрировавший рассказы В. Ветова для «Уральского следопыта», сохранил в своих рисунках типаж и общую тональность довоенных иллюстраций В. М. Голицына.

„ЧЬИ ВЫ?“

**АЗЪ
БУКИ
ВЕДИ**

В редакцию «Уральского следопыта» в течение года пришло немало писем читателей с вопросами по разным темам раздела «Азь, буки, веди». Особенно много откликов вызвала статья «Чьи вы?» о происхождении фамилий. Из разных мест люди послали списки фамилий, известных в их деревнях, селах, поселках.

Так, читатель Толстых М. Ф. хочет узнать, откуда произошла его фамилия, а также фамилии его земляков из деревни Котюрова Камышловского района Свердловской области. Тут есть и фамилии от личных имен: Власов, Григорьев, Захаров, Петров, Парфенов, Прохоров, Вахрамеев, Николаев, Никитин; есть и от названий профессий: Кузнецов, Писцов, Колясников; есть и от прозвищ: Калошин (от калоша), Кашин (каша), Шипицин (от шипица — шиповник), Шишкин (шишка). Среди последних есть не очень ясные, например, Дубовкин (но что такое дубовка?). Подкорытов (от под корытом?), Прожерин (от прожирать?). Есть несколько фамилий на -ЫХ, -ИХ: Ильных, Толстых, Хороших. Как уже было отмечено раньше, они произошли от вопроса **Чьих вы?** вместо **Чьи вы?** Ответ: Ильных (от имени Илья), Толстых (от прозвища Толстый), Хороших (от прозвища Хороший).

Интересны фамилии от личных имен **Крысанов** и **Вахрамеев**. В их основе лежат диалектные, народные переделки церковных имен: **Хрисанф** и **Варфоломей**. Первое превратилось в **Крысан**, второе — в **Вахрамей**. Фамилия **Усолецев** происходит от слова **усолец** — житель села, в котором занимались вываркой соли. Это типично севернорусское слово.

Товарищ Толстых приводит фамилии совершенно загадочные, по-видимому заимствованные: **Демус** (не немецкая ли? У немцев нередки фамилии на ус, например, Лепсиус); **Куваев** (из коми-пермяцкого?), **Ялин** (из татарского?), **Ракульцев**, **Темерев** (?).

Вопрос о фамилиях жителей Урала еще ждет своего разрешения. Им просто не занимались. А между тем уральские фамилии представляют огромный исторический и этнографический интерес, ибо Урал — это зона усиленного смешения

наречий и языков. Тут может быть все — и тюркские, и древнерусские, и германские, и финские, и литовские, и кавказские элементы. Среди чисто русских фамилий могут быть выделены происходящие от слов, встречающихся в разных диалектах. Конечно, большинство из них прозрачно по своему образованию. Так, **Пушкин** — сын или потомок человека по прозвищу Пушка; **Лысенко** — от корня лыс — сын Лысого (кстати, обе приведены в письме Толстых). Но есть и не очень простые случаи. Казалось бы, фамилия **Рябов** происходит от **рябой**, но если учесть, что в севернорусских говорах слово **ряб** означает **рябчик**, то толкование раздваивается. То же с фамилией **Сенцов**. Проще всего предположить, что она — от **сенцо** (странное прозвище Сенцо; но чего не бывает в диалектной речи! вспомним, что в одном из сказов Бажова читателю встречается некий Санко, по прозвищу **Масличко**). Но, с другой стороны, можно также предположить, что эта фамилия в древности произносилась **Синцов** (от **синец** — синеватый лён). Слово могло быть забытым при переселении северян на Урал, и фамилия изменилась.

Интересно название населенного пункта, где проживает Толстых: деревня Котюрова. Видимо, основал ее человек по прозвищу Котюр (есть такое выражение **котюром бежать**, **бежать во весь дух**); **котюр** — странное слово, по-видимому, родственное глаголу катить.

Читательница Гаркуша Е. К. из города Уфы пишет, что она родилась в деревне Михайловка Бродокалманского района Челябинской области, и сообщает, что эта деревня носила еще прозвище Пенькова, потому что была построена на месте вырубленного леса. Она просит объяснить свою девичью фамилию — **Шкерина**. Это довольно трудная задача. В литературном русском языке есть слов **шкеры**, **шхеры** — морское побережье, густо усеянное островками, с тесными проливами. Это слово шведское, и вряд ли от него идет уральская фамилия. Другой вариант — фамилия **Шкерина** происходит от жаргонного слова **шкеры** — штаны, но и это объяснение трудно доказуемо. Ведь фамилия, может быть, старинная, а жаргонная лексика, как правило, долго не живет —

она быстро меняется. Остается третий вариант — предположить, что слово шкера могло быть диалектным вариантом слова шкура (сравним: скоро, скорняк, шкура; вполне вероятно и шкера, хотя и не зафиксировано в словарях). Что касается фамилии Гаркуша, то она происходит от глагола гаркать — громко кричать, звать; каркуша — громкоголосый.

Товарищи Даниленко Н. В. и Гаврилов В. И. из деревни Чермино Таборинского района Свердловской области прислали список фамилий, из которых надо отметить совершенно таинственную Кантузоров. Может быть, кто-нибудь из читателей прольет свет на ее рождение? Здесь же приводится фамилия Олеников. Скорее всего, она должна звучать Олейников, от слова олей — растительное масло. Олейник — тот, кто продает олей или ведает им (сравните церковно-славянское елей — оливковое масло). В акающих говорах она звучит как Алейников.

Вообще говоря, анализировать фамилии нелегко. Это занятие требует, помимо массы специальных знаний, еще и изощренного чутья языка, незаурядной интуиции. Иногда приходится прибегать к догадкам. Попалась мне, например, фамилия Слушкина. Я начал размышлять: откуда она? Разобрал по составу: корень слуш, суффикс к, суффикс ин, окончание а. Что такое? Странно. Если эта фамилия происходит от слова слушок (родительный падеж — нет кого, чего — слушка), то она должна бы звучать Слушкова, а не Слушкина. Думал я, думал, и вдруг вспомнил, что носительница этой фамилии произносит слово с легким назальным акцентом, как говорится, «в нос». Меня как громом поразило. Фамилия должна писаться не через Ш, а через Ж! Служкина, а не Слушкина! Служкина — значит принадлежащая службе (уменьшительное от слова слуга).

Я ответил только на самые любопытные вопросы о происхождении фамилий и благодарю всех читателей журнала, приславших свои отклики и письма.

В. ЖИТНИКОВ,
доцент Уральского государственного
университета имени Горького

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» за 1970 год

ЛЕНИНИАНА

- Дмитрин Г., Маршалов Б. По заказу мальчишек. № 8.
Здесь жил и работал Ленин (основные места жизни и деятельности). № 1.
Клюев П. Рабочая власть. № 1.
Любарский А. Патруль улицы Широкой. № 4.
Наумов Л. «Экз. Ленина». № 1.
Рябинин Б. Есть в России такие места... № 4.
Сафронов С. Первые памятники Ильичу. № 2.

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- Байрамов Н. Стихи. № 5.
Белов В. Око Дельфина. № 10.
Богданович К. Афонья правит посольство. № 1.
Верн Ж. Школа Робинзонов. №№ 2—6.
Ветов В. Необычайные приключения Боченкина и Хвоща. № 12.
Гагарин С. Ветка березы. № 12.
Голованов Б., Сибирев В., Романов А., Тучин Б., Лившиц С. Стихи. № 11.
Голышев Г. Шатун. №№ 10—11.
Глазачев Я. Соленый ветер. № 11.
Гурулев А. Чанинга. № 8.
Домовитов Н. Стихи. № 1.
Дубровина Э. Стихи. № 4.
Жемчужников В. Приезжай. № 12.
Еранцев А. Стихи. № 7.
Златкин В. Досье доктора Джеймса. № 12.
Зорин В. «Матросский» отсек. Крутые берега. № 9.
Ивкин П. Гошка-младший. № 7.
Клещев Д. Липовый лог. № 3.
Кольцов В. Стихи. № 3.
Крапивин В. Флаг отхода. № 12.
Криволапов В. Стихи. № 3.
Кулехов М. Отец. № 10.
Ледков В. Стихи. № 8.
Ливен Л. Стихи. № 3.
Лившиц Д. Стихи. № 12.
Макарова Н. Июль високосного года. № 9.
Марьев Б. Стихи. № 1.
Марьев Б. Стихи. № 10.
Машковцев В. Стихи. № 7.
Мережников Н. Стихи. № 1.
Мирошниченко Н. Мать. № 7.
Муса Гали. Стихи. № 6.
Немировский А. Закон. № 4.
Немировский А. Лжехалдей. № 7.

Норов П. Сокровища «Черного принца». № 9.
 Полуянов И. Росомаха. № 12.
 Рожнев Б. Снежные призраки. № 5.
 Романов А. Стихи. № 1.
 Румянцев Л. На Черной речке. № 4.
 Семенов А. Шуба сцарского плеча. Стихи. № 2.
 Сенников Г. Машка. № 10.
 Сорокин В. Стихи. № 9.
 Федоров И. Хутор Веселый. № 2.
 Шпанов Н. Цена рекорда. № 7.
 Шумилин В. Баллада о возвращении погибшего сына. № 5.

О ПОДВИГАХ, О ДОБЛЕСТИ, О СЛАВЕ

Альтов В. Экипаж машины боевой. № 2.
 Альтов В. Кавалер «Золотого руна». № 8.
 Алискина Э. Тридцать тысяч имен. № 2.
 Беданов М. Братья. № 11.
 Богуславский И. Семнадцатилетние. № 2.
 Вадильев Я. Штормовые мили. № 3.
 Волосатов А. «Майор» Толя Кочетков. № 9.
 Галязимов Б. Дорога смерти. № 1.
 Грин Б. Высокое небо. №№ 1—2.
 Голубев Л. Маленький адъютант. № 10.
 Дубинин Н. Девчата с лукошками. № 5.
 Ипатов И. Тяжелое ружье. № 2.
 Каминский М. Ночные птицы войны. № 8.
 Колос И. Разведчик «Гром». № 5.
 Королев Г. Баллада о машинисте. № 8.
 Костржевская Н. Могила Ансара. № 11.
 Кочегин П. На «тихом» фронте. № 5.
 Ожегов А. Приключения на «седьмом небе». № 4.
 Плашинов Д. И звали его Иваном. № 1.
 Рябинин Б. Я — гвардия!. № 10.
 Санов В. У студеное моря. № 7.
 Семенчик И. Дорога к небу. № 9.
 Стариков В. Память моя — солдаты... № 5.
 Шакинко И. Тому порукой. №№ 3—4.
 Яковлев А. Жизнь — людям. № 2.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Блюм А., Павлов В. «Об Уфимской губернии см. Ремезова...» № 4.
 Волосатов А. Первый в уральском небе. № 11.
 Воронов Г. Шкатулка северных сокровищ. № 10.
 Гомельская С. Клад, единственный в своем роде. № 1.
 Деркач П. Из Камы в Печору. № 3.
 Жук В. Его стоит вспомнить. № 9.
 Казанцев П. Строки, не стертые временем. № 9.
 Канторович Г. Искусство глины и огня. № 11.
 Коровин А. Конец легенды. № 5.
 Коровин А. «Добрый мастер» — тобольский узник. № 11.

Лемещук Г., Матвеева Т. Коломбов российских юбилей. № 12.
 Марков А. Атаман Метелка. № 9.
 Никитин А. «Чтоб весь Урал со дня создания...» № 3.
 Осинцев Л. Пчеловод из Шадринска. № 11.
 Павлов В. За кованой дверью. №№ 6—7.
 Попов С. История серебряной пластинки. № 10.
 Садырин В. Уржумский «Шайтан». № 8.
 Седьмое чудо Урала. № 7.
 Тумбасов А. Родной с Камы. № 5.
 Тумбасов А. Города на дне морском. № 10.
 Утков В. Друзья сказки. № 1.
 Юдин И. Разыскивается метеорит. № 5.
 Шадрин А. Таежная диковина. № 8.
 Шарц А. Пермская Царь-пушка. № 4.
 Шарц А. «Привет из Мотовилихи!» № 11.
 Швецов Д. Библиотека просветителя. № 6.

МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА

Биленкин Д. Дырка в стене. № 11.
 Блюм А. Первая русская «Марсиана» и ее автор. № 5.
 Бугров В. ...И выдумали самих себя! № 7.
 Варшавский И. Все по правилам. № 11.
 Губин В., Чебаненко И. Проданный... аппетит. № 10.
 Семенов М. Пленники земли. № 8.
 Хлебников А. Икар в офсайде. № 10.

ТРОПОЮ ПОИСКА

Богданович К. Книжные раритеты Сибири. № 12.
 Гребенников В. Я рисую тараканов. № 2.
 Мазунин А. Книжные судьбы. № 9.
 Нечаев А. Тропую Арсеньева. № 1.
 Рубан И. По следам «Коломбов русских». № 6.
 Савин О. Из рода Лермонтовых. № 12.
 Чеботарева В. Михаил Булгаков на Кавказе. № 11.
 Эйдельман Д. Сокровище Аут-Скерриса. Четвероногие спасители. № 2.
 Яровой Ю. Золотая рыбка, или повесть о нечаянных странствиях. № 6.
 Яровой Б. Забытые острова. № 11.

ДАЕМ АДРЕСА РОМАНТИКАМ

Вакуловская Л. Далеко за Магаданом. № 12.
 Кожевников Н. На трассе газопровода. № 4.
 Санин А. Третье измерение. № 2.
 Ткаченко К. И все-таки есть! № 11.

НАУКА, ТЕХНИКА, ТРУД

Беляев А. Азъ, буки, веди. № 5.
 Граевский А. Речной дворник. № 9.

Житников В. Азъ, буки, веди. №№ 2, 4, 9—12.
Курганов В. Путевка в мастерство. № 12.
Лазарев Г. Азъ, буки, веди. № 7.
Машкин Г. Lapis philosophorum. № 7.
Сергеев Б. Живое электричество. № 3.
Турунтаев В. Наше мужское дело. № 7.
Фабричный И. Азъ, буки, веди. № 3.

НА ПРИЗ НАШЕГО ЖУРНАЛА

Альтов В. К истокам. № 12.
Вул И. Здесь был ранен Островский. № 9.
Казанцев А., Чебурашин А. По дорогам
войны. № 5.
«Как крепок хмель веков!» № 11.
Крылатой души человек. № 10.
Мы ищем адрес. № 4.
Отважный ас — Рая Беляева. № 3.
Попов Ю., Новиков В. Последнее путеше-
ствие Григория Потанина. № 8.

ОПЕРАЦИЯ «Ч»

Викторов Е. Если бы везде так! № 7.
Головко В. Там, где начинается Чусовая. № 2.
Головко В. О «плавучем дворнике» и его кли-
ентах — радивых и нерадивых. № 5.
Головко В. На Сылве. № 11.
Константинова Е. Поход добрых дел. № 11.
Михайлюк В. Слезы Вишеры. № 8.
Мулев В. Что же медлить?! № 2.
Рябинин Б. Злополучный узел. № 6.
В каждом номере следопытская хроника.

НАШ МУЗЕЙ РЕДКОСТЕЙ.

Ботова В. Акшутский лесопарк. № 12.
Брабич В. Монеты рассказывают... № 10.
Кирпичников А. Сабля Карла Великого. № 1.
Кирпичников А. Камнеметная артиллерия.
№ 12.
Купавцева Э. Херсонес. № 3.
Макарова Л. Дереву 35 миллионов лет. № 2.
Максимов Е. Флейта пана. Девушка из Бе-
режновки. «Брони дощатые». № 5.
Михайлюк Е. Сказка на семидесяти гекта-
рах. № 6.
Никитин А. Круглая башня. № 3.

Никитин А. Гараж на дне моря. А Кама-то
стала короче. Загадка воеводского дома. «За-
морский плант». № 8.
Розов А. «Зело крепок сей орех был». № 1.
Рябов Ю. Единственный в стране. № 8.
Садырин В. Уникальная находка. № 9.
Сергеев В. Деревянные часы. № 4.
Челышев Б. Портрет Брюллова. № 8.

ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ

Абрашев К. Медвежья охота. Любопытная зве-
рюшка. № 1.
Банькин В. Загадочные браконьеры. № 4.
Банькин В. Мимолетная встреча. № 7.
Буталов А. Моя фотоохота. № 6.
Дедов П. Предзимье. Оспан. Березовый ли-
вень. № 11.
Зимняя радуга. № 8.
Керченко М. Пчелы и люди. № 9.
Конакова Л. Лесная сказка. № 3.
Коробейников Б. «Святой Иона» — птичий
остров. № 2.
Коробейников Б. Бобошка. № 9.
Капорейко О. Сохатый. № 11.
Костылев В. Береза. № 11.
Николаев Н. Артист. Пеганка и др. № 7.
Павлинин В. Кто ныряет лучше. № 4.
Павлинин В. Девять месяцев сна. № 12.
Пашук А. Моя фотоохота. № 12.
Раздобреев К. Павлинин В. Необычный
случай. № 10.
Федоров Л. Бубенцы. Снегири и др. № 6.
Федоров Л. В этом неизведанном мире. № 11.
Фомин Л. Что приснилось мне зимней ночью.
№ 1.
Хакимов Э. Моя фотоохота. № 3.
Чернов Ю. Осада на озере Есей. № 7.
Яковлев Н. Моя фотоохота. № 7.
Яковлев Н. Потерянный ключ. Лесные шоро-
хи. Упрямая. № 10.

СЛЕДОПЫТСКАЯ КНИЖНАЯ ПОЛКА

Боголюбов К. Автор «Урмана». № 7.
Брандис Е. Потомки Робинзона Крузо. № 6.
Краснов Г. Стремление к совершенному. № 8.

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Технический редактор Э. Максимова. Корректор Н. Трубникова.
Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87. Телефоны 51-22-40.
Средне-Уральское Книжное Издательство

НС 17197. Подписано к печати 9/XI 1970 г. Бумага 84×108¹/₁₆=2,62 бум. л.—8,82 печ. л.
Уч.-изд. л. 9,18. Тираж 145 000. Цена 30 коп. Заказ 571.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», г. Свердловск, пр. Ленина, 49.

В НОВОГОДЬЕ ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ МЧИТСЯ
ЧЕРЕЗ ГОРЫ, РЕКИ И ЛЕСА.
И ОПЯТЬ ЖУРНАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ
РАЗДУВАЕТ, СЛОВНО ПАРУСА!

Все излазил по Уралу,
Не жалел в походах ног.
Но осталось, оказалось...
Ровно столько же дорог!
Турист

И вы не бывали
Нигде на Урале!!
Тогда побывайте.
До встречи в журнале!
Бывалый человек

Читайте в журнале
О том, что нашли
В забытом подвале
В столетней пыли!
Архивариус

Не ждите к обеду
Идем по следу.
Маячит открытие ценной руды.
В 71-й ведут следы. Следопыты

Встречаемся в полночь.
Ждем всех, кто причастен.
Пароль: «С новым годом!»
Ответ: «С новым счастьем!»
Агент УС-71

Пусть за елочками дядя
В лес не кажет нос.
Возле елочек в засаде
С нами — Дед Мороз!
Зеленый патруль

Приходилось вам случайно
Вдруг напасть на странный след?
Неразгаданные тайны
Ждут пытливых непосед!
Искатель

Год 71-й имея в виду,
Можно гадать аж до зуда в темени.
А я в этом самом новом году
Уже побывал на машине времени!
Фантаст

На карту попристальной гляньте-ка,
На ней столько мест незнакомых.
Даем адреса романтикам!
А трус пусть останется дома.
Романтик

ЧТО ЖДУТ СЛЕДОПЫТЫ ОТ НОВОГО ГОДА!
НОВЫХ МАРШРУТОВ И НОВЫХ ЗАБОТ,
НОВЫХ ОТКРЫТИЙ И НОВЫХ НАХОДОК...
ДРУЗЬЯ, С НОВЫМ ГОДОМ!
ТРУБИТЕ ПОХОДИ!

Стихи И. Итина
Рисунки З. Баженовой

М. РОГОЖНЕВ

НА СИБИРСКИХ ПРОСТОРАХ

30 коп.

73413

И. о. главного редактора А. БОГАЧЕВ
Редколлегия: В. АЛЬТОВ, А. АСС, М. ГРОССМАН, Ю. КУРОЧКИН,
О. ЛЕОНОВА, А. МАЛАХОВ, Г. МАШКИН, МУСА ГАЛИ, В. НИКОНОВ,
Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный секретарь),
В. ШУСТОВ